

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2019 Том 10 № 3

**Парадигмы функциональной семантики
XXI века**

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 04.11.2019. Выход в свет 13.11.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,93. Тираж 500 экз. Заказ № 1109. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2019 VOLUME 10 No. 3

Functional Semantics Paradigms
of the 21st century

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

Парадигмы функциональной семантики XXI века

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

- Денисенко В.Н., Перфильева Н.В. (Москва, Россия).** Функциональная семантика и лингвосемиотика 553

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ И ЛИНГВОСЕМИОТИКИ

- Маслова В.А., Лавицкий А.А. (Витебск, Республика Беларусь).** Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности) 567
- Маркелова Т.В. (Москва, Россия).** Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля 581
- Беляков М.В. (Москва, Россия).** Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии 593
- Свердлова Н.А. (Иркутск, Россия).** Герменевтические аспекты билингвизма: роль межъязыковой интерференции 602
- Kuzmin, P.A. (Moscow, Russia). (Кузьмин П.А. (Москва, Россия)).** The Semiotic Method of Cognition of Reality: Limits of Applicability (Семиотический метод познания реальности: границы применимости) 610

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ ↔ ОТ ТЕКСТА К СЛОВУ

- Вековищева С.Н., Гусейнова М.И., Приорова Е.М., Савченко Е.П. (Московская область, Россия).** Лексико-семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык 622
- Котеняткина И.Б. (Москва, Россия).** Своеобразие современного испанского языка Гватемалы: лексика 634
- Чигашева М.А. (Москва, Россия).** Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке 644
- Осокина Е.А. (Москва, Россия).** Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен «Маленького героя» Ф.М. Достоевского 653
- Коренева Ю.В. (Московская область, Россия).** Семантический объем слова *осуждение* в словах и поучениях русских святых XX в. 665

КОНЦЕПТОСФЕРА И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ДИСКУРСА

- Зайцева И.П. (Витебск, Республика Беларусь).** О своеобразии проявления эстетической функции в современном драматургическом дискурсе 673
- Козлова Л.Я. (Санкт-Петербург, Россия).** Компонентный анализ как микросистема фундаментальных смыслов в произведении У.С. Моэма «THEATRE» 687
- Filyasova, Yu.A. (Saint-Petersburg, Russia) (Филясова Ю.А. (Санкт-Петербург, Россия)).** The English Economic Term ‘Human Capital’ and Its Semantic Field in Scientific Discourse (Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе) 700
- Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. (Московская область, Россия).** Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) 714

Functional Semantics Paradigms of the 21st century

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

- Denisenko, V.N., Perfilieva, N.V. (Moscow, Russia).** Functional Semantics and Linguosemiotics 553

METHODOLOGY AND METHODS OF FUNCTIONAL SEMANTICS AND LINGUOSEMIOTICS

- Maslova, V.A., Lavitski, A.A. (Vitebsk, Republic of Belarus).** Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention) 567
- Markelova, T.V. (Moscow, Russia).** Sign-Pragmeme as a Semiotic Dominant of the Axiological Field 581
- Belyakov, M.V. (Moscow, Russia).** Semiotic Dominants of the Information Presentation in Digital Diplomacy 593
- Sverdlova, N.A. (Irkutsk, Russia).** Hermeneutic Aspects of Bilingualism: the Role of Interlingual Interference 602
- Kuzmin, P.A. (Moscow, Russia).** The Semiotic Method of Cognition of Reality: Limits of Applicability 610

LEXICO-SEMANTIC TRANSFORMATIONS: FROM WORD TO TEXT ↔ FROM TEXT TO WORD

- Vekovishcheva, S.N., Guseinova, M.I., Priorova, E.M., Savchenko, E.P. (Moscow, Russia).** Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English 622
- Kotenyatkina, I.B. (Moscow, Russia).** Lexical Peculiarities of the Modern Spanish Language of Guatemala 634
- Chigasheva, M.A. (Moscow, Russia).** Possibility of Semantic Transformation of Proper Names in the German language 644
- Osokina, E.A. (Moscow, Russia).** Authorial neologisms and occasionalisms. The phenomenon of the novel “The Little hero” by F.M. Dostoevsky 653
- Koreneva, Y.V. (Moscow Region, Russia).** Semantic volume of the word *Conviction* in the Words and Homilies of the Russian saints of the 20th century 665

CONCEPTUAL SPHERE AND AESTHETIC FUNCTION OF DRAMA TEXT AND DISCOURSE

- Zaitseva, I.P. (Vitebsk, Republic of Belarus).** About the Originality of the Manifestation of the Aesthetic Function in Modern Dramatic Discourse 673
- Kozlova, L.Ya. (St. Petersburg, Russia).** Componential Analysis as a fundamental senses microsystem in W.S. Maugham's 'THEATRE' 687
- Filyasova, Yu.A. (Saint-Petersburg, Russia).** The English Economic Term 'Human Capital' and Its Semantic Field in Scientific Discourse 700
- Pasechnik, T.B., Savelieva, I.G. (Moscow Region, Russia).** What is the Colour of the Feeling (A Case Study of English Idioms with Colour Components) 714

Парадигмы функциональной семантики XXI века Functional Semantics Paradigms of the 21st century

УДК 81'37:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-553-566

Редакционная статья / Editorial

Функциональная семантика и лингвосемиотика

В.Н. Денисенко, Н.В. Перфильева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Введение

18—19 апреля 2019 г. в Российском университете дружбы народов состоялась Международная научная конференция V Новиковские чтения «Функциональная семантика и лингвосемиотика», организованная кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов.

© Денисенко В.Н., Перфильева Н.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Новиковские чтения стали визитной карточкой филологического факультета РУДН. Хроника Новиковских чтений восходит к 2006 г.: в 2006 и 2009 гг. конференция называлась «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения»; затем в 2011 и 2014 гг. под названием «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» прошли III и IV Новиковские чтения, а в 2019 г. V Новиковские чтения обрели статус «Функциональной семантики и лингвосемиотики».

Эволюция названия международной конференции отражает развитие исследовательской научной мысли. Однако основным остается единство функциональной семантики и семиотики, поскольку функциональная семантика последовательно осуществляется и в языке — сложной семиотической системе, и в других системах вплоть до материальных знаковых систем. Взаимодействие функциональной семантики и семиотики знаковых систем отображает связи языка и окружающей действительности, сохраняя автономность языка и представляя язык как искусство, как творческий процесс, по Ю.С. Степанову. Таким образом, объективируется тематика конференции, привлекающая исследователей не только семантики и семиотики языка и текстов художественной литературы, но и изобразительных семиотических систем — архитектуры, декоративного искусства, орнаменталистики, фотографии, фильмографии и киноведения.

Это традиционный научный форум, освященный именем Льва Алексеевича Новикова — крупнейшего российского филолога и языковеда, многогранного ученого, труды которого — поистине неиссякаемый источник для многих поколений филологов. Новиковские чтения проходят в Российском университете дружбы народов уже в пятый раз. Ученики, единомышленники и последователи Л.А. Новикова, сделавшие Слово своей профессией — представители филологической университетской науки более чем из 30 городов России, ближнего и дальнего зарубежья — приняли участие в работе конференции. Здесь собрались маститые ученые и начинающие исследователи языка, погруженные в филологию — науку, моделирующую речевое общение, формирующую эстетику творчества, культуру и историческую память народа, да и саму жизнь во всех ее формах и проявлениях.

Цель конференции — обсуждение современных проблем функциональной лингвистической семантики и семиотики, теории художественного текста и дискурса, поэтики и риторики, вопросов межкультурной коммуникации, теории и практики художественного перевода, в том числе в междисциплинарном аспекте. V Новиковские чтения получили поддержку руководства РУДН и научных партнеров: это Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Ереванский государственный университет.

Конференцию открыли Проректор РУДН по научной работе, доктор философских наук, профессор Н.С. Кирабаев и Председатель Оргкомитета Международной конференции, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, доктор филологических наук профессор В.Н. Денисенко.

Профессор Н.С. Кирабаев подчеркнул важную роль V Новиковских чтений, ставших традиционным представительным научным форумом, для укрепления научного сотрудничества филологического факультета РУДН, вузов России,

ближнего и дальнего зарубежья. Он говорил о глубоком родстве языка и философии как форме миропонимания человека, о взаимосвязи языка и мышления. Язык как пространство мысли неотделим от познания. Философия не может не опираться на семиотику, языковой знак идентифицирует предметы и явления внеязыковой действительности.

Семиотика как исследовательская парадигма, методология анализа познавательной деятельности объединяет различные подходы, связанные с весьма широким спектром научных исследований.

Профессор Н.С. Кирабаев выразил надежду, что на следующих Новиковских чтениях будут представлены доклады об исследовании семиотических принципов в теории познания, что связано и с вниманием к языку вообще, и с анализом языка науки в различных философских направлениях.

На Пленарном заседании с научными докладами выступили известные ученые, коллеги и ученики Л.А. Новикова.

Профессор В.А. Маслова (Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, республика Беларусь), автор ряда книг по концептуальным основам современной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивным и коммуникативным аспектам художественного текста, говорила о Л.А. Новикове как ученом широчайшего диапазона, основателе сильнейшей в Европе семиотической школы, о «семантических озарениях» ученого как исследователя глубинных знаний. В своем докладе она обратилась к научному наследию Л.А. Новикова в аспекте комплексного подхода к художественному тексту и интегративного подхода к лингвистике вообще, вспоминая свое плодотворное научное сотрудничество с многогранным ученым и яркой личностью.

Профессор И.Г. Милославский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия) выступил с докладом, посвященным вопросам обучения активным речевым действиям, обеспечению продуктивной речевой деятельности на русском языке как важнейшей проблеме фундаментальной и прикладной лингвистики. Он особо отметил, что от изучения языка ради самого языка наука перешла к исследованию отношений между языком и действительностью, и Л.А. Новиков стал одним из тех, кто обосновывал эту научную парадигму, развивая идеи семиотики, изучал проблемы знака — связей между действительностью. Профессор Г.Т. Хухуни (Московский городской областной университет, Московская область, Россия), известный специалист по теории языка, историческому языкознанию и переводоведению, посвятил свой доклад проблемам модернизации при переводе библейского текста, отметив, что они обусловлены рядом факторов: стремлением приблизить библейский текст к современным языковым нормам, адаптировать исходный текст к современной переводчику действительности, придав ему «политкорректный» характер, что часто, как ярко и убедительно было показано в докладе, приводит к весьма неоднозначным результатам. Профессор Г.В. Векшин (Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, Москва, Россия), продемонстрировал преемственность глубоких научных идей Л.А. Новикова — исследования художественного текста, рассказав о принципе звукового равновесия в стихе. Он отметил, что единицы фонетического

уровня усиливают семантическую значимость поэтической речи с ее тонко развернутым механизмом поэтической номинации, углубляющем представление о мировидении и сознании человека, его эстетических ценностях. Профессор М.Л. Новикова (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия) в докладе, посвященном вопросам смысловой плотности художественного текста, семантическим преобразованиям и дискурсивной аномальности, обратилась к наследию Л.А. Новикова в области исследования феномена эстетического в языке.

В последние десятилетия ушедшего века в трудах Л.А. Новикова уделялось большое внимание эстетическим аспектам языка в свете терминологически существенного метасравнения «языка как искусства». Важным основанием для выделения значения как эстетической категории служит положение о единстве эстетики и общей лингвистики. Словесное искусство не только художественное познание и моделирование мира, но и особая эстетическая коммуникация.

Участники Пленарного заседания отметили большое значение Международной конференции — V Новиковских чтений для сохранения традиций научной школы функциональной семантики, у истоков которой стоял Л.А. Новиков. Наиболее яркие открытия в науке делали не узкие специалисты, а люди, мыслящие широко, сочетающие в своих исследованиях далекие, но взаимодополняющие аргументы и знания. Л.А. Новиков увидел и начал разработку целого ряда семиотических проблем, предложив исследовательскую парадигму, методологию анализа, которые в XXI веке стали основополагающими.

Научная программа конференции была очень насыщенной и разнообразной. Ее формат включал пленарные и секционные заседания, панельные дискуссии, мастер-классы, круглые столы.

Работа Международной научной конференции проходила в пяти секциях:

Междисциплинарные связи функциональной семантики и лингвосомиотики в антропоцентрической парадигме (руководители доц. А.Л. Новиков, доц. М.А. Рыбаков);

Язык как семиосфера: семантический континуум языка, текста и дискурса (руководители доц. О.И. Александрова, доц. О.В. Лазарева);

Семантические и семиотические параметры художественного текста и дискурса (поэтика, стилистика, риторика, художественный перевод (руководители проф. О.И. Валентинова, доц. И.Е. Карпенко);

Семиотика культуры и межкультурная коммуникация (руководители доц. Н.В. Новоспасская, асс. Н.А. Бубнова);

Семантическое поле как пространство смыслов: взаимодействие лексики и грамматики. Текстовый семиозис (руководители проф. Е.А. Красина, доц. М.В. Лысякова);

Круглый стол. Эстетическая функция языка в художественном тексте и за его пределами (модераторы проф. Е.Н. Ремчукова, проф. И.В. Бугаева, координатор П.Ю. Повалко);

Круглый стол. Методы исследования художественного текста и авторская лексикография (модераторы проф. Н.Л. Чулкина, научный сотрудник отдела экспериментальной авторской лексикографии ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Е.А. Осокина; координатор к.ф.н. К.Э. Касымалиева).

В конференции приняли участие ученые из разных городов России: Иркутск, Кемерово, Коломна, Королёв, Красноярск, Краснодар, Москва, Самара, Санкт-Петербург, Сургут, Тверь, Ялта, Ярославль и др.; стран ближнего и дальнего зарубежья: Афганистан, Белоруссия, Вьетнам, Босния и Герцеговина, Ирак, Казахстан, Канада, Кипр, Латвия, Молдавия, Мадагаскар, Польша, Сербия, Таджикистан, Украина, Эстония и др. На конференции было заслушано около 100 докладов и сообщений. Рабочими языками конференции были русский и английский.

Тематика докладов охватила все ключевые направления функциональной семантики и лингвосемиотики: язык как семиосфера; язык и текст: семантический континуум и текстовый семиозис; семантическое поле как пространство смыслов; интеллектуальные технологии и семиотическое моделирование; функционально-семантические и семиотические доминанты в языке и тексте; семантические и семиотические параметры художественного текста и дискурса; семиотика культуры и межкультурная коммуникация; категория образности в художественном тексте и переводе.

Материалом исследований ученых, принимавших участие в конференции, послужили английский, арабский, вьетнамский, греческий, испанский, китайский, латышский, польский, русский, сербский, французский, эстонский и другие языки.

В рамках конференции впервые была реализована программа дополнительного профессионального образования «Русский язык — язык профессионального общения» (в объеме 24 часа), которая вызвала большой интерес у зарубежных и российских участников конференции.

При подведении итогов участники конференции подчеркнули актуальность избранной для обсуждения проблематики, успешную работу на секциях, яркие научные дискуссии, отметили высокий уровень организации конференции, активность ее участников и преемственность научной школы академика Л.А. Новикова.

Идеи школы функциональной семантики, у истоков которой стоял Лев Алексеевич Новиков, плодотворно развиваются и обогащаются. Свидетельством перспективности научного международного форума V Новиковские чтения является и успешная плодотворная работа проведенной в РУДН конференции. Это прекрасная форма научного общения, перспективная возможность обсуждения дискуссионных проблем и актуальных задач как для российских, так и для зарубежных специалистов, учеников и последователей академика Л.А. Новикова, свидетельствующая, что авторитет международной научной конференции Новиковские чтения растет с каждым годом.

Краткий обзор статей номера

Открывает выпуск статья проф. В.А. Масловой и доц. А.А. Лавицкого (ВГУ им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь) «Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности)», в которой речь идет о новом взгляде на семантику, о новой функциональной парадигме семантических исследований, выдвинутой проф. Л.А. Новиковым. Интегративный

подход получил свое воплощение не только в междисциплинарных связях, но и в формировании нового лингвистического знания, зафиксированного новыми «лингвистиками» и их терминосистемами. В частности, речь идет о юрислингвистике, концентрирующей внимание на становлении и разработке собственного понятийного аппарата и словаря. Статья **проф. Т.В. Маркеловой** (АНО ВО Институт современного искусства, Москва, Россия) «**Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля**» рассматривает систему прагматических знаков с точки зрения прагматической функции, в аспекте сигматики. Специфика природы знака-прагмемы обусловлена тем фактом, что семантически и семиотически он представляет собой свернутое суждение и одновременно моделирует аксиологический фрагмент языковой картины мира.

Исследование **доц. М.В. Белякова** (МГИМО МИД РФ, Москва, Россия) «**Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии**» развивает тему языка для специальных целей, включая новые параметры поликодности и мультимедийности дипломатической коммуникации и анализа презентации информации на сайте МИД РФ с позиций теории семиотических доминант. Публикация **Н.А. Свердловой** (Иркутский научный центр Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия) «**Герменевтические аспекты билингвизма: роль межъязыковой интерференции**» представляет и интердисциплинарный подход в описании формирования языковой личности билингва в терминах и понятиях герменевтики и семиотики. Семиотическая методология и методика в прикладном аспекте представлена в статье **П.А. Кузьмина** (Moscow, Graduate School of the Moscow Theological Academy) «**The semiotic method of cognition of reality: limits of applicability (Семиотический метод познания реальности: границы применимости)**». Автор рассматривает тексты С. Аверинцева сквозь призму философии и православия и на основании проведенного анализа делает заключение об универсальности семиотического метода применительно к философско-теологическим текстам.

Большое внимание авторы публикаций уделяют тексту, дискурсу и художественному тексту, его эстетической функции, семантизации его компонентов, трансформациям и переводу. Так, в статье **С.Н. Вековищевой, М.И. Гусейновой, Е.М. Приорова, Е.П. Савченко** (МГОУ, Московская область, Россия) «**Лексико-семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык**» переводческие трансформации отличает культурная специфика языка оригинала, что в языке перевода компенсируется восстановлением ассоциативно-когнитивных связей между лексическими единицами и их денотатами, что требует от переводчика не только особых фоновых знаний, но и понимания культурных кодов языка оригинала. Культурно-специфическая информация актуализируется и в статье **И.Б. Котеняткиной** (РУДН, Москва, Россия) «**Своеобразие современного испанского языка Гватемалы: лексика**», в которой демонстрируются особенности гватемальского национального варианта испанского языка, в котором частотные общеиспанские семантические единицы претерпели смысловые изменения, используется большое количество инноваций и собственных гватемальских, и иного испаноязычного происхождения наряду

с индехинизмами. Исследование **М.А. Чигашевой** (МГИМО МИД РФ, Москва, Россия) «**Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке**» подтверждает, что в языке немецких он-лайн СМИ семантические трансформации имен собственных становятся приемом образования не только новых смыслов и словообразовательных моделей, но и новых слов: появляются деонимы-глаголы, причастия, прилагательные, существительные и наречия. Последние выполняют суггестивную и манипулятивную функции, актуальные для переводоведения и сопоставительной семантики.

Сопоставительный текстовый анализ функционирования авторских неологизмов и окказионализмов представлен в статье **Е.А. Осокиной** (ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, Москва, Россия) «**Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен „маленького героя“ Ф.М. Достоевского**». Основной метод — корпусные технологии применительно к художественному тексту, что дает возможность через авторские словоупотребления создавать особый свертхтекст и в лаконичной емкой характеристике персонажа задавать восприятие текста. Объектом публикации **Ю.В. Корневой** (МГОУ, Московская область, Россия) «**Семантический объем слова осуждение в словах и поучениях русских святых XX в.**» является семантический потенциал слова *осуждение*, анализируемый в сопоставительном аспекте в русском религиозном дискурсе и лексикографических источниках с учетом диахронии и этимологии, с одной стороны, и узуально-контекстуальных смыслов — с другой.

Проявления эстетической функций в драматическом дискурсе становится предметом статьи **И.П. Зайцевой** (ВГУ им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь) на тему «**О своеобразии проявления эстетической функций в современном драматическом дискурсе**». Контекстологический и семантико-стилистический анализ концентрирует внимание читателя и зрителя на организации драматургом композиционно-речевой зоны персонажей, по сути диалогового пространства драматургического дискурса на материале пьесы 2011 года современного автора Е. Черлака «Ипотека и Вера, мать ее». Наконец, в статье **Л.Я. Козловой** (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия) «**Компонентный анализ как микросистема фундаментальных смыслов в произведении У.С. Моэма «Theatre»**» характеризуется конкретный вид анализа — компонентный анализ применительно к драматургическому тексту как семиотический способ выявления фундаментальных смыслов в концептосфере «театр», в речи языковой личности главного персонажа пьесы Моэма.

В статье **Ю.А. Филясовой** (Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия) «**The English Economic Term ‘Human Capital’ and Its Semantic Field in Scientific Discourse (Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе)**» представлены результаты анализа семантического поля английского экономического термина «человеческий капитал» в научном дискурсе, которые раскрывают больше аспектов значения в сравнении с результатами компонентного анализа словарных дефиниций данного термина.

В статье **Т.Б. Пасечник и И.Г. Савельева** (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Московская область, Россия) «**Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями)**» рассматриваются частично или полностью переосмысленные английские фразеологизмы со значением «эмоция», имеющие в своей структуре цветовой компонент, а также особенности эмотивного компонента идиом, входящих в эту группу.

Подводя итоги обзора публикаций выпуска, отметим, что в них последовательно проводится междисциплинарный анализ, системно реализуется функционально-семантический подход к языковому материалу — от слова до текста и дискурса, устанавливается неразрывная органическая связь лингвосемиотических методик и методов в единстве с семантической интерпретацией обозначений, значений и смыслов.

УДК 81'37:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-553-566

Functional Semantics and Linguosemiotics

Vladimir N. Denisenko, Natalia V. Perfilieva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Introduction

V International Conference “L.A. Novikov Readings: Functional Semantics and Linguosemiotics” organized by the General and Russian Linguistics Department, RUDN Philological Faculty, took place in RUDN University on 18—19 of April, 2019.

Novikov Readings have made the trademark of the RUDN Philological Faculty/ and its chronicle dates back to 2006: in 2006 and 2009 the Conference was named “Functional Semantics, Semiotics of sign systems and the methods of their studies” while in 2011 and 2014 the 3rd and 4th Novikov Readings changes their title into “Functional Semantics, Semiotics of Sign Systems”, and finally, the 5th Novikov Readings acquired the name of “Functional Semantics and Linguosemiotics”. The title evolution of the International conference reflects the evolution of the research thought and field. Still, the core idea proceeds from the unity of functional semantics and semiotics as the functional semantics is consistent to reveal itself both in language — a complex semiotic system, and other systems to the extent of material sign systems. Interaction of functional semantics and semiotics of sign systems reflects bonds and binds of language and social realm while preserving the autonomy and independence of language an art and creative process, according to acad. Yuri S. Stepanov. Consequently, subjects and topics of the conference are approved involving researchers not just of linguistic semantics and semiotics or literary text studies, but also the studies of figurative, depictive systems of architecture, ornamentalism, decorative art, photography, filmogtaphy and cinema arts.

This traditional scientific forum blessed by the name of Lev A. Novikov, the outstanding Russian philologist and linguist, whose multifaceted works function as a perennial spring of studies for a great many of philological generations. In RUDN University, Novikov Readings are already held for the fifth time. His followers, associates and disciples who chose WORD as their profession, representing philological university studies from over thirty Russian cities, near and far foreign institutions, took part in the conference. There came venerable scholars and young researchers of languages deeply absorbed in philology — the science modelling verbal communication, forming aesthetics of creative work, culture and historic tradition, moreover, studying life itself in all possible forms and aspects.

The conference aimed to discuss modern topics and issues of functional semantics and semiotics, Theory and discourse of literary text, poetics and rhetoric, cross-cultural communication, theory and practice of literary translation in interdisciplinary aspect as well. V Novikov Readings won the support of RUDN administration and academic partners: the Russian Language Academic Institute n.a. V.V. Vinogradov, the Kazakh National University n.a. Al-Farabi, The Erevan State University.

The conference was led up by Prof. N.S. Kirabayev, the RUDN Pro-Rector for Scientific Studies and Research and Prof. V.N. Denisenko, the Chairman of the Organizing Committee of the Conference and the Head of the General and Russian Linguistics Department.

Prof. N.S. Kirabayev emphasized the important role of the V Novikov Readings which have become a traditional representative forum to strengthen academic collaboration of the RUDN philological faculty and many other Russian universities, higher education institutions of near and far abroad. He spoke about deep interrelationship of language and philosophy as the forms to understand the world, social environment and the man, about interconnection of language and thought. Being a thought space, language is inseparable from cognition. Philosophy can't afford neglecting semiotics as a linguistic sign identifies objects and phenomena of extra-linguistic realm. Semiotic research paradigm, methodology of analysis of cognitive activity unites various approaches of a rather large spectrum of academic studies. Prof. N.S. Kirabayev was looking forward to the next Novikov Readings to present reports on semiotic principles in cognitive theory which is connected with both — attention to linguistic studies on the whole and linguistic analysis in various philosophical theories and schools.

At the Plenary meeting academic reports were delivered by prominent scholars, colleagues and followers of Prof. L.A. Novikov. Prof. V.A. Maslova (Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Balarus), the author of a number of books on the basic concepts of modern linguistics, linguocultural studies, cognitive and communicative aspects of literary text spoke about Prof. L.A. Novikov as a scholar of the widest range, the founder of one of the strongest semiotic schools in Europe, and of his “semantic flashes of genius” to research the deepest knowledge essentials. She appreciated Novikov's academic legacy in relation to complex and integral literary text studies and linguistics on the whole in course of referring to her personal fruitful col-

laboration with a scholar and a bright individuality. Prof. I.G. Miloslavskiy (MSU n.a. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia) made a report on teaching students to master and handle active speech competences to provide productive speech activity in Russian as the most important task of both theoretical and applied linguistics. He specially emphasized the fact that from studying language for the sake of language the science turned to studying relations between language and social realm, and Prof. L.A. Novikov belongs to those scholars who justified this academic paradigm developing semiotics and theory of signs as well as semiotic relations with the objective reality. Prof. G.T. Khukhuni (Moscow State Regional University, Moscow region? Russia), a renowned expert in theory of language, historical linguistics and theory of translation devoted his report to treat the trend to modernize the translation of the Bible text: he stated that it used to be conditioned by a number of factors such as intention to bring the text of the Bible closer to modern linguistic norms, adaptation of the original text for the reality well-known to a translator in the aspect of the so-called “political correctness” which could often lead to rather equivocal results, as the speaker demonstrated vividly and conclusively. Prof. G.V. Vekshin (Moscow Polytechnic University. Higher School of Press and Media-industry, Moscow, Russia) demonstrated continuity of profound scientific views of L.A. Novikov in studying literary text; he treated the sound equilibrium of a verse and tried to prove that the phonetic units strengthen semantic value of poetic speech with its elegant mechanism of poetic nomination in parallel with human worldview and conscience creating aesthetic values. Prof. M.N. Novikova (RUDN University, Moscow, Russia) devoted her speech to the semantic density of literary texts, their semantic transformations and discourse anomalism in the light of L.A. Novikov’s legacy as to studying the phenomenon of aesthetics in language. The last decades of the past century L.A. Novikov paid much attention to aesthetic aspects of language within the studies of terminologically significant meta-comparison of “language as an art”. He based on the idea to prove the stats of meaning as an aesthetic category through the coherence of aesthetics and general linguistics. Verbal art used to be not just a kind of artistic cognition, but rather a specific aesthetic communication.

Participants of the Plenary meeting marked the great importance of the International Conference — V Novikov Readings to preserve traditions of the academic school of functional semantics initiated and promoted by Prof. L.A. Novikov. Most bright academic discoveries have been made not by narrowly focused specialists, but by broad-minded people combining in the research distant but complementary argument and knowledge. Prof. L.A. Novikov has noticed and started to develop quite a range of semiotic issues putting forward a new research paradigm, methodology of analysis which became basic for the science of XXI century.

The programme of the conference was really intensive and tackled various questions. Its format included Plenary meeting, section readings, panel discussions and master-classes.

There were five sections:

Interdisciplinary connections of functional semantics and linguosemiotics in the anthropocentric paradigm; mediators: Ass.-Prof. A.L. Novikov, M.A. Rybakov;

Language as a semiosphere: semantic continuum of language, text and discourse; mediators: Ass.-Prof. O.I. Alexandrova, O.V. Lazareva;

Semantic and semiotic parameters of literary text and discourse; mediators: Prof. O.I. Valentinova, Ass.-Prof. I.E. Karpenko;

Semiotics of culture and cross-cultural communication; mediators: Ass.-Prof. N.V. Novospasskaya, Ass. N.I. Bubnova;

Semantic field as a space of senses and meanings: interaction of lexis and grammar. Textual semiosis; mediators: Prof. E.A. Krasina, Ass.-Prof. M.V. Lysyakova;

Panel discussion “Aesthetical function of language of literary texts and beyond it” had a few mediators: Prof. E.N. Remchukova, Prof. I.V. Bygayeva, Ass. P.Yu. Povalko.

Panel discussion “Research methods to study literary texts and authors lexicography was led by Prof. N.L. Chulkina, Research Associate of the Department of experimental authors lexicography, IRY n.a. V.V. Vinogradov RAN, PhD E.A. Osokina, coordinator PhD K.E. Kasymaliyeva.

The conference embraced researchers from various Russian cities and towns: Irkutsk, Kemerovo, Kolomna, Krasnodar, Krasnoyarsk, Moscow, Samara, St. Petersburg, Surgut, Tver, Yalta, Yaroslavl, and others; from far and near abroad countries: Afghanistan, Belarus, Vietnam, Bosnia and Herzegovina, Iraq, Kazakhstan, Canada, Cyprus, Latvia, Moldova, Madagascar, Poland, Serbia, Tadjikistan, Ukraine, Estonia and others. There were delivered over 100 reports at the conference. Working languages were Russian and English.

Topics of reports covered all key trends of functional semantics and linguosemiotics: language as a semiosphere; language and text; semantic continuum and textual semiosis; semantic field as a space of senses and meanings; functional-and-semantic and semiotic dominants of language and text; semantic and semiotic parameters of literary text and discourse; semiotics of culture and cross-cultural communication; category of imagery of literary text and its translation.

Authors research materials were developed for English, Arabic, Vietnamese, Greek, Spanish, Chinese, Latvian, Polish, Russian, Serbian, French, Estonian and other languages.

In the frames of the conference, the Programme of Extended professional education “Russian as a language of professional communication” (24 periods) was realized. It enjoyed much attention on behalf both foreign and Russian conference participants.

Summarizing the results and impacts of the conference its participants stressed the actuality of the programme and agenda, fruitful work in sections, ardent academic discussions; they marked the high organization level of the conference, active participation and succession of L.A. Novikov’s academic school. The ideas of functional semantics school promoted by Prof. L.A. Novikov are being developed and enriched which is proved by the prospects of the international academic forum — V Novikov Readings in RUDN University this April. It’s an adequate form of academic communication, a prospective opportunity to discuss tasks and targets of linguistics both for Russian and foreign experts, the followers of academic L.A. Novikov’s theory. It’s obvious that the prestige of the conference — Novikov Readings is growing year after year.

A Brief Review of the Articles of the Issue

The opening article of the issue is written by **Prof. V.A. Maslova** and **Ass.-Prof. A.A. Lavitski** (VGPU n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus) under the title “Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention)” which presents a new view of semantics, a new functional paradigm of semantic studies put forward by Prof. L.A. Novikov. Integrative approach is realized not only in interdisciplinary connections, but in the formation of new linguistic knowledge fixed in “new linguistics” and their terminological systems. In particular, the authors treat juridical linguistics focusing readers’ attention on its system of notions, development of terminology and vocabulary. The article of **Prof. T.V. Markelova** (Non-state Art University ‘Institute of Modern Arts’, Moscow, Russia) “**Sign-pragmeme as a semiotic dominant of the axiological field**” discusses the system of pragmatic signs stipulated by pragmatic function and syntactics. Specifics of the origin and nature of a sign-pragmeme is determined by the fact that both semantically and semiotically it represents a compressed judgement and at the same time, it models axiological part of the linguistic worldview. The study of **Ass.-Prof. M.V. Belyakov** (MGIMO MID RF, Moscow, Russia) “Semiotic Dominants of the Information Presentation in Digital Diplomacy” develops the theme of language for special purposes, introducing new parameters of polycode and multimedia aspects of diplomatic communication and analyses the presentation of information on the MID RF site applying the of semiotic dominants theory. Publication of **N.A. Sverdlova** (Irkutsk Research center, Siberian RAN Department, Irkutsk, Russia) “Hermeneutic Aspects of Bilingualism: the Role of Interlingual Interference” explains interdisciplinary approach applied to the description of formation of linguistic bilingual personality in terms and notions of hermeneutics and semiotics. Semiotic methodology and methods applied are treated in the article of **P. Kuzmin** (Graduate School of the Moscow Theological Academy, Moscow, Russia) “**The semiotic method of cognition of reality: limits of applicability**”. The author analyses texts of S. Averintsev through the prism of philosophy and orthodoxy and finally makes a conclusion on universality of the semiotic method to study philosophic and theological texts.

The authors of publications pay much attention to text and discourse, literary text, their aesthetic functions, semantization of their components, transformations and translation. The article of a group of authors — **S.N. Vekovischeva, M.I. Guseynova, E.M. Priorova, E.P. Savchenko** (MGOU, Moscow region, Russia) “Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English” treats translation transformations stipulated by cultural specifics of the source language and in the target language they used to be compensated through the reconstruction of cognitive and associative connections of lexical units, mostly their denotates, so translator should possess not only special background knowledge, but has to understand cultural codes of the source language. Specific cultural information is in the focus of the study of **I.B. Kotenyatkina** (RUDN University, Moscow, Russia) “Lexical Peculiarities of the Modern Spanish Language of Guatemala”. It demonstrates specific features of the Guatemala national variation of Spanish where frequently used Spanish semantic units had

undergone essential semantic changes; a great number of innovations and Guatemala proper ones or even the other ones of Spanish origin in line with local indigenous Indian languages. The article of **Ass.-Prof, M.A. Chigashova** (MGIMO MID RF, Moscow, Russia) “Possibility of Semantic Transformation of Proper Names in the German language” proves that in the language of German on-line media sources semantic transformations of personal names have formed the means to render new meanings and construct new derivational models, but also coin new group of words — verbs-deonyms, participles, adjectives and adverbs. The latter fulfil suggestive and manipulation functions crucial for translation theory and comparative semantics. Comparative textual analysis of functioning authors; neologisms and nonce-words are observed in the article of **PhD E.A.Osokina** (IRY PAN n.a. V.V. Vinogradov, Moscow, Russia) “Authorial neologisms and occasionalisms. The phenomenon of the novel ‘The Little hero’ by F.M. Dostoevsky”. Main method exposes corpus technology in relation to literary text which enables creating through individual author’s usage a specific “supertext” while the laconic characteristics of a personage presets text perception. **PhD Yu.V. Koreneva** (MGOU, Moscow region, Russia) choses for the object of her study “Semantic volume of the word *Conviction* in the Words and Homilies of the Russian saints of the 20th century” semantic potential of a Russian lexeme *осуждение* (condemnation) and analyses it in comparative aspect in Russian religious discourse and lexicographic sources as well together with diachronic and etymologic analyses, on the one hand, and usual contextual meanings, on the other hand.

Revelation of aesthetic function in drama discourse makes the subject of study of **PhD I.P. Zaitseva** (VGPU n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus) “About the Originality of the Manifestation of the Aesthetic Function in Modern Dramatic Discourse”. Contextual and semantico-stylistic analyses focus reader’s and watcher’s attention on playwright’s constructing compositional and speech zones of personages, in fact, a dialogue space of drama discourse as or the 2011 year play by modern playwright E. Cherlak “Mortgage and Vera, mother of hers”. Finally the article of **L.Ya. Kozlova** (Military Space Academy n.a. A.F. Mozhayskiy, St.-Petersburg, Russia) “Componential Analysis as a fundamental senses microsystem in W.S. Maugham’s ‘THEATRE’” characterizes a definite type of analysis — the component analysis as applied to drama text as a semiotic means to reveal profound senses within the conceptual sphere “theatre” through the speech of the main character of S. Maugham’s play. The article, written by **Yu.A. Filysova** (Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Russia) “The English Economic Term ‘Human Capital’ and Its Semantic Field in Scientific Discourse”, contains the results of the semantic field analysis of the English economic term ‘human capital’ in scientific discourse, which indicate more aspects of its meaning in contrast to those of a componential analysis of the term’s dictionary definitions. The article, written by **T.B. Pasechnik and I.G. Savelieva** (State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Russia) “What is the Colour of the Feeling (A Case Study of English Idioms with Colour Components)”, explores English phraseological units with the meaning of *emotion* that have been fully or partially rethought and have a colour component and the emotive component.

Summing up the review of the articles of the issue we'd like to remark that they are consistently carrying our interdisciplinary analysis, realizing systemically functional and semantic approach to language material — from word to text and discourse, establishing inseparable natural connection of linguosemiotic methods in unity with semantic interpretation of nominations, meanings and senses.

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания РУДН. *Сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Перфильева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания РУДН. *Сфера научных интересов*: теоретические вопросы языкознания, теория заимствований, неология, лексическая семантика, лингвосемиотика; *e-mail*: perfilyeva-nv@rudn.ru

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. The sphere of research includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Natalia V. Perfilieva, PhD. in Philology, Assistant Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. The sphere of research includes theoretical issues of linguistics; theory of loan words, neology, linguistic semantics and linguosemiotics; *e-mail*: perfilyeva-nv@rudn.ru

Методология и методы функциональной семантики и лингвосемиотики

Methodology and Methods of Functional Semantics and Linguosemiotics

Научная статья

УДК 811.161.1'37:1:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580

Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности)

В.А. Маслова, А.А. Лавицкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
пр-т Московский, 33, Витебск, Беларусь, 210038

Во второй половине прошлого столетия в лингвистике все ощутимее стали изменения, связанные с назревшей необходимостью перехода науки о языке на принципиально новый этап своего развития. Одним из первых это понял Л.А. Новиков, представивший в 80-е годы XX века новый взгляд на семантику с глубоким философским пониманием ее проблемного поля, стремлением к поиску решений через междисциплинарные связи языка. Для современного языкознания подходы Л.А. Новикова очевидны, но не лишены актуальности и могут стать ключом к разрешению многих проблем, особенно в области терминоведения.

В настоящей статье, основываясь на учении Льва Алексеевича, предпринята попытка дать определение категории умышленности с позиции юрислингвистики, так как использование имеющихся в теории права представлений для нового интегративного направления уже недостаточно. Юрислингвистика вступила в фазу развития, когда остро ощущается необходимость формирования собственного терминологического словаря. Данный процесс не может быть «закрытым» и ограничиваться подходами теории права и теории языка: формирование понятийного аппарата должно проходить на основе представлений, имеющихся в философии, психологии, физиологии, педагогике и т.д. Такое понимание проблемы находит отражение в настоящей работе, что позволяет определить умышленность как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом.

Ключевые слова: Л.А. Новиков, семантика, юрислингвистика, интегративность, умышленность, мотив, намеренность

© Маслова В.А., Лавицкий А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

*Знакомство с мыслями светлых умов
составляет превосходное упражнение:
оно оплодотворяет и изоцирует ум.*

(Иоганн Готфрид Гердер)

Введение

Лев Алексеевич Новиков, ученик Виктора Владимировича Виноградова, стоял у истоков сильнейшей в Европе Московской семантической школы, получившей развитие во второй половине XX века. Его «Семантика русского языка» [1], вышедшая в свет в 1982 году, — образец учебника, в котором чем сложнее идея, тем проще она излагается, а не наоборот, как это часто случается сейчас. Одновременно он гораздо шире и глубже обычного учебного издания. В нем Лев Алексеевич следует заветам И. Канта о том, что нужно учить не мыслям, а мыслить. Он подчеркивал, что язык — «сложное образование, единство психических, физиологических и физических процессов составляющих» [2. С. 388].

Те идеи, которые в начале XXI столетия стали основополагающими для всей лингвистики, Лев Алексеевич увидел еще полвека назад. Только на рубеже тысячелетий языковедение стало осваивать то, что раньше в сферу интересов данной науки не входило, считалось выходящим за рамки ее исследовательских компетенций. Так, сейчас мы отмечаем достаточно высокий уровень интегративности лингвистики не только с гуманитарными, но и естественными науками, что вполне объективно, ибо только обращение к междисциплинарному осмыслению явлений языка позволит получить результаты, способствующие решению сложных научных и практических задач [3. С. 13]. Об этом Л.А. Новиков писал еще в 1982 году, указывая на связь и взаимодействие лингвистики с другими смежными науками — логикой, психологией, философией, теорией поэтики [1. С. 14].

В силу экспансии практикоориентированного подхода и снижения востребованности фундаментальных гуманитарных теорий несколько изменились приоритеты интеграционного взаимодействия языка с другими научными отраслями: на передний план вышли прикладные направления (биология, физика, IT и др.), однако сам принцип облигаторности междисциплинарного подхода, продекларированный Л.А. Новиковым еще в прошлом столетии, отчетливо прослеживается в современных тенденциях лингвистических исследований. Очевидно, в своих трудах Лев Алексеевич придерживался именно этой позиции, что позволяет использовать его наработки в области семантики в преломлении к новым направлениям науки о языке. В частности, в данной статье речь пойдет о возможности их использования как основы для решения отдельных проблем юрислингвистики — направления, оформившегося на рубеже веков на стыке «сложного диалектического взаимодействия юридического и языкового аспектов» [4. С. 49].

Цель статьи — представить на основе семантической теории, разрабатываемой Л.А. Новиковым, определение умышленности как специального понятия в юрислингвистике. Актуальность поставленной цели обусловлена назревшей проблемой формирования собственного терминологического тезауруса юрислинг-

вистики, что объективно необходимо для нормализации понятийного аппарата и дальнейшего развития интегративного направления (на значимость подготовки специального словаря юрислингвистической терминологии указывают Н.Д. Голев и О.Н. Матвеева [5. С. 202]).

О статусе юрислингвистики в структуре современных направлений языкознания

Прежде чем обратиться к детальному рассмотрению заявленной проблематики, следует дать краткую характеристику юрислингвистического направления в перспективах развития его исследовательского поля. Первые попытки осмысления вопросов взаимоотношения языка и права обнаруживаются еще в философских трудах Античности [6. С. 11], однако вплоть до конца XIX века «ни в социальной философии, ни в теоретической юриспруденции не принимались во внимание такие формирующие факторы, как язык права [7. С. 39]», несмотря на то, что, по замечанию одних из первых авторов работ в этой области В.Д. Каткова и В.Д. Титова, «интерес к языку права спорадически проявлялся на протяжении всей истории философско-правовой, законотворческой и практико-юридической рефлексии» [8. С. 432].

Современное понимание феномена языка права сформировалось в рамках немецкой лингвистической школы в конце позапрошлого столетия, где данное понятие определялось как самостоятельный, отдельный профессиональный язык [9. С. 309—316]. В немецком научном дискурсе также впервые появился и термин «правовая лингвистика», который ввел в профессиональный обиход во второй половине 70-х гг. XX в. А. Подлех в своей статье «*Rechtslinguistik*» [10. С. 105—116].

Как отдельная научная отрасль юрислингвистика стала складываться на рубеже XX—XXI вв. В начале своего становления новое направление имело прикладной характер, но вскоре стало очевидно, что без достаточно серьезного теоретического обоснования его существование невозможно в силу неготовности «решать конкретные исследовательские задачи» [11. С. 15].

В основе теоретического осмысления и формирования собственного терминологического тезауруса и методологического инструментария юрислингвистики лежит понимание языка как особого феномена и конструкта системы права. По этому поводу А.С. Александров задает логичный, с нашей точки зрения, риторический вопрос: «Разве не язык есть предел и сама бытийная основа юридической реальности?» [12. С. 4].

К сожалению, необходимость ставить подобные вопросы обусловлена тем фактом, что и в реалиях современной научной парадигмы далеко не все понимают глубокую мысль Н.Д. Арутюновой: «Познание не может пренебречь фактором целостности» [13. С. 315]. На это указывает и то, что сегодня в определении сущности и значимости юридического языка нет единого мнения. Правоведы чаще всего боятся экспансии лингвистической составляющей и понимают данную категорию лишь «как средство осуществления мысли и воли законодателя, и на это понимание хорошо ложится концепция языка как орудия мышления (прежде всего,

в „аристотелевском“ варианте — то есть формальной логики, к которой тяготеет юридическое сознание)» [14. С. 34].

Очевидно, что такой подход можно назвать формальным или узким, так как он не принимает во внимание возможности глубинного познания и отражения действительности, в том числе истины как главной ценности права, коими обладает язык. В этом случае язык представляется как некая «субстанция юридической деятельности» [14. С. 35], основа, детерминирующая фундаментальные категории правового поля. Однако кооперационное взаимодействие языка и права не является конечным этапом в формировании юрислингвистического направления. Так, М.А. Осадчий пишет: «Работа в междисциплинарной области лингвистики и юриспруденции потребовала подключения понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей — экономики и технических наук» [15. С. 5]. Во многом это связано с тем, что «производство судебной лингвистической экспертизы требует применения объективных и проверяемых процедур идентификации признаков преступлений» [16. С. 498]. Но на фундаментальном уровне думается, что это лишь один из начальных уровней интеграции, образующих основы юрислингвистики, который свидетельствует отнюдь не о слабости научного направления, а о его стремлении к глубинному объяснению процессов, поиску оптимально рациональных и верифицированных подходов в понимании языка в праве и права в языке. Таким образом, юрислингвистику следует определять как интегративное научное направление, объектом которого является зона пересечения языка и права (по Н.Д. Голеву, имеет «две составляющие: юридический аспект русского языка и лингвистические аспекты права» [17]). То есть это обширная область научного познания, включающая ряд различных дискурсивных практик: судебную, экспертно-криминалистическую, процессуальную и др.

Интердисциплинарность в семантике Л.А. Новикова

Только теперь стало понятно, что любая лингвистическая теория, опирающаяся только на языковые факты, уже не отвечает запросам современности: она не может объяснить ни процессов коммуникации, ни механизмов вплетения культуры в семантику языковых единиц и — шире — в текст, ни проблем языкового сознания, ни ряда других вопросов, возникающих на стыках разных наук и лингвистики (например, физиологии и языка, микробиологии и языка).

Л.А. Новиков писал: «Как идеальное диалектическое отражение материального мира, значение представляет собой функцию мозга, мыслительный процесс, который является психической формой существования этого идеального отражения» [2. С. 391]. Тем самым он акцентировал внимание на необходимости исследовать значение как с позиции философии, так и психологии. Он предчувствовал, что только синтез научного знания позволяет получить новые знания в семантике.

Этот подход теперь успешно реализуется. Примером может служить работа В.С. Баевского «Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы» [18]. В трудах современных лингвистов также можем увидеть стремление к интегративности и полидисциплинарности

ности: «узконаправленные координаты одной отдельно взятой дисциплины недостаточны для продуцирования новых знаний и перестают вписываться в новую архитектуру мира, его субъекта и гносеологических оснований» [19. С. 11].

На рубеже веков возникает довольно много интегративных направлений, затрагивающих проблемы человека и его языкового сознания, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные. Поэтому для такой сложной области исследования, как язык, свой вклад должны внести представители многих наук — от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Специализация исследований должна идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что именно снятие информационных барьеров между науками и дает мощный импульс для развития исследований. Более того, здесь нужно не только содружество ученых разных профилей, что мы уже начинаем понимать, а «специалисты другого, полидисциплинарного, типа, которых нужно готовить в лучших университетах» [20. С. 75], как считает Т.В. Черниговская.

Такое мировидение позволяет по-новому посмотреть на ряд проблем в разных областях знания, например, на систему образования, которую дробление на специализации и жесткое разграничение гуманитарных и естественных наук чуть ли не в начальной школе привело к кризису. Следствием такого подхода становится фрагментарность в мировидении. Однако мы знаем, что наиболее яркие открытия в науке делали не узкие специалисты, а люди, мыслящие широко, сочетающие в своих исследованиях далекие, но взаимодополняющие аргументы и знания — Леонардо да Винчи, В. Вернадский, К. Циолковский и др. Вспомним также поистине пророческую мысль М.В. Ломоносова о «сближении далековатых идей».

Все эти взгляды разделял Лев Алексеевич, который еще в 70-е годы прошлого века писал о том, что значение символизирует «языковую компетенцию как центральное понятие семантики», а с точки зрения гносеологии — это «специфическое отражение языком объективного мира», с точки зрения онтологии — «результат этого отражения» [21. С. 40]. Следовательно, язык, будучи сложным и загадочным явлением, позволяет отобразить мир во всем его многообразии: и как процесс, и как результат, и как предвидение будущего.

Еще одна интересная идея Л.А. Новикова, получившая развитие в современной лингвистике, заключается в необходимости и важности глубинной интерпретации наблюдаемых в опыте фактов языка. Данное положение прослеживается в ряде работ Л.А. Новикова, в том числе и обращенных к практикам — учителям и преподавателям [1. С. 84]. И сказано это было в век лингвистической бухгалтерии, когда все любили считать и чертить графики.

Идеи Льва Алексеевича о глубинной интерпретации языка вывели на новый уровень функциональную лингвистику, благодаря чему мы увидели дальше Пражцев. Подход Л.А. Новикова дополняет и популярную модель речевой коммуникации Пражской школы, и модель коммуникации Р.О. Якобсона. Его модель отличается от названных моделей, которые либо не содержат компонента *цель* (Р.О. Якобсон), либо цель приравнивается к функции языковых средств, — собственно же прагматический аспект долгое время оставался за кадром (Пражцы).

Л.А. Новиков учитывает смысл «целостных смысловых интенций (коммуникативных намерений, обусловленных определенной ситуацией)» [2. С. 10]. Именно такая модель, учитывающая «интрапсихический феномен», помогает многое понять в юридической казуистике умышленности (преднамеренности), о чем речь пойдет далее.

Проникшие позднее в СССР работы Г.П. Грайса [22], П.А. Стросона [23] и Дж.Р. Сёрля [24] официально открыли новое направление, которое иногда называют *интенционализм*, поскольку они учитывают исходную интенцию (намерение, субъективное значение) говорящего и интерпретацию (в меньшей степени) слушающего, воздействие на него. В рамках модели коммуникативного процесса стали говорить о речевом взаимодействии, которое и является «основной реальностью языка». Но мы не должны забывать и об отечественных лингвистах, сказавших свое веское слово и направивших целое поколение молодых лингвистов в нужное русло.

Для всей современной гуманитарной науки характерен переход от фактического знания к глубинному. Уже в начале XXI века академик Ю.С. Степанов писал об этом в своих работах «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» [25], «Мыслящий тростник» [26], «Протей. Очерки хаотической эволюции» [27] и др.

Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра его психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» [28. С. 38].

По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого» [29. С. 214], и в любой момент диалога во взвешенном состоянии находится и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность имплицитного. На этом основаны разные виды языковой игры, которую лучше было бы назвать в ряде случаев мудростью и предостережением: *Всем хочется провести время... Но время не проведешь.*

Наиболее прямой путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к чему призывал Л.А. Новиков.

Как ложатся на семантику языка наши знания о мире? По-разному. Например, сквозь современное значение многих слов мерцают культурные смыслы: *пред* — *рассудок* — это то, что предшествует рассудку, *нрав* (то есть характер в современном представлении) — у древних славян данное слово заключало в себе определенные этические установки и считалось отрицательным свойством личности, до сих пор это сохранилось в *норов*. *Хохотать*, *соскучиться* — специфические единицы русского языка, которые невозможно без потери смысла перевести на европейские языки. Таким образом, в языке отображены не только мировидение и миропонимание, но и понимание народом самого себя. Как писал В.В. Колосов, «...язык живет в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [30. С. 137].

Человек живет в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности. Разделить их трудно, но и не замечать нельзя, так как языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Например, фразеологизм *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». Имплицированная культурная информация: сон отражает сокровенные мечты, он прямо или косвенно связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон изменять реальность. Отсюда следует, что во фразеологических единицах *выносить сор из избы, спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает ее понять и предвидеть (ср.: *Смеяться во сне — плакать наяву. Смеяться во сне — к болезни* и т.п.).

Юрислингвистическая категория умышленности в призме философской семантики Л.А. Новикова

Обратимся к примерам из области юридического дискурса, в частности, касающихся категории **умышленности**. Интересующая нас проблема совершения преступления не может быть решена без обращения к аналогичным, но более простым по значению и смыслу феноменам. Например, **закон**, который существует во многих культурах, а потому можно просто перевести данную лексему с русского на любой иностранный язык. Однако все не так просто. Есть народы, которые чтят **закон**, например, евреи, американцы, китайцы. В России к закону всегда относились без уважения: *Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло*.

Русская культура не включает в себя законопочитания, как культура протестантская или конфуцианская. К закону у нас отношение эмоциональное (*Где закон, там и обида; Где закон, там и страх*), потому и значимость закона, его правовая сила весьма относительны: *Что мне законы, были бы судьи знакомы; Закон — что паутина: имель проскочит, а муха увязнет*. Закон можно не исполнять, прикинувшись неразумным: *Дуракам закон не писан*. Он меняется в зависимости от обстоятельств: *Нужда свой закон пишет; Сила закон ломит*.

Следовательно, язык свидетельствует об отношении русского человека к закону с большим приближением к истине, нежели сам юридический дискурс. Это очень важно, потому что толкование законов может сыграть судьбоносную роль в жизни человека.

Интересующая нас проблема определения сущности категории умышленности также не имеет однозначного толкования в парадигме современных гуманитарных наук, однако, полагаем, может быть решена с учетом семантического учения Л.А. Новикова.

В юридической интерпретации умысел — это форма вины [31. С. 193] и одновременно один из основополагающих критериев определения степени тяжести преступного деяния. В уголовном и административном праве выделяют прямой и косвенный (эвентуальный (от лат. ‘eventum’ — случай)) умыслы, понимание которых строится на осознании субъектом возможности или неизбежности наступления последствий и желании их наступления [32. С. 58].

Таким образом, считается, что убийство с целью получения наживы (огрбления) имеет прямой умысел, а, например, нарушение правил дорожного движения — эвентуальный.

Несмотря на наличие терминологического определения, вопрос об установлении вида умысла, с которым совершено преступление, относится к компетенции судебных органов, что, очевидно, тесно связано с необходимостью изучения мотивационной сферы субъекта правонарушения. Но наличие указанной выше правовой трактовки зачастую «связывает руки» Фемиде, и решение по определению вида умышленного действия основывается на субъективном мнении судьи.

Приведем пример:

Господин Н. разместил на своей странице в социальной сети пост, в котором негативно высказывался о представителях другой нации, что подтверждено в ходе проведения лингвистической экспертизы текста (специалисту был поставлен вопрос о наличии в тексте информации с негативной семантической характеристикой представителей конкретной национальности). На основании этого Н. предъявлено обвинение в разжигании межнациональной розни. В своих показаниях обвиняемый пояснил, что не имел целью развязать конфликт и не призывал к этому, а размещенное открытое сообщение лишь выражает его собственное мнение. В процессе судебного заседания судья поддержал обвинение.

Не вдаваясь в обсуждение обоснованности выдвинутого обвинения, обратимся к анализу умышленности совершенного деяния. Очевидно, что в призме правовой интерпретации данное нарушение закона имеет косвенный умысел, так как Н. не призывал к совершению неприемлемых с позиции правовых норм действий в отношении представителей другой нации, но мог предвидеть негативные последствия совершенного. Однако в данном случае возникает логичный, с нашей точки зрения, вопрос, а действительно ли в действиях обвиняемого имелся умысел или это был акт выражения личного мнения (современная лингвистическая экспертология имеет определенный методологический инструментарий для дифференциации фактологичности высказывания и выражения мнения). В этом случае приведенный пример не подпадает под действие статьи Уголовного кодекса о разжигании межнациональной розни. Речь даже не может идти и о другом наказуемом деянии — оскорблении по мотивам межнациональной неприязни.

Таким образом, очевидно, что наличие умысла и установление его вида является и показателем фактологичности правонарушения. Может ли в анализируемом примере судья безапелляционно ответить на вопрос о наличии умысла и его виде? Думается, что в отношении преступлений, совершаемых вербальным способом (последние исследования показывают, что количество таких правонарушений достаточно велико), это является сферой компетенции юрислингвистики, в частности, лингвистической экспертологии (важно лишь поставить перед экспертом правильные вопросы). Очевидно также, что современной лингвистике вполне по силам справиться с данной проблемой, а ключ к ее разрешению лежит в области применения междисциплинарного подхода глубокого (междисциплинарного) понимания сематического значения категории умышленности.

В гуманитарных науках понятие умысла чаще всего определяется как синонимичное обозначение намеренности (преднамеренности) с негативной семантической коннотацией (обычно со значением ‘предосудительное’ или ‘дурное’ [33. С. 324], ‘преступное’ [34. С. 241]). Сравним с актуальным словарем синонимов: «умышленность — намеренность, злонамеренность, сознательность, демонстративность, злость, преднамеренность, нарочитость, предумышленность» [35]. Обычно оба термина используются в теории психологии и педагогики, а также права, где, однако, рассматриваются с разных позиций, вследствие чего имеют несколько отличные трактовки.

Для психологической и педагогической наук намеренность являет собой набор «элементов мотивационно-потребностной сферы», то есть «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [36. С. 128]. Не лишним здесь будет привести слова Г. Гегеля: «Но воля имеет право признавать своим в своем деянии лишь то и нести вину лишь за то, что ей ведомо как предпосылка ее цели, лишь то, что содержалось в ее умысле» [37. С. 141].

Иными словами, наличие умысла может определяться через понятия намеренности и целенаправленности, в основе которых лежит мотив. Таким образом, умышленность следует рассматривать как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом. При этом и мотив мы рассматриваем широко (как и в учении философской семантики Л.А. Новикова), то есть основой для любого сознательного действия: А. Адлера считает, что поведение человека всегда социально обусловлено: «Людьми движет потребность преодолеть чувство неполноценности и стремление к превосходству» [38. С. 86].

Думается, что представленное определение современная теория права не готова полностью принять. Связано это, в первую очередь, с тем, что в юриспруденции мотив является самостоятельной категорией, обособленной от умышленности: «*мотив преступления* — непосредственная внутренняя побудительная причина преступного деяния (напр., ревность, месть, корысть). Элемент субъективной стороны преступления. В отдельных случаях <...> является обязательным или квалифицирующим признаком состава преступления. В других <...> может служить отягчающим или смягчающим наказанием обстоятельством» [31. С. 91].

Заключение

Во второй половине прошлого века «Семантика» Льва Алексеевича Новикова стала одним из тех учений, которые показали, что из старого структурно-семантического «каркаса» лингвистики пробиваются вызревшие в его же недрах новые силы, способные дать новые глубинные представления о языке и его роли в междисциплинарном познании окружающего мира. Семантическое озарение Л.А. Новикова и в XXI веке дает лингвистике пищу для размышления, позволяет по новому взглянуть на устоявшиеся традиции понимания важнейших категорий, в том числе и функционирующих в других научных парадигмах, на стыке их интересов как интегративной сфере исследовательского внимания. В частности, в настоящей работе мы предприняли попытку представить определение категории умышленности с позиции современной юрислингвистики, которая находится в стадии активного формирования как отдельной научной отрасли.

Практика лингвоправовой экспертной деятельности показывает, что одной из важнейших проблем, стоящих перед всей юрислингвистикой, в настоящее время является вопрос собственного терминологического тезауруса, который зачастую не может быть «экспортирован» из теории права или теоретических основ языкознания. Так, обратившись к понятию умышленности, очевидно, что данный термин нуждается в глубокой междисциплинарной трактовке с привлечением знаний философии, психологии, педагогики и др., в результате чего стало возможным но новому представить умышленность как форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом. Думается, что такое определение будет достаточно актуальным, так как в дальнейшем позволит разработать модель умышленности правонарушения, исходя из видов мотивов и намерений. Однако очевидно, и само определение, и ее моделирование нуждаются в практической апробации.

Формирование собственного терминологического аппарата юрислингвистической теории представляется достаточно сложным процессом, что объективно обосновано не только значимостью области исследовательского интереса, но и необходимостью обратиться к глубинной семантике понятий, когда, однако, часто возникает ситуация, описанная С. Лемом: где бы ни появлялось значение — за ним выплывают кошмары бесконечности, зыбкости, неопределенности, а все квантовые, поэтапные, точные действия тонут в наплыве проклятого смыслового мрака [39. С. 236].

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
2. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I: Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2011.
3. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018.
4. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика—2: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. С. 49—67.
5. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика—7: язык как феномен правовой культуры. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 189—210.
6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004.
7. Катков В.Д. Наука и философия права. Берлин: Издание книжного магазина Штура, 1901.
8. Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. М.: ФИНН, 2009.
9. Otto W. Erwartungen an die Rechts — und Verwaltungssprache in der Zukunft // Muttersprache. Heft 5—6/92. Wiesbaden: GfdS, 1982. P. 309—316.
10. Podlech A. Rechtslinguistik // Grimm, Dieter [Hrsg.] Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II. München: Beck, 1976. P. 105—116.
11. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиология. Барнаул: АлтГПА, 2009.

12. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
14. Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики // *Право і лінгвістика*. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. С. 33—41.
15. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2016.
16. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. no 6. С. 498—507.
17. Голев Н.Д. Юрислингвистика: программа курса для студентов филологического факультета, обучающихся по дополнительной специализации «Лингвокриминалистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisingvistika-programma-kursa-dlya-studentov-filologicheskogo-fakulteta-obuchayushchihya-po-dopolnitelnoy-spetsializatsii> (дата обращения: 01.06.2019).
18. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001.
19. Бахтиреева У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // *Национальные образы мира в художественной культуре*. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 10—15.
20. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.
21. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // *Русский язык в школе*. 1966. № 4. С. 79—87.
22. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
23. Strawson P.F. *Meaning and Truth // Philosophy as it is*. London: Oxford University Press, 1970.
24. Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
25. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2007.
26. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Издательство «Эйдос», 2010.
26. Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.
28. Берестнев Г.И. Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков*. Ч. 1. Липецк, 2017. С. 36—44.
29. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
30. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999.
31. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
32. Малько А.В. Большой юридический словарь. М.: Проспект, 2009.
33. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
34. Merriam-Webster's Dictionary of Law. Merriam-Webster: Merriam-Webster Incorporated, 2016.
35. *Словарь синонимов (В.Н. Тришин, 2013)* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 01.06.2019).
36. Новиков А.М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013.
37. Гегель Г. Философия права. М.: Мир книги, 2009.
38. Concise Encyclopedia of Psychology [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (дата обращения: 01.06.2019).
39. Лем С. Сумма технологий. М.: Издательство «Мир», 1968.

УДК 811.161.1'37:1:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580

Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intentionality)

Valentina A. Maslova, Anton A. Lavitski

Vitebsk State P.M. Masherov University
pr-t Moskovskiy, 33, Vitebsk, 210038, Belarus

Abstract. In the late 20th century, in linguistics, inevitable changes were felt which were connected with the necessity in the transition of the science about language onto an absolutely new stage of its development. L.A. Novikov was one of the first among those who understood it. In the 80-s of the previous century he presented a new idea of semantics with deep philosophic understanding of its problem field, with the aspiration to seek solutions through the language interdisciplinary links. For the contemporary linguistics L.A. Novikov's approaches are evident; however, they are not deprived of urgency and can become a clue to the solution of many problems especially in the field of terminology studies.

In the present paper, on the basis of L.A. Novikov's theory, an attempt is made to give the definition for the category of intentionality from the point of view of legal linguistics since the application of the available in the theory of law ideas for the new integrated direction is already insufficient. Legal linguistics has entered the development phase when there is an urgent necessity in shaping its own terminological vocabulary. This process can't be "closed" and be limited by the approaches of the theory of law and theory of language: the shaping of the notion apparatus must be based on the ideas available in philosophy, psychology, physiology, education etc. This understanding of the problem finds its reflection in the present paper which makes it possible to define intentionality as a form of the implementation of the deliberateness of the act which is determined by the motive.

Key words: L.A. Novikov, semantics, legal linguistics, integrativity, intentionality, motive, deliberateness

References

1. Novikov, L.A. (1982). *The semantics of the Russian language*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2011). Selected Works. Volume I. *Problems of linguistic significance*. Moscow: Publishing house of RUDN. (In Russ.).
3. Maslova, V.A. (2018). *Modern trends in linguistics*. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherova. (In Russ.).
4. Lebedeva, N.B. (2000). On the metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of legal science. *Legal studies — 2: a collection of scientific papers*. Barnaul: Publishing House of the Altai University. pp. 49—67. (In Russ.).
5. Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2006). Linguistic expertise: at the crossroads of language and law. *Legal studies—7: language as a phenomenon of legal culture*. Barnaul: Publishing House of Altai University. pp. 189—210. (In Russ.).
6. Kashanina, T.V. (2004). *The origin of the state and law*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
7. Katkov, V.D. (1901). *Science and philosophy of law*. Berlin: Publishing of the Stuhr bookstore. (In Russ.).
8. Titov, V.D. & Zarkhina, S.E. (2009). *The historical development of philosophical and logical concepts of the language of law*. Moscow: FINN. (In Russ.).

9. Otto, W. (1982). Erwartungen an die Rechts — und Verwaltungssprache in der Zukunft. *Muttersprache*. Heft 5-6/92. Wiesbaden: GfdS. pp. 309—316. (In German).
10. Podlech, A. (1976). Rechtslinguistik. *Grimm, Dieter [Hrsg.] Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften*. Bd. II. München: Beck. ss. 105—116. (In Ger.).
11. Brinev, K.I. (2009). *Theoretical linguistics and judicial linguistic expertology*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
12. Aleksandrov, A.S. (2003). *Introduction to forensic linguistics*. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Law. (In Russ.).
13. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of language values. Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Golev, N.D. (2003). The interaction of natural and legal language as a basic problem of legal science. *Pravo i lingvistika*. Simferopol: SHARE. pp. 33—41. (In Russ.).
15. Osadchy, M.A. (2016). *Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language in terms of the legal regulation of speech*. Moscow: Book house “LIBRI-KOM”. (In Russ.).
16. Osadchy, M.A. (2012). Forensic linguistic parametrization of the verbal threat. *Modern problems of science and education*. no. 6. pp. 498—507.
17. Golev, N.D. Legal studies: a course program for students of the Faculty of Philology, studying for an additional specialization “Linguocriminalism”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurilingvistika-programma-kursa-dlya-studentov-filologicheskogo-fakulteta-obuchayuschih-sya-podopolnitelnoy-spetsializatsii> (accessed: 01.06.2019). (In Russ.).
18. Baevsky, V.S. (2001). *Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in history and literary theory*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
19. Bakhtikereva, U.M. (2015). Georgy Dmitrievich Gachev's Phenomenon. *National World Images in Artistic Culture*. Nalchik: Izd-vo M. and V. Kotlyarovyh. pp. 10—15. (In Russ.).
20. Chernigovskaya, T.V. (2017). *Schrodinger's Cheshire Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
21. Novikov, L.A. (1966). Logical contrast and lexical antonymy. *Russian language at school*. no. 4. pp. 79—87. (In Russ.).
22. Grice, P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Mass: Harvard University Press. (In Eng.).
23. Strawson, P.F. (1970). Meaning and Truth. *Philosophy as it is*. London: Oxford University Press. (In Eng.).
24. Searle, J. (1983). *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.).
25. Stepanov, Yu.S. (2007). *Concepts. Thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
26. Stepanov, Yu.S. (2010). *Thinking cane. The book about the “imaginary” literature*. Kaluga: Eidos Publishing House. (In Russ.).
27. Stepanov, Yu.S. (2004). *Proteus. Essays on chaotic evolution*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
28. Berestnev, G.I. (2017). Synchronicity as an object of cognitive linguistics. *Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries*. Part 1. Lipetsk. pp. 36—44. (In Russ.).
29. Rikor, P. (2002). *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: CANON-press-C; Kuchkovo Pole. (In Russ.).
30. Kolesov, V.V. (1999). *Life comes from the word...* SPb: Zlatoust. (In Russ.).
31. Sukharev, A.Y. & Krutskikh, V.E. (2003). *Large legal dictionary*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
32. Malko, A.V. (2009). *Large legal dictionary*. Moscow: Prospectus. (In Russ.).
33. Efremova, T.F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Sensible word-building*. Moscow: Russian language. (In Russ.).

34. Merriam-Webster's Dictionary of Law (2016). Merriam-Webster: Merriam-Webster Incorporated. (In Eng.).
35. Dictionary of Synonyms (V.N. Trishin, 2013). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm>. (accessed: 01.06.2019). (In Russ.).
36. Novikov, A.M. (2013). *Encyclopedic dictionary on psychology and pedagogy*. Moscow: IET Publishing Center. (In Russ.).
37. Hegel, G. (2009). *Philosophy of Law*. Moscow: Mir of the book. (In Russ.).
38. Concise Encyclopedia of Psychology. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A..html (accessed: 06/01/2019). (In Eng.).
39. Lem, S. (1968). *The amount of technology*. Moscow: Mir publishing house. (In Russ.).

Для цитирования:

Маслова В.А., Лавицкий А.А. Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 567—580. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580.

For citation:

Maslova, V.A. & Lavitski, A.A. (2019). Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 567—580. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-567-580.

Сведения об авторах:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; e-mail: mvavit@tut.by.

Лавицкий Антон Алексеевич, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

Information about the authors:

Valentina A. Maslova, Dr. habil., Professor, Professor of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University; e-mail: mvavit@tut.by.

Anton A. Lavitski, Head of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University, PhD (Philology), assistant professor; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

УДК 81:003:13

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592

Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля

Т.В. Маркелова

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Институт современного искусства»
ул. Новозаводская 27а, г. Москва, Россия, 121309

В исследовании апробируется семиотический подход к системе оценочных знаков, выделяемых на основе прагматической функции. Традиционная триада — семантика, синтактика, прагматика — сопровождаются сигматикой как малоисследованной областью семиотики, детерминирующей связь между знаком и объектом. Система оценочных знаков — функция, коннотация, прагмема, их функциональные и семантические отличия — описываются сквозь призму семантической структуры слова, находящейся под влиянием прагматической функции. Нестандартный характер знака-прагмемы — денотативно-сигнификативный, выражающий природу свернутого суждения, ориентирован на субъекта речи и его аксиологические интенции. В статье исследуется семантическая, синтаксическая и прагматическая природа оценочного знака-прагмемы, демонстрируется специфика ее семиотической природы. Сопоставляются три типа оценочных знака — функции, коннотации, прагмемы — и определяется место прагмемы в их системе. Подчеркивается моделирующая роль прагмемы в аксиологическом фрагменте языковой картины мира.

Ключевые слова: прагмема, оценочный знак, концепт, коннотация, прагматическая функция, оценочная парадигма семиотика, синтактика

Вводные замечания Семиотика — оценка — прагматика

Языковое существование российского общества характеризуется усилением авторской модальности, что ведет за собой развитие прагматической функции слова, определяет ее доминантную роль в оценочной лексике, расширяет границы воздействия словом в речи эмоционально-коммуникативной личности [1], в первую очередь в медиадискурсе.

Это приводит к аксиологизации менталитета общества, которая становится причиной аксиологизации языка и речи. И без того значительная эмотивная и оценочная составляющая — до 40% от лексического состава [2] — развивает свои смысловые возможности количественно и качественно — появлением прагматического аспекта значения слова-знака в процессе словообразования: *ороссиянить* и *ояпонить спорные Курильские острова* (1 канал ОРТ); исчезновением денотативного аспекта значения слов и забвением их лексикографической природы: *Лена*

© Маркелова Т.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и Оксана сколлаборировались (2 канал ВГТРК) (юбилейная передача о Дмитрие Маликове); акселерация городских инициатив (*gorod.ru*).

Объединение символической, чувственной и коммуникативной природы ценностного подхода к миру и его реализации в знаках языка детерминируют актуальность наблюдений за семантикой, синтактикой и прагматикой, то есть семиотикой, его языковой картины. Представить эти аспекты как краеугольный камень семиозиса [3], формирующий конкретный языковой знак — лексический — помогает проникновение в отношение коммуникантов к используемым ими знакам и их воздействующей силе, понимаемой интуитивно или осознанно. Феноменально тесная связь смысла знака, зависимости этого смысла от отношений между знаками и проникновения в эту область человека, имеющего и выражающего свое отношение к знаку, основана, на наш взгляд, на функции оценки [4—6]. Именно она, с ее способностью парадигматически и синтагматически «укладывать знаки» всех уровней в зависимости от их расположения на шкале оценки, становится конструктивным началом прагматики, входит в ее пространство как основа выбора средства общения и его модусов — *одобрительного/неодобрительного, хвалебного/порицающего, восхищенного/оскорбляющего*. Означенная шкала в представлении Ч. Морриса *очень хорошо — довольно хорошо — нормально — плохо — довольно плохо — очень плохо* [7] является символом интерпретации двусторонней сущности знака, понимаемого как «...написанное начертание или звук. Мы издаем звук, придаем начертанию, закорючке-слову — значение, с которым оно употребляется в высказывании, имеющем смысл» [8].

В то время как семантика занимается изучением лексических значений слов, задача прагматики — изучение лексических единиц в актуальном значении, наблюдение за их употреблением в конкретной речевой ситуации и в конкретном речевом акте, исследование прагматического потенциала языковых единиц — это, по Ч. Моррису, «дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам» [10. С. 37—39]. Говорить о прагмеме стало возможно только благодаря объединению в работах М.Н. Эпштейна принципов лексикологии с принципами прагматики [9], уделяя внимание не только значению лексической единицы и ее семантической структуре, но и тому, как данная единица употребляется в контексте, какое значение имеет и какую функцию несет в конкретной речевой ситуации. Цель нашего исследования — продемонстрировать синкретизм аксиологической природы знака-прагмемы как отражение гармонии и системного единства семантики, синтактики и прагматики, а также сигматики и доминирование знака-прагмемы над знаком-коннотацией и знаком-функцией.

Прагматическая функция оценочных знаков

Прагматический аспект значения слова, выделенный и теоретически обоснованный Л.А. Новиковым, позволяет дифференцировать в оценочной лексике три группы знаков — знаки-прагмемы *Жизнь неприглядна*; знаки-коннотации *Жизнь сказочна* и знаки-функции *Жизнь прекрасна* [11], которые различаются спецификой реализации прагматической функции, непосредственно связанной с их семантикой.

Прагмемы занимают в этой триаде особое место, демонстрируя прагматический аспект значения, который, по мнению Л.А. Новикова, «является в лексической семантике специфическим выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [6]. Прагматическое значение принципиально отделяется от других, отражая выбор говорящим некоего знака из числа подобных ему, обладающих тем же сигнификативным значением, но отличающихся эмотивным компонентом; позволяющим выразить не только интеллектуальное содержание знака, но и закрепленное в речевой практике отношение к нему, а через него — к обозначаемой ситуации. Семантическая структура прагмемы *досада*, относящейся к группе «сильных» [12], состоит из двух семем — «раздражение, неудовольствие, огорчение, вызванное чем-либо» и разговорное «неприятно, обидно, огорчительно» [13] (все толкования из МАС). Обе семемы слова реализуют прагматическую функцию: с помощью оценочных семем. При этом в тексте данное слово не требует сильной позиции, подчеркивающей оценочные семы в его семантической структуре:

«Серебро не берем», — отвечает мне девушка-продавец. С досадой оторвавшись от компьютера, объясняет, что даже золотые изделия с камнями принимают по договорной, более низкой цене («НГ № 111, 2015).

Знаки-функции реализуют немногочисленные символы оценочной номинации, представленные словом с семемами «хороший», «плохой» в их градации на шкале оценок «очень хорошо» — «довольно хорошо» — «хорошо» // «плохо» — «довольно плохо» — «очень плохо». В знаках-коннотациях образное значение оценки создается за счет использования ассоциативного потенциала слова в контексте: *шпилька* — «приспособление для закалывания волос в причёске» — благодаря семам «острый», «колкий» выражает метафорическое неодобрение-осуждение «язвительное замечание; колкость»:

Поэтому шпильки в адрес нашей страны не прошли безнаказанно («АиФ», 25.01.2016).

Знак-прагмема реализует денотативное и прагматическое значение, то есть одновременно называет явление внеязыковой действительности и отношение к нему говорящего: *неприглядный* в значении «непривлекательный на вид; невзрачный» за счет наличия в семантической структуре денотативной семемы «внешний вид» и сигнификативной (в терминологии Л.А. Новикова) семы «неприглядный» интерпретируется как неодобрительное «плохой». У прагмемы *герой* предметная сема «человек», а оценочная — «совершивший подвиги мужества, доблести, самоотверженности»; у прагмемы *доблестный* предметная сема — качество, а оценочная — «исполненный отваги, мужества, славный своими подвигами».

Различия между знаками-прагмемами, знаками-функциями и знаками-коннотациями в процессе репрезентации оценочного фрагмента языковой картины мира проявляются в первую очередь на уровне семантики — одного из трех аспектов (наряду с синтактикой и прагматикой) плана содержания семиотического знака [14. С. 50]. Семантическая структура данных знаков также определяет спе-

цифику реализации ими прагматической функции: ее единственность и независимость от контекста у знаков-функций, сочетание с денотативной функцией у прагмем и полная зависимость прагматической функции от контекста у знаков-коннотаций.

Семиотика прагмемы

Лингвистические наблюдения показывают, что прагмема отличается доминирующими признаками среди других оценочных знаков в силу разных причин. Жизнь этого особенного оценочного знака определяется его местом в аксиологической системе, способностью строить аксиологическую модель, отношением к внутреннему и внешнему миру в процессе функционирования. Семиотическая модель языкового значения прагмемы основана, по Л.А. Новикову, на соотношении семантического, синтаксического, прагматического, сигматического аспектов, реализуемых сигнификативным, структурным (парадигматическим и синтагматическим), эмотивным и актуальным смыслами прагмемы [6]. Единое целое этих значений в одном из семиотических подходов [15] демонстрирует развитие прагмемы как оценочного знака, показывает не только его «двустороннюю психическую сущность... соединение понятия и акустического образа» [16], но и восприятие и использование его интерпретатором в контексте конкретной ситуации, а также специфику этого знака как самостоятельной сущности, конструирующей все оценочное поле («двойная оценочность»).

Семантический аспект знака и его прагматическая составляющая (в ранге стилистических помет) позволяет построить [12] систему прагмем, отражающую внутреннюю структуру знака и взгляд интерпретатора на проблему интерпретанта — смысла взаимоотношений знака и объекта. Сама суть прагмемы отражает двойственную природу оценки. Это проявляется уже в самом процессе оценивания: субъект-интерпретатор опирается на конкретные качества и признаки объекта оценки, при этом рационально осмысляя их и делая выводы о них. Оценочный компонент значения прагмемы сопоставим с эмоциональным фактором оценки, а рациональный фактор соответствует предметному компоненту значения.

Взаимоотношение знака и объекта может служить одной из основ классификации прагмем и условного деления их на три группы — «сильные», «средние» и «слабые». Иерархия в семантической структуре прагмемы демонстрирует: чем выше в иерархии семем располагается семема, благодаря которой лексическая единица реализует прагматическую функцию, тем ближе к ядру функционально-семантического поля (ФСП) оценки располагается прагмема.

В первую группу входят «сильные» прагмемы, словарные дефиниции которых обладают оценочными пометами и/или содержат семемы и семы с сильной степенью эмоциональности и оценочности: прагмемы *бабник* — «любитель ухаживать за женщинами», которую в словаре сопровождают пометы «презрительное» и «разговорное» (МАС), *зablуждаться* — «**неправильно** думать, судить о чем-либо, **ошибаться** в своих представлениях, суждениях» (МАС), в семантической структуре которого присутствует сильная оценочная сема «неправильно», *компрометировать* — «**вредить** репутации, **доброму** имени кого-либо, выставить в **неблаговидном** свете» (МАС) и др.

Ко второй группе, располагающейся дальше от ядра и ближе к периферии ФСП оценки, относятся прагмемы, в семантической структуре которых нет сем с ярко выраженной оценочностью (но оценочные семы могут быть обнаружены при дальнейшем семантическом анализе лексемы), и прагмемы, которые реализуют прагматическую функцию не во всех своих ЛСВ. К ним относятся слова типа *взятка* (один из ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова — «деньги или вещи, даваемые должностному лицу как **подкуп** за совершение каких-либо действий по должности в интересах дающего») (МАС), *усидчивый* (семантическую структуру слова составляет два ЛСВ, однако прагматическую функцию оно реализует только в одном из них — «способный **усердно**, длительно заниматься тем, что требует сидячей работы»); *реабилитировать* (семантическую структуру слова составляют два ЛСВ; прагматическую функцию слово выполняет в одном из них — «восстановить **честь, репутацию**»); *такт* (прагмема обладает значением «чувство меры, подсказывающее наиболее верный подход, наиболее *деликатную* линию поведения по отношению к кому-, чему-либо»; сема *деликатный* реализуется в слове со значением «**вежливый, предупредительный**, мягкий в обращении»).

В третью группу входят «слабые» прагмемы, близкие к знакам-коннотациям. Одни словари помечают оценочное значение слова как переносное, в то время как другие дают его без таких помет. Семантическая структура слов этой группы требует большего числа шагов анализа по сравнению со второй группой — от двух и более. К ним относятся такие слова, как *бодрый*: слово обладает значением «полный сил, здоровья, энергии». Сема *энергия* реализует смысл «деятельная сила, соединенная с настойчивостью, решительностью в достижении поставленной цели». Сема *деятельный* реализуется в слове со значением «проявляющий особенную энергию, **старание** в выполнении какого-либо дела; постоянно, непрерывно действующий, работающий»; *корпеть* (глагол обладает значением «кропотливо и усердно заниматься каким-либо делом»). Сема *кропотливый* реализуется в слове со значением «действующий с усердием, проявляющий в чем-либо усердие». Сема *усердие* реализуется в слове с значением «большое **старание, рвение**».

На уровне иерархии сем в семеме проявляется и отличие прагмемы от эмоционально незаряженного слова, не обладающего ярко выраженной оценкой, либо отличие прагматического содержания одной из семем, при том что вторая семема не демонстрирует явно ценностное отношение говорящего: — ср. — «*тот, кто виновен в чем-либо*» (совершивший проступок, преступление) и «*тот, кто является причиной*» (источник как благоприятного, так и неблагоприятного события): виновник торжества, виновник аварии. В случае нейтральных, эмоционально незаряженных слов оценочные, эмоциональные и экспрессивные значения выражаются коннотативными семами с дополнительными стилистическими значениями. Однако в прагмемах оценочные значения проявляются на более общем уровне — уровне гипосем, так как оценка в данном случае неотделима от денотативного значения слова и обозначает дифференциальный признак предмета, позволяя отделить предмет от аналогичного (ср. *маленький* и *ничтожный*, *старомодный* и *ретроградный*).

В семантической структуре каждой прагмемы присутствует сигнификативная сема, соответствующая оценочному предикату, т.е. приписываемому объекту ценностному признаку. Так рождаются отношения между интерпретантой и интерпретатором (субъектом): семантическая структура слова *блестящий* состоит из нескольких ЛСВ — «яркий, сверкающий», выполняющего прагматическую функцию «великолепный, роскошный», — и переносного и выполняющего прагматическую функцию «выдающийся, замечательный, роскошный». Организующим центром смысловой структуры слова, общим значением для всех семем будет «яркий, обращающий на себя внимание». Однако в третьем и четвертом ЛСВ к общему значению добавляются отличительные, характеризующие их оценочные гипосемы «роскошный», «великолепный», «замечательный». Таким образом, данное слово можно отнести к «средним» прагмемам, несмотря на то, что лишь один из его ЛСВ реализует прагматическую функцию.

Уникальная лингвистическая природа знака-прагмемы во внешнем мире характеризуется одновременным обозначением объекта оценки и его ценности (предикат) и представляет собой «свернутое» оценочное суждение, поскольку в семантической структуре прагмемы в имплицированном виде также присутствуют субъект оценки и ее основание, являющееся частью сигнификата — внутреннего мира, формируемого контекстом, коммуникативно-прагматической ситуацией одобрения или неодобрения, входящих в ядро лексического содержания знака-прагмемы. Поэтому прагмемы обладают наибольшей коммуникативной автономностью, могут употребляться как законченные суждения о том, что они обозначают, реализуя «синтаксис компонентов оценочного суждения — оцениваемого объекта и оценивающего предиката», где предметная сема соответствует обозначаемому объекту, а оценочная сема — предикату, то есть оценка оказывается результатом выражения отношения говорящего к обозначенному в теме явлению: *элегантный, пленительный, филантроп // скабрёзный, похоть, какофония*. Предметное и понятийное значения в знаках-прагмемах тесно связаны и взаимодействуют в семеме. Это фиксируется в словарных дефинициях слова как денотативная и сигнификативная семы.

Сложность аксиологической сферы языка, ориентация на мышление и интенции языковой личности демонстрирует стремление прагмемы как к природной мотивированности означаемого, то есть называнию объективных свойств явления (и основанным на них субъективным оценкам), так и к вторичной мотивации. Именно этот знак обладает богатством деривационных отношений, образуя парадигматическую систему. Например, перечисленные различия между знаками оценки не препятствуют тому, что нередко в одном синонимическом ряду оценочных номинаций оказываются оценки-прагмемы и оценки-коннотации, например: *обида — огорчение — оскорбление — неприятность — унижение — укол — шпилька*. В основе синонимии в данном случае находится, по мнению М.Н. Эпштейна, денотативная семантика лексических единиц: «...принцип их объединения лежит не в семантической, а в прагматической плоскости языка, где они служат выражению одной оценочной установки в отношении одного тематического круга проблем» [9].

Двойственная природа значения прагмем — денотативная и оценочная — удваивает и существующие между словами отношения. Прагмемы крайне редко вступают в отношения синонимии и антонимии с нейтральными, эмоционально незаряженными словами, как, например, прагмема *проблема*, которая в определенных контекстах является синонимом нейтрального слова *задача*. Кроме того, прагмемы способны вступать в синонимические и антонимические отношения со знаками-коннотациями: например, *ирония* является синонимом коннотаций *укол* (в значении «язвительное замечание, какой-либо поступок, задевающие чье-либо самолюбие, причиняющие обиду») и *ипилька* в значении «колкое, язвительное замечание; колкость». Однако подобные ситуации относительно редки.

Не менее важно и то, что прагмемы нередко вступают в синонимические и антонимические отношения с прагмемами из других групп, располагающимися на иных позициях на шкале оценки, демонстрируя внутреннее развитие знака, его интерпретанты. Так, прагмема *мучительный* располагается на позиции «плохо» на шкале оценки, а прагмема-синоним *невыносимый* — на позиции «очень плохо». Важно отметить, что «сильные» прагмемы, близкие к концептам, такие как *страх*, *добро* и *зло*, как правило, вступают в синонимические и антонимические отношения с такими же «сильными» прагмемами (*страх* — *испуг*, *трусость*, *боязнь*; *добро* — *благо*, *благодеяние*, *благотворение*). В остальных случаях найти прагмему-субститутив, которая была бы полным синонимом слова, сложнее: как правило, прагмемы различаются отдельными компонентами в их семантической структуре. Так, семантическую структуру слова *здоровый* составляет несколько семем, в том числе с пометой «просторечное» — «крепкого сложения, сильный, могучий», в котором слово выполняет прагматическую функцию. Синонимом прагмемы в этом значении является знак *сильный*, однако он будет отличаться от прагмемы *здоровый* наличием семы «физическая сила» и отсутствием семы «хорошее состояние здоровья».

Прагмемы вступают в отношения синонимии и антонимии со словами из разных пластов лексики, предоставляя говорящему стилистический выбор на основании оценки и прагматической функции: синонимом слова *клевета* является разговорное *поклеп*, синонимом прилагательного *безобразный* является разговорное и презрительное *плюгавый*, а синонимом прагмем *горе* и *печаль* является народно-поэтическое *кручина*.

Знак-прагмема — конструктор аксиологического поля

Прагмема представляет собой языковую единицу, где оценочное значение знака совмещено с его прагматической функцией и основано на ней. Смысловая структура прагмем содержит элемент позитивной или негативной оценки, ср.: *ерунда* — «что-либо несерьезное, пустое; **вздор**, **чепуха**»; *джентльмен* — «о **корректном**, **благовоспитанном** человеке; о человеке, отличающемся строгим изяществом манер и костюма»; *эгоизм* — «поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтении своих интересов интересам других людей; **себялюбие**»; *авантюра* — «**рискованное**, **сомнительное** предприятие,

дело, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный успех»; *скопидом* — «тот, кто одержим страстью к накоплению и бережлив до **скупоности**»; *пуризм* — «стремление, иногда **показное**, к **чистоте** и **строгости** нравов»; *цинизм* — «грубая откровенность, **бесстыдство**, **пренебрежительное** отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-либо пользующемуся всеобщим признанием, уважением»; *индифферентный* — «исполненный **безразличия**, равнодушия, не проявляющий интереса к кому-, чему-либо; **равнодушный**, **безразличный**»; *назидательный* — «служащий назиданием; **поучительный**»; *импонировать* — «внушать **уважение**, **доверие**, **располагать** к себе».

Оценочное суждение, заключенное в прагмеме в «свернутом» виде, позволяет выразить моральные (*правильный*, *неприличный*), этические (*безнравственный*, *пристойный*), эстетические (*безобразный*, *невзрачный*, *привлекательный*), утилитарные (*практичный*, *выгодный*, *вредный*) нормы. Кроме того, особенным признаком знака-прагмемы является отраженный в нем принцип синтетизма, сращения семантической основы слова (денотативного значения) с его прагматической функцией и реализация этого сращения в прямом, основном значении слова (сигнификативном). Реализацию этого принципа можно проследить на примере прагмем *порок* («предосудительный недостаток кого-, чего-либо»; *галантный* («изысканно вежливый, любезный»), *портить* («делать скверным, неприятным, ухудшать») — в каждом из них прагматическая функция неотделима от денотативного значения слова.

Выбор лексической единицы в данном случае целиком зависит от намерений говорящего. Это положение иллюстрируют прагмемы *лизоблюдство* и *пиетет*. Значения обеих прагмем содержат в себе семему «проявление уважения, почтения», однако в структуре первого знака присутствуют семемы с отрицательным значением «прислуживание кому-либо, подхалимаж», а в структуре второго — *пиетет* — семема с положительным значением «благоговение». Таким образом, прагмема *пиетет* имплицитно заключает в себе прагматическую ситуацию **одобрения** действий, совершаемых объектом оценки, а прагмема *лизоблюдство*, напротив, — прагматическую ситуацию **неодобрения**. Выбор лексической единицы в данном случае обусловлен коммуникативными намерениями говорящего и призван отражать его отношение к предмету сообщения — прагматическому содержанию знака.

Специфический характер суждения определяет способность прагмемы вступать в отношения лексической и синтаксической деривации, диктующие ее своеобразный оценочный «рисунок» в функционально-семантическом поле оценки. На основе словообразовательной транспозиции прагмема организует словообразовательные гнезда, в которых слово обладает разной силой воздействия. Так, прагмема *подхалим*, образуя дериваты *подхалимство*, *подхалимствовать*, *подхалимаж*, *подхалимский*, *подхалимный*, *подхалимистый*, *подхалимничать*, определяется как «тот, кто угодничают, стараясь расположить к себе кого-либо», использует общие семы и семемы — «угодничать» и «расположить к себе». В этом ряду передается единое денотативное содержание — «человек» — и реализуется прагматическая функция — отрицательная характеристика объекта и его действий;

выбор говорящим конкретного знака-прагмемы основан на его субъективной позиции и определяет строение высказывания:

Ведь раздирать на части Кириона будут главным образом те, кто еще несколько дней назад подхалимствовали перед ним («Российская газета» — Неделя № 6720 (149);

Решение Руденко было глупым, а поведение Вершинина — подхалимским («Медуза», 1.05.2015);

Подхалимы и приспособленцы были и есть, но сейчас речь не о них («МК», 9.06.2018).

Позиция прагмемы в оценочном высказывании формирует парадигматическую ось функционально-семантического поля оценки: *Он герой — Он геройский человек — Он геройствует — Преодолеть страх — это героизм! Он поступил героически.*

Воздействующая сила прагмемы, таким образом, актуализируется в синтактике — в роли субъекта высказывания: *Герои заслуживают славы и почестей.* «Двойная» оценочность прагмемы здесь укрепляется благодаря высокому прагматическому потенциалу субъекта, «накладывается» на него. Грамматическая независимость прагмемы является доказательством ее автономности, высоты и силы прагматического потенциала. Такую позицию занимают, как правило «сильные» прагмемы, несущие в себе эталонные качества: *одобрять — хвалить — похвала / возмущать — презирать — возмущение* и др.

Изменение в деривационной парадигме категориальной семантики слова (признаковость *мудрый* — процессуальность *мудрствовать* — предметность *мудреца*) при сохранении понятия в виде общей семы «одаренность умом» — специфический признак устройства функционально-семантического поля оценки. Он отличает парадигматическую ось поля и предоставляет говорящему разную степень свободы при выборе синтаксической модели в аксиологическом поле, то есть расширяет диапазон синтактики семиотического знака-прагмемы, детерминируя его **доминантность** в ряду других знаков — знака-функции и знака-коннотации. **Прагматическую функцию в сочетании с семантической и синтаксической реализует только знак-прагмема.**

Благодаря межчастеречному переходу оценочного понятия у говорящего появляется большая свобода в выражении оттенков значений прагмемы, что позволяет точнее передать мысль интерпретатора, выразить интенции одобрения/неодобрения, а саму прагмему сближает с концептом, усиливая тем самым ее прагматический потенциал. Аксиологическая модель высказывания в языковой картине мира формируется именно деривационной парадигмой аксиологического знака-прагмемы: *Он гений — Гений — это ответственность — Он гениален — Он гениальничает — Гениально!*

Способности к моделированию внешней стороны знака развивают внутреннюю силу прагмемы, благодаря которой она сближается со знаками-коннотациями и участвует в формировании концепта, сближаясь с ним, на наш взгляд, в понятии концептуализированной предметной области в языке и культуре: «Под нею мы понимаем такую сферу культуры, где объединяются в одном общем

представлении (культурном концепте) — слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [17. С. 68]. Сигматика как отношение между знаком и объектом развивается под влиянием коммуникативной востребованности и семантической актуальности: знак-коннотация переходит в разряд прагмем на основе усиления связи оценочного значения с предметным. Один из примеров: в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой зафиксировано следующее значение слова *ярмо*: «деревянный хомут для упряжки рабочего крупного рогатого скота». Однако слово все чаще употребляется в значениях, которые в словаре отмечены как переносные — «бремя, тяжесть» и «гнет, иго» [13. 4. С. 784]:

Почему же женщины сознательно надевают на себя это ярмо? (о разводе) («КП», 12.08 2017).

Чтобы стать концептом, прагмеме необходимо вызывать у носителя языка ряд ассоциаций, отражать культурно-исторический опыт и специфику его мировосприятия. Поэтому прагмемы и концепты — две пересекающиеся, но неравнозначные категории, например, важнейшие для русской языковой картины мира *добро* и *благо*, противопоставленные концепту с отрицательным значением *зло*. «Вечная» ценность *добра*, антиценность *зла* и утилитарная ситуативность *блага* превращают эти прагмемы-концепты в особые знаки-символы:

Поэтому дарованные нам каждый день и час бесценны, и надо спешить делать добро... («ЛГ», № 51—52, 24.12.2014);

Телевидение стало благом для бедных... Интернет, наоборот,— это благо для богатых... («Огонек» № 23, 15.06.2015).

Заключение

Таким образом, прагмема — это динамично развивающееся лексическое средство выражения оценки, знаковая природа которого основана на **прагматике**, диктующей семантику связи денотативного и оценочного значений; **синтактике**, эксплицирующей парадигму оценочных суждений; **семантике** «двойственной» аксиологической природы знака-прагмемы. Участие в этом процессе **сигматики** как отношения знака и объекта сквозь призму связи интерпретатора и интерпретанты освещает доминирующее место прагмемы в оценочном фрагменте языковой картины мира. Доминирующая роль среди других оценочных средств, изменение семантики прагмем находят отражение в языке СМИ, который характеризуется все большей аксиологичностью, победой воздействующей и манипулятивной функции, реализация которых невозможна без доминирующего аксиологического знака-прагмемы.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 20.06.2019

Библиографический список

1. Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. no 1. С. 54—79.
3. Кульчинский Г. Безъязыкая гласность // XX век и мир. 1990. no 9. С. 44—47.

3. Пирс Ч.С. Элементы логики. *Grammatica speculative* // Семиотика. М., 1983.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
6. Новиков Л.А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1: Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
7. Morris Ch. *Varieties of human value*. Chicago; London, 1956.
8. Витгенштейн Л. Человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
9. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. no 6. С. 19—33.
10. Morris Ch.W. *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago, 1983.
11. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013.
12. Савина А.П., Маркелова Т.В. Деривационные свойства прагмемы как особой единицы оценочной лексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 4. С. 176—180.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981—1984.
14. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
15. Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2003. no 5. С. 26—27.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 99—100.
17. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Research article

УДК 81:003:13

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592

Sign-Pragmem as a Semiotic Dominant of the Axiological Field

Tatyana V. Markelova

Non-State Art University “Institute of Modern Arts”
Novozavodskaya street, 27A, Moscow, Russia, 12

Abstract. The study tested the semiotic approach to the system of evaluation marks allocated on the basis of pragmatic function. Traditional triad — semantics, syntactics, pragmatics — is accompanied by sigmatech as a branch of semiotics, determining the relationship between sign and object, which has not been properly studied yet. The system of evaluation of signs — function, connotation, pragmem, their functional and semantic differences are described through the prism of the semantic structure of the word influenced by the pragmatic function. Non-standard character of pragmatic mark is denotative-significative, expressing the nature convoluted judgment is focused on the subject of speech and its axiological intentions. The article demonstrates semantic, syntactic and pragmatic nature of Prameny sign evaluation with special feaches of its semiotic nature. Three types of evaluation signs — functions, connotations, pragmem — are compared and the role of pragmem in the system is defined. The leading role of pragmem in the axiological fragment of the linguistic picture of the world is determined.

Key words: pragmem, estimated sign, concept, connotation, pragmatic function, estimated paradigm of semiotics, syntactics

References

1. Shakhovsky, V. (2018). The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. (In Russ.).
2. Kulchinsky, G. (1990). Tongueless publicity. *XX Century and Peace*, 9, pp. 44—47. (In Russ.).
3. Pirs, C.S. (1983). Elements of logic Grammatica speculative. In *Semiotics*. Moscow. (In Russ.).
4. Ivin, A.A. (1970). *Bases of logic of estimations*. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
5. Wolf, E.M. (2002). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
6. Novikov, L.A. (2001). Selected works. Vol. 1: The problems of the language values. Moscow: RUDN. (In Russ.).
7. Morris, Ch. (1956). *Varieties of human value*. Chicago; London. (In English).
8. Wittgenstein, L. (1993). *Man and thinker*. Moscow: Publishing group “Progress”, “Culture”. (In Russ.).
9. Morris, Ch. (1956). *Varieties of human value*. Chicago; London. (In English).
10. Morris, Charles W. (1983). *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago. (In English).
11. Markelova, T.V. (2013). *Pragmatics and semantics of the means of expression evaluation in the Russian language*. Moscow: Ivan Fedorov MGUP. (In Russ.).
12. Savina, A.P. & Markelova, T.V. (2015). Prognem as a special unit of estimated vocabulary with its derivational properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6(4), 176—180. (In Russ.).
13. Russian Language Dictionary: in 4 vols. (1981—1984). A.P. Evgenyeva (Ed.). Moscow: Russian Language. (In Russ.).
14. Novikov, L.A. (2013). Semiotics as a science of sign systems and General linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 5, 26—27. (In Russ.).
16. Saussure, F. de. (1977). *Works on linguistics*. Moscow. pp. 99—100. (In Russ.).
17. Stepanov, Y.S. (2010). *Three-dimensional language space: semiotic problems in linguistics, philosophy, art*. Moscow: Book house “LIBROKOM”. (In Russ.).

Для цитирования:

Маркелова Т.В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581—582. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592.

For citation:

Markelova, T.V. (2019). Sign-Pragmem as a Semiotic Dominant of the Axiological Field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 581—592. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592.

Сведения об авторе:

Маркелова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе АНО ВО «Институт современного искусства», Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник профессионального образования; e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Information about the author:

Tatyana V. Markelova, doctor of philology, professor, first vice-rector — vice-rector for academic affairs Autonomous Non-Commercial Organization Of higher education Institute of Contemporary art; e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Научная статья

УДК 81:003:327.82

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-593-601

Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии

М.В. Беляков

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Дипломатическая коммуникация представляет собой сложно организованную систему, состоящую из разнообразных компонентов. В статье рассматриваются с позиции теории семиотических доминант примеры презентации элементов этой системы на сайте дипломатических служб России с учетом коммуникативных тактик, уровня поликодовости и мультимодальности в условиях информационных войн и разрушения системы международного права. Выделяются характерные семиотические особенности презентации информации на сайте МИД РФ.

Ключевые слова: доминанты, коммуникативные стратегии, цифровая дипломатия, СМИ, информационная война

Если истина многогранна, то ложь многоголоса.
У. Черчилль

Введение

Дипломатическая коммуникация представляет собой непрерывный мульти-семиотический процесс. Она происходит на самых разных уровнях восприятия — письменном, речевом, мультимодальном. В современном «рассыпающемся мире» наблюдается постоянный рост международной напряженности — непрерывно происходят «цветные революции», пограничные конфликты, террористические акты, внутригосударственные межэтнические конфликты и региональные войны, которым предшествуют и сопутствуют информационные или гибридные войны. Информационная война, по мнению И.Н. Панарина, стала основным средством современной мировой политики и экономики, доминирующим способом достижения политической, духовной, финансовой и экономической власти [6]. В данной ситуации дипломатическая коммуникация приобретает особые черты, поскольку, как и информационные войны, перенесена в цифровую среду.

Информационная война как новая семиотическая реальность

Современных трактовок понятия «информационная война» существует немало. Сама же информационная война — далеко не современное изобретение. Номинации для этого явления появляются снова и снова — намеренная дезин-

© Беляков М.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

формация, навязывание чуждых целей, целенаправленное умалчивание и др., но однозначного определения для этого термина по-прежнему нет. Сам термин «информационная война» (С.Г. Кара-Мурза (2004), Г.Г. Почепцов (2000), И.Н. Панарин (2003) и др.) в связи с геополитической нестабильностью последних десятилетий используется весьма активно. Однако многие исследователи признают, что данный тип войны заметно отличается от войн иного, «традиционного» типа [3]. Одним из наиболее важных средств поддержки информационной войны стали так называемые ‘fake news’.

Современному человеку, который находится в условиях реальной возможности мгновенной передачи колоссальных объемов информации, крайне сложно отличить то, что соответствует действительности, от того, что является ‘fake news’. У. Черчилль в свое время говорил: «It is better to be making the news than taking it» (Лучше делать новости, чем рассказывать о них) [4]. Но теперь даже эту фразу можно трактовать двояко. До определенного момента «ньюсмейкерами» (news-maker) называли тех людей, о ком говорят, кто совершил нечто, заслуживающее внимания. Теперь вполне допустимо предположение, что так можно называть людей, кто в буквальном смысле «делает», «производит» ‘fake news’, т.е. то, что некоторое время назад называлось дезинформацией, причем главным местом размещения таких «новостей» стала цифровая среда.

На языке дипломатов и специальных служб «дезинформацией» называли сведения, которые должны были вводить в заблуждение ограниченное число реципиентов. Сейчас же в качестве реципиентов выступают все, кто обладает доступом к электронным средствам передачи информации — радио, телевидению и в первую очередь Интернету с его обилием соцсетей.

Сформировалась устойчивая точка зрения об управляемости политическими и дипломатическими процессами путем использования соответствующих информационных технологий. Активно обсуждается сегодня концепт «войн нового типа». Их технологическую основу, в отличие от войн традиционного общества и эпохи модерна, составляют современные информационные системы коммуникации. Информационная война, рассматриваемая, как правило, в классическом дискурсе модернистской эпохи, сведена к пропаганде соответствующих идеологий.

Между тем протестные ситуации осуществляются сегодня и без наличия четко фиксируемой идеологии. В связи с этим возникает парадоксальная ситуация: сегодня практически утратили свою актуальность понятия «пропаганда» и «контрпропаганда», поскольку их вытеснило явно более экспрессивное по своей стилистике понятие «информационные войны». Возможно, это связано с тем, что понятие «пропаганда» предполагает в ситуации идеологического противостояния действие информационно-идеологического характера одной стороны, направленное на население или армию другой стороны, что влечет за собой ответные действия («контрпропаганду»): «советская пропаганда» — «антисоветская пропаганда», «пропаганда расизма» — «антирасистская пропаганда» и т.д.

Пропаганда — это своего рода идеолого-семиотический вектор, который должен вызвать определенную психологическую реакцию в сознании другой стороны. Слово «пропаганда», в отличие от слова «война», стилистически

нейтрально. Например, в словосочетании «пропаганда здорового образа жизни» нельзя говорить о негативной окрашенности рассматриваемого слова. Слово «война» ассоциативно связано с понятиями «насилие», «жертва», «смерть», «потери», «поражение одной из сторон» и т.д. Понятие «информационная война» предполагает взаимонаправленные активные массового характера информационные действия всех вовлеченных сторон с целью нанесения максимально возможного урона другой стороне, максимально полная ее дискредитация в глазах мировой общественности.

Для раскрытия понятия «информационная война» необходимо ответить на вопрос, чем данный тип войны отличается от войн иного типа. В профильной литературе выделяется три исторических типа войн, соответствующих трем различным моделям развития общества: 1) традиционное общество; 2) общество эпохи модерна; и 3) современное общество постмодерна. Войны, представляющие современную эпоху, отличаются по ряду критериев:

— по критерию средств поражения: использование в качестве нового вида оружия средств передачи информации;

— по критерию характера воздействия на противника: поражение сознания (отсюда уточняющая характеристика — не просто информационные, а информационно-психологические войны);

— по критерию управленческих технологий: сетевая модель управления (ведение войны через формирование контекста, программирующего противника на принятие заданного решения);

— по критерию масштаба распространения: глобальные, не ограниченные границами государств параметры (война ведется настолько широко, насколько широко доступна сеть Интернет) [2].

Ален Даллес, директор ЦРУ в 1953—1961 гг., сформулировал основные стратегические цели ведения информационно-идеологической войны против СССР, которые теперь реализуются в отношении России. В любой войне, в том числе и информационной, учитываются стратегические и тактические аспекты. Если рассматривать модели произошедших за последние годы внешнеполитических конфликтов, легко увидеть сходные информационные сценарии, реализованные вербально: лозунги об отсутствии демократии, свободы слова, наличии тирании, имперских амбиций со стороны соседних государств и пр. Существенная роль для распространения подобных лозунгов отводится цифровым СМИ, в наши дни реализующимся, прежде всего, в Интернете. Такой материал готовится в той форме, которая быстрее и проще дойдет до адресата, а именно в виде поликодовых, мультимодальных текстов, нередко представляющих фейковую (недостовверную) информацию.

Можно привести одно из определений понятия *информация*: «Информация — это совокупность сведений о внутреннем и внешнем состоянии управляемой системы, используемых для оценки ситуации и выработки управленческих решений» [Электронный ресурс]. В международных отношениях и дипломатии информация, ее полнота, достоверность, современность и точность абсолютно необходимы для адекватной оценки силы и влияния государства, его возможностей и международного потенциала.

Fake news как семиотическая доминанта цифровой информационной войны

Основу теории и практики информационно-психологических войн на Западе составляют методологические разработки школы К. Юнга, в основе которой лежит концепт об архетипах, матрице коллективного бессознательного. Имея представление об архетипической структуре социума, можно при наличии соответствующих информационных ресурсов манипулировать им в соответствии с поставленной целью. В качестве инструментария воздействия используется кодовый набор слов, сублимирующих соответствующие ассоциации. На первый план здесь, таким образом, выступает лингвистический анализ [3]. Технология состоит не в номинировании каких-либо смыслов, а в усиленном повторении ключевых слов. Этот повтор может осуществляться в любом направлении, и с использованием 'fake news' в том числе. Основная задача состоит в увеличении частотности соответствующего словоупотребления. Ориентиром в данном случае является не рассудок реципиентов, а уровень «подсознания».

В соответствии с постмодернистской рецептурой используется прием стирания границ «реального» и «семиотического». Реальностью в конечном итоге оказывается то, что существует вербально, т.е. 'fake news'. Процесс информационной глобализации привел не только к росту обмена идеями и достижениями, но и к расширению масштабов конфликтов. Локализация конфликтов при наличии глобального информационного поля теперь фактически невозможна. Эта новая реальность сегодня еще в должной мере не осмыслена. Благодаря повсеместной доступности Интернета возникает эффект всеобщей сопричастности. Однако сопричастность с конфликтом ведет к глобальной экстраполяции самой конфликтной парадигмы.

В наше время дипломатическая работа, благодаря официальным источникам, в том числе сайтам Министерств иностранных дел разных государств, информации, размещенной в Интернете и мессенджерах, превратилась в цифровую дипломатию, одной из форм которой стала даже твиттер-дипломатия, и обрела более открытый характер, однако сказать, что это способствует верному пониманию происходящего на международной арене, нельзя. Активное использование всей палитры семиотических кодов, нередко ориентированных не на прояснение ситуации, а, напротив, на ее запутывание, создание фейковых новостей и симулякров, изменило в том числе речевое поведение первых дипломатических лиц государств и представление информации на официальных сайтах дипломатических служб.

Стала продуктивной методология исследования, определяющая фиксируемую инверсию в системе информационного воздействия. За основу берется анализ частотности употребления конфликтогенных слов в глобальном информационном пространстве. Возрастающая динамика частотности означает не только рост темы конфликта в общественном сознании, но и симптоматику конфликтогенеза. Напротив, снижение частоты употребления конфликтогенных слов выступает основанием для прогнозирования снижения конфликтной напряженности.

В нашей статье [1] подробно описывались возможности исследования цифровых информационных дипломатических источников методом контент-анализа,

однако за последнее время произошли заметные изменения на сайтах международных ведомств, и доминанты представления информации сместились от вербальных в сторону иконических.

По всей видимости, на уровне глубинной семантики не существует принципиальной разницы между значением вербальных и иконических знаков, тем не менее, специальные исследования показывают, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному, при этом вербально представленная информация влияет на сознание рациональным путем, а использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень. Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чью-то позицию, принимается, как правило, в качестве некоей объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с той или иной установкой адресанта, оно кажется более демократичным. Поэтому поликодовый текст, каковым является любой современный сайт Интернета, создается с учетом специальных методик, служащих для повышения эффективности сайта, то есть по правилам юзабилити сайта.

Не исключением являются и сайты МИД России и Госдепартамента США, служащие примером реализации цифровой дипломатии. Считается, что едва ли не самыми главными элементами, отвечающими за юзабилити сайта, являются удобная навигация, гармоничная структура веб-страницы, аттрактивные цветовые решения и дизайн. Так, Я. Нильсен выделяет 5 основных качественных составляющих юзабилити: обучаемость (быстрая ориентация на незнакомом сайте), эффективность, запоминаемость, анализ ошибок пользователя при работе с сайтом и удовлетворенность [5]. Однако для таких сайтов, как официальные сайты государственных организаций, принципиально важным фактором является подача информации.

До определенного времени сайты государственных организаций представляли собой экранную версию «бумажного» текста с вертикальным меню, по которому можно было осуществлять поиск. Сейчас же критерии Я. Нильсена реализованы в полной мере. Официальный сайт МИД России [11] подвергся за последнее время существенным доработкам и изменениям. Из строгого, с минимальным использованием цветового кода, иконических составляющих, гиперссылок и пр. сайт был преобразован в хорошо структурированный, организованный, информационно насыщенный интерактивный цифровой инструмент. В отличие от сайта Госдепартамента США [12], который представлен исключительно на английском языке, сайт МИД РФ дает возможность получения информации на английском, немецком, французском, испанском, китайском, арабском языках и ряде других языков. Хотя информация на этих языках представлена в более редуцированном виде, следует отметить, что все основные информационные доминанты присутствуют.

Учитывая современные требования по расширению возможностей для людей с ограниченными способностями, МИД России предусмотрел также версию для слабовидящих. Гипертекстовая система сайта в настоящее время является хорошо продуманной — есть выход на сайты Президента и правительства РФ, выходы в основные, даже не самые распространенные, социальные сети. Новостная лента

как в текстовом, так и видеоформате обновляется в режиме реального времени с использованием всех технически возможных в Интернете семиотических кодов — вербального, иконического, параграфемного, видеокодов.

Особой доминантой сайта можно считать блок, связанный с актуальной информационной проблемой, существующей, как правило, в СМИ, — проблемой фейковых новостей, представляющих собой активный компонент цифровых информационных войн. На сайтах дипломатических представительств других стран такой блок отсутствует. Можно предположить, что именно против Российской Федерации направлена значительная часть тиражируемой западными СМИ недостоверной информации, а это вызывает необходимость ее выявления и опровержения сайтом МИД РФ.

Ответ-опровержение дипломатических служб на статьи, приведенные на сайте mid.ru, можно считать одной из доминант цифровой дипломатии. Лингвистическими средствами доказать недостоверность информации пока невозможно, поэтому единственным способом остается приведение фактических доказательств, опровергающих приводимые в статьях «фейковые» новости. В отличие от эмоционального текста статей с фейковыми новостями опровержения пишутся с соблюдением норм, принятых в дипломатическом дискурсе, и использованием митигативных прескрипций (некатегоричность, сдержанность, уклончивость, корректность) и тактик неопределенной референции, литотного смягчения, эвфемистических замен вместо конкретной номинации, тактик модусного ограничения и подчеркивания субъективности оценок. Могут использоваться и конструкции, характерные для политики «мягкой силы», когда в пределах одного высказывания используются и митигативные конструкции, и резкие высказывания, например: «*Надеемся, что немецкое издание Der Spiegel будет внимательнее отслеживать попытки публикации своими сотрудниками откровенных вымыслов и усилит проверку достоверности излагаемых на страницах журнала фактов*» (mid.ru/nedosotovernie-publikacii).

Как отмечалось выше, перманентная ситуация информационных и гибридных войн, по всей видимости, привела к необходимости создания такого блока, в котором представлены цифровые копии статей, опубликованных в СМИ разных стран мира — Дании, Великобритании, Албании и мн. др. За 2018 г. таких статей набралось около 80-ти. Проблема в том, что пока нет объективных инструментов лингвистической экспертизы, позволяющих на языковом уровне доказать ложность информации. Однако многие тексты статей, маркированные знаком, напоминающим печать яркого красного цвета со словами «Fake. It contains false information!», построены по уже известным моделям: похожесть текстов, повышение агрессивности от текста к тексту и пр.

По своей силе сообщения могут быть не равны друг другу. Но их значимость повышается неоднократным повторением. Нередко если новостей нет, их придумывают, что является еще одной стратегией информационной войны в СМИ.

В цифровых СМИ существуют типовые коммуникативные шаблоны как в рамках дипломатической коммуникации, так и в статьях и высказываниях на международные темы политиков, журналистов и политологов.

К таким типовым шаблонам, используемым в подобных статьях, можно отнести: формулирование желаемого результата; придание результату товарного вида; определение путем тестирования и опросов населения наиболее популярных субъектов, т.е. лиц, обладающих максимальной информационной энергией; определение множества СМИ, в том числе интернет-ресурсов, совокупное воздействие которых позволяет «покрыть» достаточное для принятия положительного решения множество лиц, ответственных за данное решение; подготовка и распространение соответствующих информационных материалов [7, 8].

Как правило, наблюдается функция автоматизации нагнетания отрицательной информации, массированное информационное давление. Таковы доминанты подготовки информационных операций, реализующиеся в цифровых СМИ. В информационную эпоху создавать подобные тексты стало проще, используя соответствующее программное обеспечение, созданное с использованием нейронных сетей, а распространять — еще проще благодаря Интернету, куда и переместился основной центр изготовления и распространения негативной и фейковой информации, причем подтверждение истинности и объективности этой информации выводится за рамки обязательного. Цифровые информационные войны с использованием всех возможных семиотических средств в значительной мере способствуют осложнению и так непростой дипломатической коммуникации.

Заключение

Президент США Р. Никсон еще в середине XX века сказал в Совете национальной безопасности США: «Государству гораздо выгоднее вложить один доллар в пропаганду, чем десять в оружие, ибо оружие вряд ли будет пущено в ход, а пропаганда работает ежедневно и ежечасно» [цит. по: 9]. Дипломатия, в том числе и цифровая, вынуждена определять новые доминанты, чтобы преодолевать порождаемые информационными войнами противоречия, опираясь как на универсальные коммуникативные стратегии, так и на стратегии, присущие именно ей. В завершение можно привести слова У. Черчилля: “In wartime, truth is so precious that she should always be attended by a bodyguard of lies” (В военное время правда столь драгоценна, что ее должны охранять караулы лжи) [4]. Можно констатировать, что это высказывание выдающегося политика и дипломата отражает суть современных информационных и гибридных войн, неотъемлемой частью которых являются ‘fake news’, реализуемых в использовании всех доступных семиотических кодов.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 10.06.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 10.06.2019

Библиографический список

1. *Беляков М.В.* Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. No 3. С. 58—68.
2. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007.

3. Максименко О.И., Хроменков П.Н. «Карнавальные маски» информационных войн // Карнавал в языке и коммуникации: коллективная монография. М.: РГГУ, 2016. С. 226—238.
4. Медведев Д.Л. Эффективный Черчилль: Методы, которые использовал самый известный премьер в мировой истории. М.: РИПОЛ классик, 2011.
5. Нильсен Я. Веб-дизайн. СПб.: Символ-Плюс, 2003.
6. Панарин И.Н. Информационные войны и Россия // Информация. Дипломатия. Психология / отв. редактор Ю.Б. Кашлев. М.: Известия, 2002.
7. Расторгуев С.П. Информационная война. Проблемы и модели. М.: Гелиос АРВ, 2006.
8. Расторгуев С.П. Планирование и моделирование информационной операции, 2014 [Электронный ресурс] <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-1-2014-1.pdf> (дата обращения 30.05.2019).
9. Самойленко В.В. Дипломатическая служба. М.: Норма Инфра-М, 2011.
10. http://evartist.narod.ru/text10/79.htm#з_07.
11. <http://mid.ru>.
12. <http://state.gov>.

Research article

УДК 81:003:327.82

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-593-601

Semiotic Dominants of the Information Presentation in Digital Diplomacy

Mikhail V. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Vernadskogo av., Moscow, Russia, 119454

Abstract. The diplomatic communications represents complex system consisting of various components. The article deals with the examples of elements presentation in this system on a site of diplomatic services of Russia subject to communicative tactics, a level of polycode and multimodality in information wars. Characteristic semiotics features of the information presentation are highlighted.

Key words: dominants, communicative strategy, digital diplomacy, mass-media, information war

References

1. Belyakov, M.V. (2016). News analysis site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation by a method of the content — analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(3), 58—68. (In Russ.)
2. Dugin, A.G. (2007). Postmodern geopolitics. Times of new empires. Sketches of geopolitics of XXI century. St. Petersburg. (In Russ.).
3. Maksimenko, O.I. & Khromenkov, P.N. (2016). “Carnaval masks” of the information wars. In *The Carnival in language and communications*. Moscow: RGGU. (In Russ.).
4. Medvedev, D.L. (2011) Effective Churchill: Methods which were used by the most known world prime-minister. Moscow: RIPOL Classic (In Russ.).
5. Nilsen, J. (2003). Web-design. St. Petersburg: Symbol-plus (In Russ.).
6. Panarin, I.N. (2002). Information of war and Russia. Moscow: News. (In Russ.).
7. Rastorguev, S.P. (2006). Information war. Problems and models. Moscow: Gelios ARV. (In Russ.).

8. Rastorguev, S.P. (2014). Planning and modeling of information operation [Electronic resource] URL: <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-1-2014-1.pdf> (accessed: 30.05.2019). (In Russ.).
9. Samojlenko, V.V. (2011). Diplomatic service. Moscow: Norma Infra-M. (In Russ.).
10. http://evartist.narod.ru/text10/79.htm#z_07.
11. <http://mid.ru>.
12. <http://state.gov>.

Для цитирования:

Беляков М.В. Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 593—601. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-593-601.

For citation:

Belyakov, M.V. (2019). Semiotic Dominants of the Information Presentation in Digital Diplomacy, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 593—601. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-593-601.

Информация об авторе:

Беляков Михаил Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; *научные интересы*: лингвосемиотика, дипломатический дискурс, лингвоконфликтология; *e-mail*: belmax007@hotmail.com.

Information about the author:

Mikhail V. Belyakov, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Department Moscow State Institute of International Relations; *research interests*: linguosemantics, diplomatic discourse, linguoconflictology; *e-mail*: belmax007@hotmail.com.

УДК 81'246.2:801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609

Герменевтические аспекты билингвизма: роль межъязыковой интерференции

Н.А. Свердлова

Иркутский научный центр Сибирского отделения РАН
664033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134

Статья посвящена проблеме изучения билингвизма. Объектом изучения является механизм овладения неродным языком, рассмотренный в русле герменевтического подхода. Для более глубокого анализа процесса овладения неродным языком рассмотрена роль психических и метапсихических категорий на пути к пониманию билингвом совокупности новых знаний о мире. Активность человека, находящегося в условиях личного выбора, является сложным целым, где центральное место отведено сознанию. Понимание как функция сознания становится ключевым вопросом интерпретации реальности, в которой находится билингв. Истолкование всех компонентов «новой» (иной) культуры и мира лежит через язык. С родным языком билингв связан через особый комплекс «преднастроенности» и «предпонимания», который базируются на социально-историческом опыте индивида и не зависят от выбранной для отображения действительности формы, но через сознание связан с пониманием новых реалий. Обретение нового опыта в условиях осознанного выбора ведет к появлению двойного формата восприятия мира, что не противоречит человеческой сущности, является условием полноты представления о мире.

В задачи исследователя входило представление языковой личности в терминах и понятиях герменевтики; определение основных психических процессов, которые характерны для формирования языковой личности билингва; изучение интерференции как закономерного процесса и результата интерпретации явлений действительности. В статье осуществлена попытка объяснить роль сознания, понимания в речемыслительной деятельности билингва и определить суть межъязыковой интерференции в свете примененного подхода. В условиях взаимодействия понятийных сфер и языковых систем появляется место для интерференции систем. В силу необратимости изменений в структуре языкового сознания межъязыковая интерференция становится закономерным процессом, способным нарушить декодирование при определенных коммуникационных условиях.

Ключевые слова: герменевтика, билингв, билингвизм, понимание, сознание, межъязыковая интерференция

Введение

Социокультурная многогранность является характерной чертой современного общества, принципы которого находятся в жесткой зависимости от экономических и политических условий его становления. Человек оказывается участником формирования политики и идеологии мультикультурализма. Поликультурная и многоязычная среда требует от индивида социального и языкового самоопределения,

© Свердлова Н.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

которое происходит в ситуации обновления социокультурных контекстов, в виде коммуникации, непосредственной или опосредованной текстами, которая возможна на основе понимания. Язык в данном случае рассматривается в контексте поиска наиболее точных понятий и форм для эффективного и результативного языкового контакта, как продукт вербализации понятий.

Рамки герменевтики — искусства истолкования, направления философии, связанного с проблемой понимания и взаимопонимания участников когнитивной коммуникации [1. С. 56] — позволяют получить современное представление о билингвизме, языковых контактах, интерференции, опираясь на философское осмысление роли сознания, мышления, понимания в процессе формирования билингва. Поиск новых подходов к изучению явления билингвизма и интерференции как одной из характерных черт процесса «освоения» неродного языка и культуры определил цель настоящей статьи.

Герменевтические основы изучения билингвизма

«Герменевтическая проблема состоит, таким образом, вовсе не в правильном пользовании языком, но в истинном взаимопонимании по тому или иному поводу, осуществляемом в среде языка», — писал Ханс Георг Гадамер [2. С. 448], критик традиций европейского рационализма и последователь М. Хайдеггера и Э. Гуссерля.

Эдмунд Гуссерль, немецкий философ, основатель феноменологии, видел в основе понимания «неосознанный фон интенциональных актов познания», которые дают представление о предмете, но исследуя внутренние механизмы сознания, он оставляет в стороне, вне исторического времени все характерные черты данного периода развития общества. Введенное им понятие «жизненного опыта» считается автором основой всякого познания и прасоной любого опыта и научного познания [3].

Мартин Хайдеггер в качестве «жизненного мира» рассматривает языковую реальность. «Язык — дом бытия», и в нем может формироваться само бытие и есть место донаучному опыту (предрассудкам — *прим. авт.*) — основа представлений человека [4].

Понятие предрассудка приобретает значение фундамента философской герменевтики Г. Гадамера. Он рассматривает герменевтику не только как метод понимания текстов, но как особую философию понимания. Рассуждая о знаниях человека и его понимании, немецкий философ выходит за рамки одного языка: философией понимания становится вся совокупность знаний о мире и человеческом бытии. Его представление о том, что понимание есть универсальный способ существования действующего человека, как его непосредственный (жизненные проявления, экзистенция), так и опосредствованный (история, культура) опыт, в актуальном для данного исследования направлении раскрывает суть самого процесса формирования истинного понимания.

Путь к истинному пониманию, практика получения истины — то, что определяет герменевтику как философское направление — лежит через язык, его формы, которые используются для истолкования всех компонентов культуры и мира в целом.

Но если язык, по Г. Гадамеру, — это своего рода реальность, которая есть важнейшая сторона человеческой рациональности, также существенная сторона жизни, бытия, то ему противостоят особый комплекс «преднастроенности» по отношению к любому явлению реальности, относительного которого мы высказываем суждение (*Vor-urteil* от: “vor” — перед чем-то и “Urteil” — суждение) и предпонимание (*Vor-verstandnis*). Это не сводится к интуиции говорящего, речь идет о предсуждении и предистолковании, которые базируются на социально-историческом опыте индивида и не зависят от выбранной для отображения действительности формы. Тяжесть этого «багажа» была охарактеризована самим Гадамером, когда он сказал о «деспотизме системы понятий» [2. С. 46]. И преодолеть этот «деспотизм», вероятно, сможет только язык, так как именно он определяет реальность, констатирует ее. Австрийский философ Людвиг Витгенштейн писал в 1921 году: «Границы моего языка определяют границы моего мира» [5. С. 56].

Язык творит образ мира, уникальный для конкретного языка и конкретной культуры, формируя определенную картину мира, отображающую не наблюдаемое, а запечатленное и осознанное ранее. И при определенных социальных условиях, принятых человеком осознанно или вынужденно, происходят не очевидные, но со временем все четче проявляющиеся изменения в речи, которые коррелируют с изменениями в языковой картине мира. Границы языка таким образом действительно «расширяются» за счет осознания и понимания новых реалий. Было отмечено, что «на языковую картину мира, сформированную при участии родного языка, могут накладываться трансформирующие ее новые элементы» [6. С. 1161]. В результате таких трансформаций сознание обновляется, что ведет к его плюрализму [7. С. 199].

Герменевтический подход к интерпретации действительности билингом

Человек, оказавшийся в более чем одной культуре, стоит перед выбором. В соответствии с экзистенциально-гуманистическими теориями (теории личного выбора — *прим. автора*), человек самостоятельно, руководствуясь своими потребностями, и под влиянием внешней среды *выбирает* языковые формы, с помощью которых он будет обмениваться своими мыслями [7. С. 200]. Дальнейшая активность человека будет сложным целым, определенным его доминирующими потребностями, что имеет отношение к психике индивида. Метапсихическую категорию — сознание — отличает ответственность, *свобода, осознанность* [7. С. 201]. Понятия Гадамера *Vorurteil, Vor-verstandnis* (имеющие отношение к родному языку — Я1 — *прим. авт.*) были предложены философом именно для того, чтобы подчеркнуть особые духовно-нравственные и практические усилия для правильного *понимания* «чужого языка» (Я2). *Понимание*, как функция *сознания*, становится ключевым вопросом интерпретации реальности, в которой находится билингв. «Предпонимание» и «предсуждение» связаны с пониманием новой реальности через языковое сознание. Возможно, именно в этом направлении мы можем искать ответ на вопрос, «...какое же содержание сознания опирается

носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому?» [8. С. 98] (рис. 1). Таким образом, предпонимание направлено через сознание на понимание неродного языка, что, в конечном итоге, кодируется языком (Я2) и отражается в речи человека. И продиктован этот процесс осознанным выбором индивида вне зависимости от степени его вынужденности / невынужденности этого действия (социальные условия, которые сопровождают любой выбор, в том числе выбор языка коммуникации [9. С. 950]).

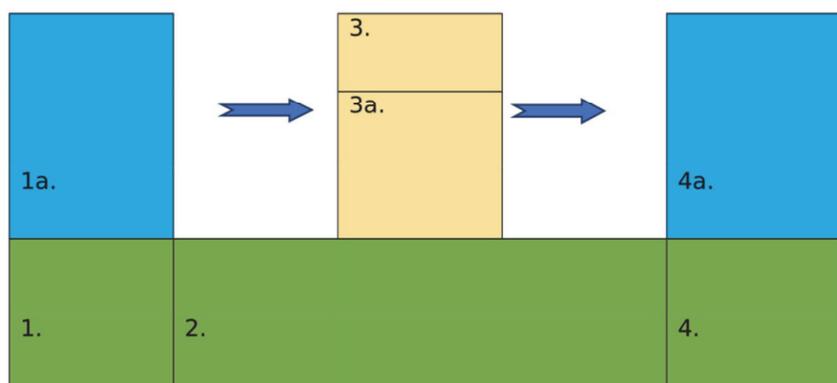

Рис. 1. Герменевтический подход к интерпретации действительности билингом:

1. Предпонимание; 1а. Родной язык билинга (Я1); 2. Языковое сознание; 3. Выбор (как психическая категория индивида; 3а. Свобода, осознание (как метапсихические критерии); 4. Понимание; 4а. Неродной язык билинга (Я2)

Pic. 1. Hermeneutic approach to the interpretation of reality by a bilingual:

1. Pre-understanding; 1a. Native language of a bilingual (L1); 2. Language awareness; 3. Choice as a mental category; 3a. Freedom and awareness as metapsychics category; 4. Understanding; 4a. Non-native bilingual's language (L2)

Находясь внутри «иной», «чужой» среды, билингв сталкивается с реальностью, которая не соответствует его предпониманию. В его распоряжении находится более чем одна система кодировки действительности, одна из которых в большей степени связана с обретением нового опыта и ведет к выполнению условий эффективной коммуникации. Дифференцированное использование языка лишь подчеркивает стремление билинга к поиску эффективных средств достижения коммуникативного эффекта. Двойной формат восприятия мира не противоречит человеческой сущности, напротив, согласно философскому принципу двоичности восприятия окружающего мира (принципу двойственности — *прим. авт.*), является условием полноты представления о мире. Культурологическая концепция Ю.М. Лотмана подтверждает сказанное: «Мы не можем понять мира до конца, и эта невозможность понимания компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир» [10. С. 51].

Процесс движения к пониманию и осознанию новой реальности имеет отчасти диссонансный, негармонический, деструктивный характер: индивид выходит за пределы «предпонимания» и «предсуждения» к бинарности, к двоичному пониманию сути явлений. Данный процесс представляется вполне естественным для человека, поскольку человеческий мозг организован как бинарный механизм и ему не чужды такие трансформации. На протяжении пути формирования новых представлений в сознании билинга в его речи могут быть замечены маркеры процесса, которые указывают на его наличие и необратимость.

Межъязыковая интерференция и языковое сознание билингва

Использование языковых средств зависит от социокультурных ситуаций, в которых находится индивид. Границы его мира раздвигаются, так как нарушаются границы поиска эффективных средств коммуникации в рамках одного языка. Нарушение установленных норм, предпониманий, традиций, культурных и языковых, связано с изменением в структуре сознания. Во взаимодействие вступают понятийные сферы и языковые системы. Появляется место для интерференции лингвистических систем, их соотношения в плане понимания смыслового содержания.

Межъязыковая интерференция как результат взаимодействия языковых структур является закономерным процессом в силу необратимых изменений в структуре языкового сознания. Она обусловлена ситуацией пребывания индивида — «здесь» и «сейчас», что вносит изменение и, возможно, разрушает его социокультурные установки. Интерференция социально мотивирована, что подчеркивается осознанным поиском и выбором элементов языка для выражения понятий действительности. В отсутствии имеющихся форм или понятий соответствующая лакуна немедленно заполняется и имеющееся в понятийно-языковом арсенале билингва занимает свое место в системе для последующего решения задач коммуникации.

Интерференция нарушает декодирование в том случае, если выбранные человеком языковые коды и смыслы не соответствуют задачам коммуникации. Обладая своим уникальным кодом и способом отражения мира, каждый язык действительно «давит» над человеком, и оказавшемуся в иной реальности индивидууму нужно выбраться из этого герменевтического круга. Характер интерферентных отклонений от нормы «новой» языковой системы, объем интерференции на разных уровнях языковой системы, наличие интерференции на культурологическом уровне, наличие социокультурной интерференции (смешение коммуникационных кодов или контактирующих языков) указывает на процесс корреляции понятий контактирующих языковых и культурных систем, на нестандартную герменевтическую ситуацию.

Заключение

Таким образом, в основе исследования герменевтических проблем билингвизма лежит изучение понимания как функции сознания. Бинарность восприятия действительности в условиях владения двумя и более системами отражения мира в сознании позволяет находить эффективные средства для осуществления коммуникации. Выбор этих средств основывается на доминирующих потребностях билингва. Отраженный в сознании билингва новый опыт в языке может быть рассмотрен в рамках процесса интерференции — маркера вариативности мышления, залога расширения рамок восприятия человеком мира и его всестороннего развития в целом.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 10.07.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 10.07.2019

Библиографический список

1. *Лебедев С.А.* Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. Режим доступа: http://philosophy_of_science.academic.ru/51/ (дата обращения 10.03.2019).
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. *Блинников Л.В.* Краткий словарь философов. М.: Наука, 1994.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
5. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Философские работы*. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
6. *Баласникова О.В., Черкасова Г.А., Степанова А.А., Уфимцева Н.В.* Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. no 4. С. 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170.
7. *Свердлова Н.А.* Лингвopsихологические особенности формирования языковой личности билингва // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2018. Вып. 6 (797). С. 196—203. Режим доступа: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf (дата обращения: 02.03.19).
8. *Уфимцева Н.В.* Дихотомия значение/значимость в исследовании языкового сознания // *Жизнь языка в культуре и социуме—5: материалы международной научной конференции* / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. Москва: Издательство «Канцлер», 2015. С. 29—30.
9. *Кытина В.В.* Роль экстралингвистических факторов при формировании языковой личности ребенка-билингва // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. no 4. С. 949—956. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956.
10. *Руднев В.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2003.

УДК 81'246.2:801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609

Research article

Hermeneutic Aspects of Bilingualism: the Role of Interlingual Interference

Nataliya A. Sverdlova

Irkutsk Scientific Center of Siberian Department of the Russian Academy of Sciences
134, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664033

Abstract. The article is devoted to the problem of studying bilingualism. The object of study is the mechanism of acquiring a non-native language, considered in the context of the hermeneutic approach. For a deeper analysis of the process of acquiring a non-native language, the role of mental and metapsychic categories on the way to bilingual understanding of new knowledge about the world is considered. The activity of a person in the conditions of personal choice is a complex one, where the central place is given to consciousness. Understanding, as a function of consciousness, becomes a key issue in the interpretation of the reality where the bilingual is. The interpretation of all components of the “new” (other) culture and the world goes through language. The native language of the bilingual is associated through a particular set of “pre-setting” and “pre-understanding”. Gaining new experience in the conditions of conscious choice leads to the emergence of a double format of perception of the world, which does not contradict human nature, is a condition of completeness of the world view.

The tasks of the researcher included the representation of linguistic personality in terms and concepts of hermeneutics; the definition of the basic mental processes that are characteristic of the formation of bilingual linguistic personality; the study of interference as a natural process and the result of the interpretation of the phenomena of reality. The article attempts to explain the role of consciousness and understanding in bilingual speech activity and to define the essence of interlanguage interference in the light of the applied approach. In interaction of conceptual and linguistic spheres of the system, appears for the interference systems. Due to irreversible changes in the structure of linguistic consciousness, interlingual interference becomes a natural process that can disrupt decoding under certain communication conditions.

Key words: hermeneutics, a bilingual person, bilingualism, understanding, consciousness, interlingual interference

References

1. Lebedev, S.A. (2004). *Philosophy of science: Dictionary of basic terms*. Moscow: Academic Proekt. URL: http://philosophy_of_science.academic.ru/51/ (accessed: 10.03.19). (In Russ.).
2. Gadamer, H.-G. (1988). *Truth and method: The basics of philosophy hermeneutics*. Moscow: Progres. (In Russ.).
3. Blinnikov, L.V. (1994). *Brief dictionary of philosophers*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
4. Heidegger, M. (1997). *Being and time*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
5. Wittgenstein, L. (1994). Logical-philosophical treatise In *Philosophical works*. Part I. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
6. Balyasnikova, O.V., Cherkasova, G.A., Stepanova, A.A. & Ufimtseva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistic aspect of regional language consciousness. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170. (In Russ.).
7. Sverdlova, N.A. (2018). Lingvopsychological features of formation of linguistic bilingual identity. *Vestnik of MSLU. Humanities*, 6 (797), 196—203. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf (accessed: 02.03.19). (In Russ.).
8. Ufimtseva, N.V. (2015). The dichotomy of the value/importance of the study of language consciousness. In: *Life of language in culture and society—5: materials of the international scientific conference*. E.F. Tarasov (Ed.). Moscow: The Chancellor Publishing House. pp. 29—30. (in Russ.).
9. Rudnev, V.P. (2003) *Encyclopedic dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts*. Moscow: Agraf, 2003. pp. 50—51. (in Russ.).
10. Kytina, V.V. (2017). Role of extralinguistic factors in the formation of language personality of bilingual child, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 949—956. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956. (in Russ.).

Для цитирования:

Свердлова Н.А. Герменевтические аспекты билингвизма: роль межъязыковой интерференции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 602—609. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609.

For citation:

Sverdlova, N.A. (2019). Hermeneutic Aspects of Bilingualism: The Role of Interlingual Interference. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 602—609. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609.

Сведения об авторе:

Свердлова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательной деятельности и экспертной оценки, зав. каф. педагогики и экспертной оценки, доцент кафедры иностранных языков и философии Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; *научные интересы*: теория языка; психолингвистика; социоллингвистика; семиотика; методика преподавания иностранного языка; российская и зарубежные системы тестирования на уровень владения иностранным языком; *e-mail*: nsverdlova@yandex.ru.

Information about the author:

Natalia A. Sverdlova, PhD in Philology, Associate professor, Head of the Department of Scientific, Education Activity and Expertise, Head of the of the Department of Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate professor of the Department of Foreign languages and Philosophy; *Interests*: theory of language; psycholinguistics; semiotics; methods of teaching as a foreign language, Russian and Foreign systems of language testing; *e-mail*: nsverdlova@yandex.ru.

УДК 81:003:165

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-610-621

The Semiotic Method of Cognition of Reality: Limits of Applicability

Platon A. Kuzmin

Graduate School of the Moscow Theological Academy
Academy, The territory of the Lavra, Sergiev Posad, Moscow Region, Russia, 141300

Abstract: This article discusses the degree and usefulness of the applicability of the semiotic method in science, philosophy and academic theology. The philosophy of the semiotic method and its relationship with Orthodox theology are considered. A specific case of application of the semiotic method in Russian science in the study of theological texts in the works of S.S. Averintsev is presented and studied. It is concluded that the extensional universality of the semiotic method in all spheres of knowledge and its limitations in the ability to adequately reflect reality.

Key words: semiotic method, semiotics, sign, reality, theology

Introduction

Semiotics is a relatively young science, but it already claims to be universal. What are the limits of the semiotic method?

Relevance: A person, being in a society, at the same time is in a particular cultural environment, which is created by verbal or non-verbal language. Russian or English, as well as the style of clothing, fashion, cultural traditions, works of art — is the language, that is a set of signs that a person uses to express themselves and interacts with other people, their identification and understanding. Philosophy, science and religion also use their language to describe reality. A person perceives much through signs. Prof. T.V. Chernigovskaya once said in her lecture: “People are such creatures who like to deal with virtual reality very much, they deal with signs. Well, let’s say, here is a glass of water, here it is. It is already, a real glass, there is water in it. Why should we draw it? Where did the idea of duplicating the world come from? All art, as well as not art, is language, it duplicates a real glass” [1].

Modern use of PR-technologies, information wars, the activities of the media are carried out precisely with the help of signs and because a person, if you say theological language, as a verbal creature, has a natural need to use them and cannot live like a person without them. The word is also a sign. As the science semiotics that studies signs appeared relatively recently, it is important to ask the question how adequately the used sign reflects reality and what are the limits of using the semiotic method during searching

© Kuzmin P.A., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

for an answer to this question? And can within these borders semiotics be a common language for all spheres of human activity, thereby ensuring successful dialogue and understanding?

The object of this study is the concept and essence of the semiotic method. The subject of this work will be the limits of the application of this method in science, philosophy and academic theology.

Thesis: the semiotic method can be effectively applied to the study of cultural phenomena and more generally, reality in general, but, nevertheless, has its own natural limits. A sign is effective when it refers to a real object, and not to itself or another sign. From the point of view of Orthodox theology, signs arising in the created world are limited and cannot give complete knowledge of God, but only a certain idea of Him.

The purpose of this article is to define the concept of the semiotic method and clarify its applicability in the mentioned areas.

To do this, you will need to perform the following tasks:

- to analyze the existing definitions of this method;
- to consider the history of the emergence of this concept and briefly identify the main stages of the emergence of semiotics;
- to consider the philosophical foundations of the semiotic method;
- to review some cases of application of this method in philosophy, science and theology and to analyze them;
- to summarize the information and make a conclusion.

Definition of the Semiotic Method and History of the Term

The semiotic method can be defined as a way of describing certain texts, cultural phenomena, or, more generally, reality in the form of sign systems. At the same time, the interest of the researcher is directed directly to the object, which is indicated by the sign, as a result, the scientist will make his judgment about the object, but based on the data that he will receive when studying this sign and its relationship with this object.

Trying to trace the history of the term “semiotic method”, in Russian literature we find the work of Yu.M. Lotman “Analysis of the poetic text. The structure of the verse”, published by “Uchpedgiz” in 1972. Yuri Mikhailovich took his “Lectures on structural poetics as a basis. Introduction. Theory of verse” 1964, which were published in a collection in Tartu [2] [16]. In the “Analysis of the poetic text” we are talking about “structural-semiotic methods”, the concept of “semiotic method” is not used yet.

V.L. Bondaletov devotes Chapter in his textbook “Russian onomastics” to the concept of “semiotic method”, published in 1983 in Moscow. Earlier mention of this phrase as a stable term the author did not find.

In the English literature should be mentioned the work of Sonia Maasik and Jack Solomon, entitled “The Semiotic Method”, which was published in 1994 in the journal *Signs of Life in the USA*.

The following definitions was given about this concept:

“The semiotic method of text analysis. Consideration of the text as a system of signs. The distinction in the framework of semiotics, semantics, syntagmatics and pragmatics of signs is significant. The semiotic method is associated with the modeling of text as a sign system. Y.M. Lotman, who developed a structural-semiotic concept, identified when he was analyzing the text:

- 1) functional-semantic type of speech reflected in the text;
- 2) the division of the text into segments and the analysis of the structure;
- 3) tiered detailed study of the text units;
- 4) analysis of rhymes;
- 5) generalization of observations, specification of the artistic sense” [1. P. 321—322].

“The semiotic method of cognition is a method of indirect cognition of reality, the essence of which is that the object under study, in the absence of the possibility of direct study of its research, is analyzed by its material traces, sensually perceived signs or other signs that represent it in the process of cognition. This method is based on the ability of the subject to perceive the sign and respond to it as a representative of the object of the real world.

The basic principles of the semiotic method of scientific research: the principle of objectivity (all conclusions and hypotheses arising from the analysis do not apply to the sign itself, but to the object behind it), the principle of uniqueness (prohibition of the use of the same sign to dissimilar objects and situations), the principle of interchangeability (the possibility of replacing one sign with another on the basis of their semantic identity)”.

“Like information schemes, the semiotic approach makes it possible to explain and present in General the knowledge, communication and culture as a whole, “to reveal their dynamics and organization at the principal level”), operating for the time being an intuitively understood category of the sign. “For example, we do not know the actual mechanism of memory, understanding, thinking, but it is possible to intelligibly discuss these complex mental phenomena through the concept of information: memory — a repository of information, understanding — decoding information, thinking — information processing” (ibid.). Add: a sign — “carrier, Keeper, broadcaster, organizer of information”, meaning — “invariant of information”, communicants — “transmitters and recipients of information”, etc.” [3. P. 86].

“The definition of the second type — the definition of the method: “Semiotics — is the application of linguistic methods to objects other than natural language”. What’s the meaning of that? This means that semiotics is a way of treating anything as constructed and functioning like a language. In this “like” — the crux of the method. Everything can be described as a language (or as having a language): kinship system, card games, gestures and facial expressions, cooking, religious rituals and insect behavior. Semiotics, therefore, is the transfer of the metaphor of language to any non-linguistic (from the point of view of ordinary, “non-semiotic” consciousness) phenomena. One of the principles on which semiotics is based is the expansion of the meaning of linguistic terms. So the method of semiotics is to treat anything as a metaphor for language, or to put it another way, a metaphorical description of anything as language.”

The Philosophy of the Semiotic Method

Topics for philosophical understanding here are the problem of the relationship of sign and reality, indirect knowledge of reality, interpretation, meaning, the expression of abstract concepts in material forms, the influence of symbols on social life, the relationship of language and thought, the study of language as a coherent set of signs, the knowledge of truth, the universality of symbolism and semiotics, the boundaries of the application of the semiotic method and the conventionality of the sign.

E.A. Taysina names the following possible philosophical foundations of semiotics: dialectical materialism, essentialism, rationalism, the acceptance of the absolute truth, relativism and postmodernism [3. P. 15].

Speaking about the philosophy of the semiotic method, we should first trace the history of the philosophical foundations of semiotics.

You can start with the history of the ancient world. In the period of polytheism in ancient Egypt in the VIII century BC was written text, now known as the Memphis theological treatise. It speaks of “bringing together the creative word, thought and the world formed by these forces”, which is a philosophical idea. There is an association with the concept of monism “all is one”. Here the triad of sign-concept-object is already anticipated.

In ancient Greece there was opposition to the existing language in “nature” and “establishing” which was analyzed including in the Platonic dialogue “Cratylus” (IV century BC). In other words, it was discussed whether the sign was conventional or natural in nature. This treatise contains a reflection on how the sign and the image relate to the thing, and discusses the role of the sign and language in communication and knowledge.

The question of how adequately the name could reflect essence of the ever-changing world, is also considered in the dialogue “Cratylus”. This question does not lose its relevance until now, as the Italian semiotic Umberto Eco at the turn of XX—XXI centuries again asks: how adequate is the structure created by our consciousness in relation to the changing reality? For epistemology this is a serious question, because if the sign distorts the information, can we know the truth [4; 14].

In the mentioned dialogue it is said that we create signs in the conditions of the world changing and thus only to the extent of the understanding which can be erroneous. Therefore, signs cannot perfectly reflect the truth. If we compare these thoughts with the Christian doctrine of God the Son, Jesus Christ, Who is the perfect image of the Father, His perfect expression and Word, it becomes clear that the Gospel, on the contrary, provides a basis for the representation of the image and sign that can serve the knowledge of the truth. This assumption can be checked by further considering the attitude of the Orthodox Holy Fathers to the problem of the sign.

In the process of reasoning about only through sign language and you can understand the nature of things, Plato draws attention to the degree of similarity of the sign to the object, which subsequently served as the basis for allocation of such signs as iconic, that is, having similarity with the object that is on its way. In the above-mentioned dialogue, Plato argues that the best knowledge is the study of the thing itself, that is,

the object. Based on this, we can already judge the correctness of the chosen name for her. The sign is not the only means of knowledge. At the same time, speaking about reality, the philosopher uses the expression “the truth of things” known in Church hymnography (involuntarily the quote from the troparion to St. Nicholas is remembered: “the truth of things”).

The saints Cappadocians (IV century A.D.) found it necessary to include in the “love of kindness” the text of Origen, which they called: “On the syntactic originality of Scripture and the [imaginary] poverty of expressions”. In this part of “love of kindness” we find the triad word (sound) — denoted (object) — meaning (“thing”), which anticipates the arisen more than a Millennium after their death, the idea of the semantic triangle of Frege-Ogden-Richards. It says: “He who distinguishes in the mind of articulate sound, denoted by and things, according to which the referent is used, it is not in confusion before solecismic, occurring in words” [5. P. 10—11].

As we can see, already in this period the Holy fathers pay attention to the problem of the correlation of meaning and word, that is, the designated and the sign, recognizing the imperfection of the latter.

Speaking about the semiotic aspect in the works of the Holy fathers of the early Byzantine period, it is important to turn to the studies of S.S. Averintsev, a philologist and historian of Christian culture, who studied the monuments of writing of this era, a significant part of which came from the pen of the Holy fathers. His work “Poetics of early Byzantine literature” was defended as a doctoral thesis in 1980. S.S. Averintsev also touched upon the semiotic aspect of this literature, that is, revealed the role of the sign in it [6. P. 126—127].

On the importance of the theory of the sign for this period, he writes the following: “Further, the theory of the sign, the aesthetics of the symbol, the philosophy of the name are also “eternal” tasks of knowledge, independent of confessional ideology. If the symbol can be argued that idealistic speculation and mystical contemplation are particularly interested in this category — although, of course, they are not alone — then the sign is a category of worldview neutral. However, in the specific conditions of the era this whole issue has become extremely popular because they were correlated with the religious and political life: the problem of interpretation of the Scriptures (for Christians, the Bible, and to the Gentiles — the other texts accepted as sacred), with difficulties when trying to articulate the “ineffable” mystical content, with the needs of the theory of cult, even with the need to comprehend the entire “visible” and it is the earthly reality of the state and the Church-hierarchical institutions as some of the “icons” of a different reality, invisible and transcendent. So is the case with semiotic and symbolological topics of the philosophy of the IV—VII centuries” [7. P. 47].

S.S. Averintsev points out that St. Basil the Great paid attention to the theme of the philosophy of name. A name is a kind of sign, so this question has to do with semiotics. Opposing the extremes of eunomianism, which claimed that even the essence of God can be expressed in the name completely, and agnosticism, archbishop of Cappadocian Caesarea argued that the name gives an adequate idea of some of the properties of a particular entity. This is possible thanks to the cognizable energies (actions) of this unknowable entity. Thus, St. Basil lays the foundation for the doctrine of the Divine energies of St. Gregory Palamas (XIV century).

Sergey Sergeyevich writes that for the early Byzantine era the theme of the sign, symbol and name is Central. Note that he considers these concepts in the framework of one topic. The semiotic aspect in the theological works of the Holy fathers of Averin notes, mentioning the works of St. Augustine of Hippo, who considered in detail the concept of the sign, and the works of St. Basil. “The fact that Basil, a thinker, generally speaking, not too fond of symbolism, in a very unusual for the Christian Platonic measure skeptical about the allegorical interpretation of the Bible, could not pass by this problem, the more significant” [*ibid.*, P. 72—73].

Since the semiotic method exists within the framework of semiotics, we should pay attention to the fact that John Locke already spoke about this science as the most important sphere of knowledge in the XVII century. Briefly, we note that it was developed by Charles Pierce, major scientists in this field were also Lotman and Umberto Eco.

However, there are researchers who denying the universality of semiotic method and see flaws in the philosophical foundations of the semiotics. Doctor of philosophy E.A. Gorny writes: “Criticism of the semiotic method is at the same time a criticism of science, which is based on the principles of mechanism, positivism and the exclusion of the subject of knowledge from the sphere of knowledge itself” [8. P. 175].

“Semiotics is the creation and apologetic self-affirmation of the blind mind, detached from reality, unable to see it as it is, without any means, i.e. the mind in a state of ignorance.

Semiotics, ontologizing “binary oppositions” as a universal structure of cognition, is able to deal only with illusory, or relatively real, phenomena. It denies the existence of a deeper or higher reality... reality as it is. The semiotic mind, which has dominated Western culture for at least the last six centuries and acts as an almost universal “censorship of understanding”, “is concerned with what is in fact unreal” [*ibid.*, P. 174].

These arguments are essentially a critique of structuralism. They are in tune with the statements of Plato and Umberto Eco. A sign is always a means of cognizing reality, and not the reality itself, which can be revealed to a person without the sign. In addition, the wrong attitude to the sign can give rise to a number of serious problems. Starting with an erroneous interpretation and unlimited semiosis, when one sign refers only to another sign, and not to the object of reality, and ending with the virtualization of human consciousness, as S. Khoruzhy says: “There are both acquisitions and dangerous sides. Expanding experience and abilities — but they are expanding by immersion in a diminished and separate, not fully realized and not fully formed reality, the scope of the minimum threshold of happening and energy. Hypertrophy of the “virtualist worldview” is a sign of “the energetic decline of man and the world — the decline is not quantitative, but qualitative: the decline of the form-building will and ability” [9. P. 350]. Thought of Khoruzhy, people with this attitude to the world closes in virtuality, taking responsibility and losing the ability to create.

Semiotic Method in Science: Philology

Let us pass from the philosophical foundations of the semiotic method to the consideration of its specific application in scientific research. Precedent and an example of the use of this approach are the work of the above-mentioned philologist S. Averintsev.

Let us consider the methods of analysis of the text that Sergey Averintsev used when writing the Chapter “Literature” of the collection “Culture of Byzantium: IV — the first half of VII” and the monograph “Poetics of early Byzantine literature”.

Within the framework of the semiotic methodology, such methods as functional and diffusion are used. The functional method is the definition of the role of a language unit in a language or text, and the diffusion method is the tracing of borrowings of certain language units.

At the very beginning of his analysis in the said collection Averintsev states: “the Paradox of early Byzantine literature can be understood in the context of a broader socio-historical and cultural-historical paradox”. He considers the object of study in its dynamics.

The Professor describes the emergence and development of early Byzantine literature as diffusion: Christian authors borrow rhetorical techniques and images from ancient pagan authors, filling this form with new content, which in the modern context gives rise to a new cultural phenomenon .

When S.S. Averintsev reflects on the creation of St. Gregory the theologian “Oh, Exceeding all!..”, he draws attention to the fact that the poet uses hexameter — the oldest form of ancient verse, in which Homer wrote his works. At the same time, the scientist notes that there are no specific biblical motifs in the poem itself, which gave rise to the Western philologist of the XIX century to consider the poem the work of the pagan philosopher Proclus. Immediately note that S.S. Averintsev with such attribution of the text does not agree, indicating that the love of God and the desire of the soul to Him, which the archbishop of Constantinople writes, incompatible with the tradition of pagan hymnography. Thus, we have a clear example of cultural diffusion.

The functional method is also used by scientists. About the work of St. Roman sweet-singer in “the Poetics of early Byzantine literature”, he writes: “And if the verses given in the narrative and appeal to the people, the refrain may assume the function of the cult call of God, and thereby put the story in the context of the continuing “conversations” with God, “anticipation of” him”.

S.S. Averintsev also mentions St. Basil the Great. The Soviet philologist clearly indicates the function of the sermons of the Bishop of Cappadocian Caesarea: the purpose of the Holy father is to bring the Orthodox theological and moral teaching to the mind and heart of every listener, to encourage him to change his life in accordance with the gospel commandments. For him, “the word becomes an applied tool of effective persuasion, influence on the minds”. As well as Yu.M. Lotman, S.S. Averintsev draws attention to the fact that for the reader unfamiliar with the context in which the work was created, that is, not seeing the relationship of the features of the text with the cultural norm existing at the time of the birth of the verse, it is more difficult to adequately interpret the text. This is the functional method.

S.S. Averintsev applies the functional method, referring areopagitica corps. He notes the General purpose of the metaphors of Nonnus and the author of “Areopagitic” — to emphasize the inexpressiveness of the described reality. He cites the text from the above-mentioned source: “the Divine darkness is that unapproachable light in which,

according to the Scripture, God dwells; the light is invisible because of excessive clarity... and into this darkness enters anyone who has been granted to know and contemplate God precisely through non-vision and non-cognition...”. And then the scientist comments: “the Theologian has as little trust in each individual word to carry an adequate meaning, as the poet is not inclined to assign each individual metaphor to express an adequate image”. In the text of the theologian there is “unimaginability, embedded in the human psyche contradiction, which is designed to “transform” this psyche”. “...the 'super-task' of these words is not in utterance, but in expressive silence, in inspiring the reader with a sense of going beyond the word”. Applying the functional method, the Professor describes the form of expression that was chosen when using the apophatic method to convey the theological content.

The Semiotic Method in Theology

Immediately we must say that in theology there is no such thing, but the problem of the sign, as was shown above, was considered by the holy fathers.

Theology as a science is “the practice of the assimilation by man of the systematization and presentation of eternal revealed truths, the church experience of faith and communion with God”, as stated in the Orthodox Encyclopedia. We read there also: “The sacrament of the Incarnation makes possible not only any Christian symbolism and icon veneration, but also the possibility of a semantic and verbal description of God. Theology becomes the verbal icon of Christ”. Finally, St. Gregory Nazianzus called theology “the word about God”. Since we are talking about words, it is clear that theology as an exposition of truths is possible due to the presence of one or another language as a system of signs. In this system, the word is denoted by one or more characters.

Therefore, it is legitimate to regard theology as semiosis. Moreover, the sign is primarily a word, the object is predominantly God, and the interpreter is every person who hears or reads this word.

Hermetic (or unlimited) semiosis is a process of “infinite interpretation of some characters through others, which dialectically turns into practical action (also a special kind of interpretation of the message received) and for which, in principle, no stable code exists”. One sign means another, and so on to infinity. In the absence of any restrictions on this process, U. Eco estimated this phenomenon negatively. He wrote: “...I am against a cancerous tumor of excessive interpretation, which you just cannot be satisfied with and continue to look for other answers”.

U. Eco considered the interpretation of the Holy Scriptures on the principle that the Old Testament is the shadow of the New, and the New is the image of the future state of humanity and the world as a vivid example of just such a process. From the point of view of Eco, sacred texts are less subject to over-interpretation, as there is an age-old tradition of their interpretation, based on indisputable authority. The writer gave different examples of superinterpretations in their own works. From here, Nosachev concludes that Eco “does not advocate a complete restriction of the author’s rights to his text”.

Most clearly the topicality of the theme of the sign for theology was manifested in the Palamite disputes of the XIV century and later in the debate about the name (ono-

matodoxy). It must be said that for St. Gregory Palamas and representatives of the Hesychast tradition it was obvious that a person knows God not only through signs, but precisely through His uncreated energies. Without diminishing the role of the sign in the history of the Revelation of the Creator to the world, the Eastern holy fathers urged not to dwell on the knowledge of the objects of this world, from which we can conclude about the existence of the Almighty, but to ascend directly to meeting and uniting with Him through His energies directly, that is, without the mediation of the sign. At the same time, it is possible to say, however, that in this connection man himself reveals himself as a sign-image of God, having the common property of spirituality with Him, as the saint himself writes.

We see that the Orthodox tradition encourages a person to search for the true reality and (for example, in the concept of delusion) warns against a circuit in the virtual illusory world. The Monk Maxim the Confessor argued that the essence of sin in seeking goodness where it does not exist, and this is the essence of charms as spiritual self-deception: it seems to a person that he has grace-giving gifts in the absence of them.

If we consider the concept of an image as a kind of sign, then we can say that Christianity speaks only about one sign that coincides with an object — this is the Son of God, which is God and the image of God at the same time. Khoruzhy speaks of man as Nexus, uniting all horizons of being, but in the full sense for a Christian, such Nexus is Christ, uniting in Himself Divine and created being, who is in the image of man and in the image of God.

Methods

The research is supposed to be conducted using the following methods: review of sources, analysis, synthesis, comparison.

Results

It was established that the term “semiotic method” is absent in Orthodox academic theology, and in secular science it is relatively young and is first encountered not earlier than the 60s of the 20th century. The term “sign” associated with the above term in the history of Christian theology was considered specifically only by St. Augustine who died in 430 A.D. In the Orthodox Encyclopedia in the article “Sign” there is only a link to the article “Symbol”, which at the moment (2019) does not yet exist.

Two lines of attitude to the universality of the epistemological properties of the sign were identified. There is a tendency to assert the absolute cognitive properties of the sign, and there is a modern rational criticism based on the tradition of ancient and Christian thought.

The conditions of the effective application of the semiotic method and the avoidance of unlimited semiosis were determined: following the tradition of interpretation and the correlation of the language unit with the context.

It was found that in domestic science, the works of S.S. Averintsev were the first precedent of applying the semiotic method in the study of theological texts.

Summary

Answering the questions posed at the beginning, one can say the following.

1. Consideration of the philosophical foundations of the semiotic method leads to the conclusion that, from the point of view of Orthodox theology, all signs arising in the created world are limited and cannot give a full knowledge of reality, but only some idea about it. Semiotics is not universal, as it was evident both for Plato and for E. Gorny. Thus, on this issue there is agreement of a number of Orthodox and non-Orthodox thinkers of different eras.

2. Analysis of the epistemological significance of the semiotic method confirms the assertion that within the framework of science there can be no talk of a perfect cognition of reality, this would contradict the principle of the continuity of cognition. From the point of view of theology, a person can find the maximum possible knowledge of reality only in Christ as an image of the sign of God the Father, and it is higher than the intellectual one.

3. We see that signs are used in all the main spheres of culture (philosophy, science and theology), find it means that the semiotic method can be used and can be called universal, but only within the framework of this culture itself. This can be compared with points on a segment: the segment itself is limited, but within it you can put an infinite number of points.

4. To avoid the danger of endless interpretation of some signs with the help of others and to learn something about reality itself, it is necessary to limit hermetic semiosis with the help of the tradition of interpretation of signs and analysis of the context of their application, as exemplified by the Sacred Tradition of Orthodoxy, Tradition as a criterion for interpreting and evaluating phenomena.

5. S.S. Averintsev contributed to the development of the practice of the semiotic method in Russian science. Without using this term, he considered the early Byzantine culture as a system of signs, in more detail — literature. The identification of the function of a language unit, literary reception in the context of a written monument, consideration of the dynamics of their origin, historical context, identification of cultural diffusion which characteristic for this approach serve a clearer perception of texts and a presentation of the realities of the era. In the Averintsev's works of, these techniques are demonstrated with the utmost clarity and visibility, and the results of their application are presented with logical coherence. The reader is naturally communicated by the author to the realization of the role of the mark in the subject under study.

6. The practical usefulness of the semiotic method can be considered the ability to bring the researcher as close as possible to the vision and understanding of the object of study. S.S. Averintsev, at that time a Soviet scientist, presented to the audience the reality of the era of early Byzantium in volume, vividly and in detail. Provided that we do not have the opportunity to view events and realities as past objects one and a half thousand years ago, the signs we study — the texts and artifacts of that era describe it eloquently and make it possible to more clearly understand modern realities in contrast and comparison.

For science, all of the above means that the semiotic method can be applied. But with one caveat: it is applicable in any sphere, and in this sense it is universal, but it is limited due to the limited nature of the sign itself, which always invites to push off from it and meet with what it really is, with Being and Life. Theology can give some guide-

lines for science when discussing its philosophical foundations. Let one of them be the statement of St. Gregory Palamas: «In general, common for all believers in Christ have supermind knowledge; and the goal of true faith is achieved by fulfilling the commandments, leading to the knowledge of God, of course, not through merely created things, but from the uncreated light, which is the glory of God, the Lord Christ, and all those who have been rewarded with a Christ-like inheritance: “for Christ will come in the glory of the Father, in the glory of their Father, Christ, and the righteous will Shine as the sun” (МТ.13:43, 16:27) and they shall be light, and they shall see light, joyful and all-Holy, a sight accessible only to a pure heart”.

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 15.09.2019

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

References

1. Zhrebilo, T.V. (2010). *Dictionary of linguistic terms*. Nazran.
2. Lotman, Yu.M. (1964). Lectures on structural poetics In *Scientific notes of Tartu State University. Works on sign systems*; Vol. 160. Tartu.
3. Taysina, E.A. (2014). *Philosophical questions of semiotics*. St. Petersburg.
4. Nosachev, P.G. (2009). *The limits of text interpretation as a key problem of the Umberto Eco concept* [dissertation]. Moscow.
5. Mikhailov, P.B. (2011). *The exegetics of scripture. Cappadocian Fathers*. Moscow.
6. Averintsev, S.S. (2000). Alexy Studit In *Orthodox Encyclopedia under the general. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II* (ed.). Moscow: Church scientific center “Orthodox encyclical”. pp. 126—127.
7. Prayer books and canons for every week of the week and every request of the soul (2004). Orthodox Publishing Center “Verb”. Moscow.
8. Gorny, E.A. (1996). What is semiotics? In *Raduga*. Tallinn. pp. 168—175.
9. Khoruzhiy, S.S. (2000). *About the old and the new*. St. Petersburg: Aletheia.

Научная статья

УДК 81:003:165

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-610-621

Семиотический метод познания реальности: границы применимости

П.А. Кузьмин

Московская духовная академия

141300, Московская область, г. Сергиев Посад, территория Лавра, Академия

Аннотация. В данной статье рассматриваются степень и полезность применимости семиотического метода в науке, философии и академической теологии. В статье рассмотрена философия семиотического метода и его связь с православным богословием. Представлен и исследован конкретный случай применения семиотического метода в отечественной науке в трудах С.С. Аверинцева для изучения богословских текстов. Делается вывод о том, что экстенциональная универсальность семиотического метода во всех сферах знания и его ограничения в способности адекватно отражать реальность.

Ключевые слова: семиотический метод, семиотика, знак, реальность, теология

Библиографический список

1. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
2. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Вып. 160. Тарту: 1964.
3. *Тайсина Э.А.* Философские вопросы семиотики. СПб., 2014.
4. *Носачев П.Г.* Пределы интерпретации текста как ключевая проблема концепции Умберто Эко: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2009.
5. *Михайлов П.Б.* Экзегетика Священного Писания. Каппадокийские отцы: учебное пособие. М., 2011.
6. *Аверинцев С.С.* Алексей Студит // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2000. С. 126—127.
7. Молитвослов и каноны на каждый день седмицы и всякое прошение души. М.: Православный издательский центр «Глагол», 2004.
8. *Горный Е.А.* Что такое семиотика? Таллинн: Радуга, 1996. С. 168—175.
9. *Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000.

Для цитирования:

Кузьмин П.А. Семиотический метод познания реальности: границы применимости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 610—621. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-610-621.

For citation:

Kuzmin, P.A. (2019). The Semiotic Method of Cognition of Reality: Limits of Applicability. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 610—621. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-610-621.

Сведения об авторе:

Кузьмин Платон Алексеевич, магистр богословия, аспирант Московской духовной академии, чтец; e-mail: platonkuzmin@gmail.com

Information about the author:

Platon A. Kuzmin, Master of Theology, graduate student of the Moscow Theological Academy, lector; e-mail: platonkuzmin@gmail.com

Лексико-семантические трансформации: от слова к тексту ↔ от текста к слову Lexico-semantic Transformations: from Word to Text ↔ from Text to Word

Научная статья

УДК [811.161.1:811.111]373:81'255.2
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633

Лексико-семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык

С.Н. Вековищева, М.И. Гусейнова,
Е.М. Приорова, Е.П. СавченкоМосковский государственный областной университет
ул. Радио, д. 10а, г. Москва, Россия, 105005

Данная работа посвящена анализу лексико-семантической трансформации при переводе художественного текста. В статье исследуются частотные и малочастотные переводческие трансформации как межъязыковые преобразования, основанные на поиске близких в образно-когнитивном плане лексических единиц, используемых автором для создания уникальной художественной реальности. Лингвистическим материалом исследования послужили тексты произведений В.М. Шукшина и их переводы на английский язык (переводчики Л. Митчэл, Дж. Гивенс и Р. Дэглиш). В ходе исследования анализируется понятие переводческой трансформации, выделяются основные лексические трансформации, к которым прибегают переводчики, определяются основные переводческие проблемы в процессе передачи авторских текстов В.М. Шукшина на английском языке. Анализ языкового материала позволяет заключить, что культурные ассоциации в произведениях В.М. Шукшина основываются на этнографической и территориальной информации. Единицы, которые содержат в своей структуре культурные ассоциации, участвуют в формировании культурного кода. Данные ассоциации являются маркером культурного своеобразия текста и вызывают сложности у переводчиков в процессе их передачи на другой язык. Переводчикам приходится прибегать к прагматической адаптации текста и созданию различных комментариев. Выдвигается предположение, что особые трудности вызывают те лексические единицы, которые несут культурную нагрузку, что может объясняться отсутствием у переводчика достаточных фоновых знаний, т.е. фактически отсутствием устоявшихся ассоциативно-когнитивных связей между называемым объектом и лексической единицей, его обозначающей. Результаты исследования объясняют необходимость иного взгляда на проблему использования переводческой трансформации в профессиональной практике.

Ключевые слова: диалектная и просторечная лексика, лексико-семантическая трансформация, культурный код, прагматическая функция перевода, мотивированность

© Вековищева С.Н., Гусейнова М.И., Приорова Е.М., Савченко Е.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Целью исследования является изучение лексико-семантических трансформаций, используемых переводчиком в процессе работы с текстами, содержащими культурно-нагруженную лексику.

Основными этапами на пути достижения поставленной цели становятся следующие задачи:

1) выявить существующие в современном языкознании теоретические подходы к интерпретации понятия «лексико-семантические трансформации»;

2) изучить особенности трансформации культурно-маркированной лексики в переводах художественных произведений (рассказы В.М. Шукшина) на английский язык;

3) определить основные трудности, с которыми сталкивается переводчик как языковая личность в процессе работы над текстом, содержащем культурно нагруженную лексику.

Материалом исследования послужили тексты рассказов В.М. Шукшина и их переводы на английский язык, выполненные профессиональными переводчиками.

Актуальность проводимого исследования объясняется рядом факторов:

во-первых, выбором практического лингвистического материала (произведения В. М. Шукшина, к которым наблюдается повышенный интерес в настоящее время),

во-вторых, в современном переводоведении одно из ведущих мест занимает проблематика сохранения национально-культурной специфики исходного текста. Так, исследования, направленные на выявление особенностей трансформаций, применяемых переводчиками при работе с семантикой слова, приобретают особое значение.

К основным методам и приемам исследования относятся: метод сплошной выборки языкового материала из исследуемых текстов, сравнительно-сопоставительный анализ исходного и переводного текстов, метод семантического анализа культурно-маркированной лексики и особенностей их трансформации при переводе.

Научная новизна исследования заключается в попытке описать проблему использования переводческих трансформаций с учетом специфики исследуемого материала (тексты произведений В.М. Шукшина как хранители специфической просторечной лексики, а также единиц национально-культурного плана).

Результаты исследования могут внести вклад в сравнительно-сопоставительное языкознание и способны обновить взгляд переводчика на проблему использования переводческих трансформаций при переводе художественных произведений, а также направить переводчика на поиск в переводящем языке оригинальных средств выражения, отличающихся от средств выражения в исходном языке, но находящихся в эквивалентных отношениях и соответствующих нормам перевода художественной литературы.

Лексико-семантические трансформации в переводе

Стоит отметить, что художественная литература представляет собой особое пространство, включающее в себя социальные, территориальные и культурные компоненты. Воссоздание такого пространства на языке, отличным от исходного,

в полной мере считается актом межкультурной коммуникации. Преобразование затрагивает план содержания и план выражения. В рамках нашего исследования под таким переходом от языковых единиц оригинала к языковым единицам перевода мы будем понимать *переводческую трансформацию*.

Переводчик художественного произведения выступает не просто как механизм трансформации единиц одного языка на другой, но является непосредственным участником межкультурной, межъязыковой коммуникации, порой заочной и дистанцированной во времени, что также создает определенные трудности. Следовательно, в функции переводчика входит прагматическая адаптация исходного текста, создание национально-культурных и социоисторических комментариев.

Для создания таких комментариев и, следовательно, адекватного текста средствами языка принимающей культуры переводчику необходимо обладать достаточными фоновыми знаниями. Понятие «фоновые знания» является одним из основных терминов, в частности, когнитивной лингвистики, которым оперируют при обсуждении экстралингвистических аспектов коммуникации. В научной лингвистической литературе существуют различные определения «фоновых знаний». Мы согласно лингвистическому словарю О.С. Ахмановой принимаем в качестве рабочего следующее определение: «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой общения» [1. С. 498].

Не существует переводных текстов с абсолютным, стопроцентным покрытием лексем исходного текста их прямыми соответствиями. Это можно объяснить асимметрией рабочей пары языков на всех уровнях, но самое главное — несовпадением национальных картин мира, особенностями имплицитной, национально-культурной информации, которой обладает большинство лексических единиц художественного текста. Так, текст, созданный автором как представителем определенной национальной картины мира, всегда претерпевает изменения как внешне, так и внутренне (оригинал не бывает равен переводу), хотя, безусловно, самая главная задача переводчика состоит в создании текста, эффект от прочтения которого равен эффекту, который вызывает у читателя оригинальный текст.

В нашей работе рассматриваются лексико-семантические трансформации, под которыми вслед за Т.А. Казаковой понимается способ перевода при помощи использования единицы, значение которой хоть и не совпадает по значению с единицей оригинала, но может быть выведено путем такого логического преобразования, как генерализация, конкретизация, добавление, опущение и др. [2].

Произведения В.М. Шукшина изобилуют лексикой, описывающей быт и традиции народа Сибири. Культурные реалии, выражающиеся через диалектизмы и просторечные слова (см. напр. *очугей, жарки, тимы, солонина, саранка, маковки, гусиха, грива*), в первую очередь отражают территориальную, социальную и культурную красоту местности [3].

В русской литературе писатели часто прибегают к использованию единиц диалекта и просторечия, например, П.П. Бажов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, М.А. Шолохов и др. Широкое использование данного языкового пласта не нарушает норм литературного языка в произведениях, благодаря чему

творчество по праву считается классикой. Использование диалектов помогает передать местный колорит, речевые особенности и социальную принадлежность персонажей, т.е. правдиво изобразить жизнь, обычаи, привычки.

Творчество В.М. Шукшина характеризуется наличием разнообразия диалектной и просторечной лексики. Поскольку данные единицы содержат в своей структуре определенное коннотативное значение, т.е. они культурно нагружены. Следовательно, такие единицы можно отнести их к коннотативной лексике.

Коннотация — это явление, включающее в себя языковые данные, не зависящие от человека, но помогающие ему анализировать и классифицировать поступающие сообщения и разного рода фоновые ассоциации, связанные с чувствами, эмоциями, возникающими у рецептора в процессе коммуникации. Следовательно, причиной использования коннотативных значений в тексте является необходимость акцентирования лично значимых для самого автора особенностей описываемых событий и характеристик действующих лиц [4. С. 195].

По классификации Л.К. Латышева, выделяются следующие фоновые ассоциации в структуре упомянутых выше единиц:

- устойчивые для этнической общности ассоциации;
- ассоциации, которые вызваны символическим значением;
- соотнесенность с определенной лингвокультурной общностью;
- соотнесенность с определенной социальной средой;
- нормативно-стилистическая окраска единиц [5].

Таким образом, культурный компонент в структуре данных единиц может основываться на этнографической, социальной, территориальной, исторической и стилистической принадлежности. Стоит отметить, что сохранение структурно-семантического подобия исходного и переводного текстов является весьма сложной задачей, разрешение которой требует взвешенных переводческих решений. Непосредственно в нашем случае смысл исходного текста В.М. Шукшина строится на образах культурного, социального и территориального характера. Средства обозначения культурной информации в структуре единицы уникальны в каждой культуре, как на уровне плана содержания, так и на уровне плана выражения лексических единиц, поскольку они маркируют национальное сознание, концептуальное восприятие окружающего мира.

Единицы диалекта и просторечия в произведениях В.М. Шукшина демонстрируют особенности русской национальной картины мира через различные образы и смыслы, а их проявление в системе языка отображают русский культурный код, который, по мнению В. Мединского, является сложным культурным явлением. Культурный код нации, по его мнению, представляет собой своего рода пространство, в котором и сформировалась многонациональная культура России [6]. В связи с этим поиск адекватного варианта перевода требует сохранения ожидаемого автором воздействия художественного текста на читателя. В рамках нашего исследования практический лингвистический материал, т.е. текст произведений В.М. Шукшина, является хранителем национально-специфических языковых и культурных особенностей Сибири как части многонациональной русской культуры.

Естественно, что переводчики сталкиваются с определенными сложностями, работая над переводом текстов произведений В.М. Шукшина. Противоречия, вызванные стремлением (но часто невозможностью в связи с отсутствием устойчивой ассоциации между объектом и именем, его обозначающим, в сознании переводчика и читателя как языковых личностей и, следовательно, поиском структурно-семантического подобия, которое не всегда отвечает исходному авторскому образу) сохранить культурный компонент — все это объясняет оправданность использования трансформаций. Приводимые в качестве фактического материала единицы просторечия и диалекта могут быть обнаружены на лексическом уровне. Использование переводчиками лексико-семантических трансформаций приводит к потере информации, связанной с культурным, территориальным, историческим и социальным фоном единицы оригинала.

Разберем несколько примеров перевода единиц, которые и составляют основной пласт просторечной и диалектной лексики в текстах произведений В.М. Шукшина.

Старик сходил в дом, принес бутылку самогона и немного батуну [7].

Единица ‘батун’ — ‘озимый (многолетний) лук’ [8. С. 35].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘A spring onion’ — ‘a small onion with a white part at the bottom and long, green leaves, which is eaten in salads’ [9] («весенний лук» — небольшой по размеру лук, белый у основания, с длинными зелеными листьями. Его часто используют при приготовлении салатов» — пер. с англ. наш — прим. авт.).

Единица оригинала передается при помощи замены слова словосочетанием (‘батун’ = ‘A spring onion’), на основании которого читатель может домыслить понятие, которое кодируется в тексте оригинала. Объем слова восстановлен полностью, за исключением территориального признака, который характерен для быта, описываемого в текстах произведений В.М. Шукшина.

В погребке у него чего только нет — сало еще прошлогоднее, соленые огурцы, капуста, арбузы, грузди... [7].

Единица ‘грузди’ — ‘съедобные грибы’ [10. С. 109].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘mushrooms’ — ‘грибы’ [9].

Единица оригинала передается при помощи генерализации через обобщающее слово ‘mushrooms’. Стоит отметить, что единица ‘грузди’ обозначает не только съедобные грибы по классификации «съедобный/ядовитый», но и определенные грибы, относящиеся к первой категории. В данную категорию входят самые вкусные и питательные грибы [11]. Объем единицы ‘грузди’ восполняется не полностью, так как стирается ассоциативная связь на основе этнографического, территориального признака. Таким образом, достигается частичное лексико-семантическое преобразование единицы оригинала.

Поглядел на ряды кошенины — неплохо с утра помахал [7].

Единица ‘кошенина’ — ‘скошенная, но еще не убранная трава’ [10. С. 245].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘mown grass’ — ‘скошенная трава’ [9].

Единица оригинала ‘кошенина’ передается при помощи замены слова оригинала на словосочетание из-за различия словообразования между русским и английским языками. Имеет место полное преобразование, поскольку вариант перевода ‘mown grass’ имеет значение ‘the delicious smell of newly mown grass’ («скошенная трава» — «сладкий аромат свежескошенной травы» — пер. с англ. наш — *авт.*) согласно оксфордскому онлайн-словарю [12]. Также данный вариант перевода имеет подобный единице оригинала образ ‘косы’, но относится к стандартной лексике.

Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить облепихового [7].

Единица ‘солонина’ — ‘соленые овощи, грибы’ [13. С. 188].

Вариант перевода Л. Митчэл и Дж. Гивенса ‘pickled mushrooms’ — ‘засоленные грибы’ [9].

В данном случае единица оригинала ‘солонина’ передается при помощи конкретизации через описание. Объем единицы оригинала восполнен не полностью из-за различий в смыслообразовании русского и английского языков [14]. Достигнуто частичное преобразование, так как в варианте перевода ‘pickled mushrooms’ («соленые (консервированные) грибы» — пер. с англ. наш — *авт.*) отсутствуют устойчивые ассоциативные связи, основанные на этнографической и территориальной принадлежности. Для Сибири так характерно заготавливать овощи и фрукты на зиму. Так, естественно, что многие консервированные продукты получают свое особое название (см. ‘солонина’), в то время, как словосочетание ‘pickled mushrooms’ («соленые (консервированные) грибы») является общеупотребительным и не обладает дополнительной национально-культурной нагрузкой.

Пока варилась щерба из чебачков, пропускали по первой, беседовали [7].

Единица ‘чебак’ — ‘рыба семейства карповых: лещ, елец, плотва’ [15. Т. 5. С. 265].

Вариант перевода Л. Митчэл и Дж. Гивенса ‘bream’ — ‘лещ’ [9].

Единица оригинала ‘чебак’ передается при помощи конкретизации. Объем единицы восполнен не полностью. Достигнуто частичное преобразование, так как переводчику как языковой личности, в равной мере владеющей как языком исходным, так и языком принимающей культуры, все же трудно подбирать эквиваленты в языке перевода к единицам, обозначающим объекты специфической сибирской флоры и фауны. Это может объясняться отсутствием фоновых знаний, а значит и сформированных ассоциативно-образных связей между объектом и именем, его обозначающим. Такие связи основываются зачастую по принципу мотивированности [16] на этнографической и территориальной принадлежности.

Единица ‘щерба’ — ‘уха’ [15. Т. 57 С. 374]; «уха из мелкой неочищенной рыбы или любая уха из свежей рыбы» [3. С. 388].

Вариант перевода Л. Митчэл и Дж. Гивенса ‘fish soup’ — ‘рыбный суп’ [9].

Единица оригинала ‘щерба’ передается при помощи генерализации через описание. Объем единицы восполнен не полностью. Достигнуто частичное преобразование, так как переводчики передают одно из значений единицы оригинала, что

позволяет легко распознать единицу в контексте на уровне понимания общего смысла. Устойчивых когнитивно-образных ассоциаций, основанных на этнографической и территориальной принадлежности, нет в варианте перевода ‘fish soup’.

*Отец и сын опять не могли удержаться от смеха. Зоя (жена) пошла в **куть** за сковородником [7].*

Единица ‘куть’ — ‘угол в избе, часто отгороженный, где готовят пищу, хранят кухонную утварь и т.п.’ [3. С. 165].

Вариант перевода Л. Митчэл и Дж. Гивенса ‘kitchen’ — ‘кухня’ [9].

Единица оригинала ‘куть’ передается при помощи конкретизации. Переводчик использует вариант перевода ‘kitchen’, который передает только одну из составляющих содержания единицы оригинала ‘куть’. Информация о месторасположении в избе, которая основывается на традициях и обычаях быта, не передается. Таким образом, ассоциативные связи, основанные на этнографической принадлежности, отсутствуют в варианте перевода. Достигнуто частичное преобразование, которое позволяет читателям другой культуры распознавать общий смысл текста.

*Вот наконец и делянка старика: пологая логвинка недалеко от дороги, внизу **согра** с ключом [17].*

Единица ‘согра’ — ‘лес на болотистом месте’ [10. С. 508].

Вариант перевода Р. Дэглиша — ‘a little marsh’ [9].

Единица оригинала ‘согра’ передается при помощи словосочетания ‘a little marsh’, которое переводится ‘маленькое болото’. Переводчик использует конкретизацию. Он передает лишь болотистое место, однако подразумевается сырое болотистое место с кочками, поросшее густым или мелким лесом. Данный вариант не воссоздает особенности природы, искажает представления о местности, которые были изначально задуманы по авторскому замыслу. Когнитивно-ассоциативные связи, основанные на этнографической принадлежности, отсутствуют в варианте перевода. Можем отметить полное несоответствие варианта перевода единице оригинала.

*В погребке у него чего только нет ... **Кадки, кадушки, тусеки, бочонки** — целый склад [17].*

Единица ‘кадка’ — ‘деревянный сосуд цилиндрической формы из досок, стянутых обручами’ [10. С. 207].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘vat’ — ‘a large tank or tub used to hold liquid, especially in industry’ (большой бак или бочонок для хранения жидкости, особенно в промышленности) [18].

Единица оригинала ‘кадка’ передается при помощи генерализации. Единица ‘кадка’ означает не только предмет, в котором хранится жидкость, но и содержит информацию о материале и форме данного предмета. Фоновые ассоциативные связи, основанные на материале и форме предмета, отсутствуют в варианте перевода ‘vat’, однако возможно распознать общий смысл эпизода во время чтения произведения. Мы можем сделать вывод, что достигнуто частичное преобразование.

Единица ‘кадушка’ — ‘небольшой деревянный сосуд вместимостью в один-два литра для хранения молока’ [18. Т. 12. С. 301].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘tub’ — ‘кадка, контейнер’ [9].

Единица оригинала ‘кадка’ передается при помощи генерализации. Информация о количестве литров и напитка отсутствует в варианте перевода. Достигнуто частичное преобразование, так как объем единицы оригинала восполнен не полностью.

Стоит обратить внимание на связь между единицами ‘кадка’ и ‘кадушка’. Они имеют одинаковую основу, и наличие суффикса помогает образовать дополнительный оттенок значения. На уровне ассоциативных связей они участвуют в концептуализации русской картины мира. В английском языке не передается данная особенность русского языка.

*Домой Чудик приехал, когда шел **рясный** парной дождик* [17].

Единица ‘рясный’ — ‘обильный, крупный’ [10. С. 437].

Вариант перевода Р. Дэглиша ‘heavy’ — ‘сильный (о дожде)’ [9].

Единица оригинала ‘рясный’ передается при помощи замены слова с целью распознавания необходимого смысла читателями другой культуры. Переводчик использует вариант перевода ‘heavy’, который характеризует силу дождя и в английской культуре, то есть данная замена основывается на базовых принципах мышления. Однако ассоциативных связей, основанных на этнографической принадлежности, не обнаружено в варианте перевода. Можем сделать вывод, что объем слова восполнен не полностью, достигнуто частичное преобразование, которое позволяет легко распознать читателям другой культуры общий смысл.

В некоторых случаях переводчикам удается достигнуть частичного сохранения образности единицы оригинала, например, ‘жарки’ — ‘луговое растение из семейства лютиковых с крупными ярко-оранжевыми цветками, купальница’ [10. С. 148] и вариант перевода ‘fire-flowers’ — ‘огненные цветы’; ‘четверть’ — ‘посуда емкостью три литра в виде бутылки’ [15. Т. 5. С. 288] и вариант перевода ‘bottle’ — ‘бутылка’; ‘саранка’ — ‘лесная разновидность лилии тигровой’ [15. Т. 36. С. 133] и вариант перевода ‘lily’ — ‘лилия’ и т.д. Как мы видим, единицы оригинала передаются при помощи генерализации или же семантической замены. Образы, связанные с универсальными понятиями, такими, как любовь, надежда, емкость и пр., могут передаваться [14], но ассоциаций, основанных на этнографической и территориальной принадлежности, в структуре варианта перевода нет.

Таким образом, приведя различные примеры, мы можем сделать следующие выводы:

1) когнитивно-образные фоновые ассоциации, которые демонстрируют образность диалектной и просторечной лексики, представленной в произведениях В.М. Шукшина, основываются преимущественно на этнографической и территориальной принадлежности;

2) фоновые ассоциации являются маркерами национального своеобразия менталитета и участвуют в концептуализации окружающего мира как на уровне плана содержания, так и на уровне плана выражения;

3) поскольку единицы просторечной и диалектной лексики, приведенные в качестве примера, работают над созданием культурно-специфического национального образа на лексическом уровне, использование лексико-семантических трансформаций — вполне оправданное решение переводчиков;

4) сохранение структурно-семантического подобия единицы оригинала и варианта ее перевода не всегда гарантирует совпадение устойчивых ассоциативных связей.

Для корректного преобразования просторечной и диалектной лексики, используемой в произведениях В.М. Шукшина, рекомендуется учитывать устойчивые ассоциативные связи, понимание которых зависит от правильного раскрытия экстралингвистических механизмов, а именно когнитивного основания возникновения ассоциаций и образов в структуре единиц.

Сопоставительный анализ единиц оригинала и вариантов их перевода показал, что в языковом воплощении красоты и обычаев Сибири в тексте имеются базовые модели образования слов, точнее, языковые инструменты смыслообразования на основе мотивированности, которые играют важную роль в концептуализации сибирской картины мира.

Как правило, перевод предназначен для широкого круга читателей, и замена территориальных диалектизмов общеупотребительной лексикой облегчает понимание общего содержания, но в то же время лишает текст уникальности и не способствует повышению интереса к произведению.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 20.06.2019

Библиографический список

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
2. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English—Russia. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: Издательство «Союз», 2000.
3. *Елистратов В.С.* Словарь языка Василия Шукшина. М.: Азбуковник, Русские словари, 2001.
4. *Шемчук Ю.М., Максимова М.А.* Коннотативные значения лексем в художественных текстах и их переводах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (55): в 2-х ч.
5. *Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981.
6. Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/culture/537738> (дата обращения: 20.05.2018).
7. *Шушкин В.М.* Рассказы [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
8. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: СО РАН, 1999.
9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cambridgedictionaries.com/> (дата обращения: 24.06.2018).
10. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1979.

11. Съедобные грибы: классификация, категория, особенности [Электронный ресурс]. URL: <https://lastday.club/sedobnye-griby-klassifikatsiya/> (дата обращения: 24.06.2018).
12. Oxford University Press [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 24.06.2018).
13. *Шушкин В.* Рассказы (книга для чтения с комментариями на английском языке). М.: Русский язык, 1984.
14. *Святова М.И.* Образность культурно-маркированной лексики как особый маркер национального менталитета в русском языке // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2014. no 1. С. 62—68.
15. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999—2006.
16. *Вековищева С.Н., Святова М.И.* Мотивационные отношения единиц субстандарта в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков): Электронный журнал Вестник, 2014. no 2. URL: <https://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/571> (дата обращения: 18.06.2018).
17. *Шушкин В.М.* Рассказы [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
18. Словарь русских народных говоров. М.—Л.: Наука, 1965—1992.

Research article

УДК [811.161.1:811.111]*373:81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633

Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English

Svetlana N. Vekovishcheva, Maria I. Guseinova,
Elena M. Priorova, Elena P. Savchenko

Moscow State Regional University
10a, Radio str., Moscow, Russia, 105005

Abstract. This article is dedicated to the analysis of a lexico-semantic transformation in translation of fiction. The aim of the paper is to identify frequently and less frequently used translation transformations that we treat as cross-language transformations. These transformations are based on selection of the lexical units in target language closed in semantic meaning to those used in source language. V.M. Shukshin's texts are used as the linguistic material for the conducted research. The translations are prepared by R. Daglish, L. Michael and J. Givens. The study shows that the most difficult units for translation are those having specific meaning due to cultural factors. Cultural associations in V.M. Shukshin's texts are based on territorial and ethnographic information. Items actively participate in formation of the cultural code. They can be considered as a marker of cultural feature of a text. Translators' functions include the pragmatic adaptation of texts and different comments. The phenomenon can be explained by the fact that the translator does not always possess enough background knowledge (as far as dialectal words are concerned) or in other words associative links between the object and the name it identifies. The results of the research explain the necessity of a new approach in professional practice.

Key words: dialect and colloquial vocabulary, lexico-semantic transformation, cultural code, pragmatic function of translation, motivation

References

1. Ahmanova, O.S. (1969). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russ.).
2. Kazakova, T.A. (2000). Practical foundations of translation. English-Russia. Series: Study foreign languages. SPb.: Izdatel'stvo Soyuz. (In Russ.).
3. Elistratov, V.S. (2001). Dictionary of Vasiliya SHukshin's language. Moscow: Azbukovnik, Russkie slovari. (In Russ.).
4. Shemchuk, Yu.M. & Maksimova, M.A. (2016). Connotative meanings of lexemes in literary texts and their translations, *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 1(55), 193—195. (In Russ.).
5. Latyshev, L.K. (1981). Translation course: Translation Equivalence and methods. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
6. Interfaks [Electronic resource]. URL: <http://www.interfax.ru/culture/537738> (accessed: 20.05.2018). (In Russ.).
7. Shukshin, V.M. Stories [Electronic resource]. URL: <http://lib.ru> (accessed: 20.06.2018). (In Russ.).
8. Dictionary of Semeiskie Old Believers' dialect of Zabajkal'ye (1999), T.B. Yumsunova (Ed.). Novosibirsk: SO RAN. (In Russ.).
9. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.cambridgedictionaries.com/> (accessed: 24.06.2018).
10. Dictionary of Russian dialects of Novosibirsk Region (1979), A.I. Fedorov (Ed.). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
11. Edible mushrooms: classification, category, feature [Electronic resource]. URL: <https://lastday.club/sedobnye-griby-klassifikatsiya/> (accessed: 24.06.2018). (In Russ.).
12. Oxford University Press [Electronic resource]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (accessed: 24.06.2018).
13. Shukshin, V. Stories (the book for reading with English comments). Moscow: Russkij yazyk, 1984. (In Russ.).
14. Svyatova, M.I. (2014). Figurativeness of culturally marked vocabulary as specific marker of national mentality in the Russian language. *Vestnik MGOU. Ser.: Linguistics*, 1, 62—68. (In Russ.).
15. Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vol. (1999—2006). A.I. Fedorov (Ed.). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
16. Vekovishcheva, S.N. & Svyatova, M.I. (2014). Motivational relations of non-standard items in comparative aspect (based on material of English and Russian): Electronic journal Vestnik, 2 URL: <https://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/571> (accessed: 18.06.2018). (In Russ.).
17. Shukshin, V.M. Stories [Electronic resource]. URL: <http://lib.ru> (accessed: 20.06.2018). (In Russ.).
18. Dictionary of Russian folk dialects: in 26 vol. (1965—1992). Moscow: Nauka. (In Russ.).

Для цитирования:

Вековиццева С.Н., Гусейнова М.И., Приорова Е.М., Савченко Е.П. Лексико-семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 622—633. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633.

For citation:

Vekovishcheva, S.N., Guseinova, M.I., Priorova, E.M. & Savchenko, E.P. (2019). Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 622—633. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633.

Сведения об авторах:

Веквищцева Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики, заместитель декана лингвистического факультета Московского государственного областного университета; *e-mail*: vekovishcheva_sn@mail.ru.

Гусейнова Мария Игоревна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета; *e-mail*: sv353@yandex.ru.

Приорова Елена Михайловна, кандидат биологических наук, магистр лингвистики, доцент, доцент кафедры социальной безопасности факультета безопасности жизнедеятельности Московского государственного областного университета; *e-mail*: priorlin@mail.ru.

Савченко Елена Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Московского государственного областного университета; *e-mail*: ep.savchenko@mgou.ru.

Information about the authors:

Svetlana N. Vekovishcheva, Vice Dean, Linguistic Faculty of Moscow Region State University, Ph.D., associate professor; *e-mail*: vekovishcheva_sn@mail.ru.

Maria I. Guseinova, Ph.D., Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory of Translation and Cognitive Linguistics, Linguistic Faculty of Moscow Region State University; *e-mail*: sv353@yandex.ru.

Elena M. Priorova, Ph.D., Master of Linguistics, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Social Security, Life Safety Faculty of Moscow Region State University; *e-mail*: priorlin@mail.ru.

Elena P. Savchenko, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Indo-European and Oriental Languages, Linguistic Faculty of Moscow Region State University; *e-mail*: ep.savchenko@mgou.ru.

Научная статья

УДК 811.134.2'373(728.1)

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643

Своеобразие современного испанского языка Гватемалы: лексика

И.Б. Котеняткина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Несмотря на то, что отечественные испанисты активно исследуют особенности реализации языковых средств в латиноамериканских странах, испанский язык Гватемалы до сих пор практически не становился предметом анализа с точки зрения варьирования лексических единиц.

В данной статье рассматриваются лексические единицы с позиции национального варианта испанского языка через призму современной лексической семантики, с применением распространенных в настоящее время подходов и методов этой лингвистической дисциплины.

Автор демонстрирует особенности гватемальского национального варианта испанского языка: высокочастотные общеиспанские единицы претерпели смысловые изменения; преобладают термины и устойчивые выражения, несвойственные Испании; используется множество инноваций как собственных гватемальских, так и мексиканского происхождения; большое количество заимствований из индейских языков; широко употребляются диминутивы.

В заключение автор приходит к выводу, что выявленные и исследованные особенности испанского языка Гватемалы обуславливают необходимость его изучения не только для развития филологического знания, но и в значительной степени для обеспечения практических потребностей современного общества.

Ключевые слова: Гватемала, гватемализмы, мексиканизмы, индихенизмы, национальный вариант, лексическая семантика

Введение

В конце 2014 г. произошло очень важное событие для всех испаноязычных стран — вышло в свет новое, 23-е издание словаря испанского языка (*Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española — DRAE*), в создании которого помимо Испанской королевской академии приняли участие Академии испанского языка 19 стран Латинской Америки, США и Филиппин. Над этим словарем работали в течение 13 лет: предыдущее издание вышло в 2001 г. Отличительной чертой данного издания является наличие большого количества американизмов — примерно 19000 слов и значений, в т.ч. более 1000 слов и значений с пометкой “Guat.” — гватемализм. Таким образом, Гватемала внесла свой вклад в «сокровищницу испанского языка», который, по словам бывшего Министра образования

© Котеняткина И.Б., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и культуры Испании Х.И. Верта, «является душой [испаноязычных] народов, фундаментом культуры, убежищем памяти, каналом связи и свидетельством многообразной и общей идентичности и культуры» [1].

Необходимо отметить, что долгое время Испанская королевская академия считала особенности употребления лексических единиц в странах Латинской Америки не национальным своеобразием, а отклонением от нормы, принятой в Испании. Ситуация изменилась в середине 50-х годов XX в., когда была создана Ассоциация академий испанского языка, что позволило наладить тесное сотрудничество членов Испанской королевской академии с академиками других стран и, как следствие, совместную подготовку новых работ по морфологии, орфографии испанского языка и обновленных изданий лексикографических трудов и проч. с учетом особенностей функционирования испанского языка за пределами Испании.

Чапинизмы

Согласно DRAE гватемализмы (они же «чапинизмы», *chapinadas*) являются словами, используемыми гватемальцами (*chapines*); также в словарь включены термин *chapinismo* — так называют речевые обороты, используемые гватемальцами, и глагол *chapinizarse* — ‘перенять обычаи и образ жизни гватемальцев’ [2].

Писатель Ф. Перес де Антон в своей книге “*Chapinismos del Quijote*” повествует о том, как слово *chapín* стало использоваться для обозначения жителя Гватемалы. Изначально это было название дорогой женской обуви на платформе, высота которой могла достигать 21 см, и, согласно известному лексикографу Х. Короминасу, оно было образовано от звукоподражательного “*char, char*” — данная обувь была весьма шумной при ходьбе. Такие туфли носили в Испании в XIV в., также они были в моде в Сантьяго-де-Гватемала. Со временем словом “*chapín*” стали называть жителей этого города, а затем и всей страны. В итоге прозвище, которое считалось пейоративным в других странах Центральной Америки, было принято гватемальцами, и в настоящее время активно и с гордостью используется жителями этой страны [3].

Среди прочих в 23-е издание DRAE вошли следующие термины: *aguardar* ‘ослабеть’, *achusemado* ‘безумный, экстравагантный’, *mara* ‘народ’, *hueva* ‘лень, небрежность’, *chongo* ‘завиток волос’, *chipichipi* ‘мелкий дождик’, *capear* ‘прогуливать школьные занятия’, *cuerudo* ‘бессовестный’, *chotear* ‘посмотреть’.

В Гватемале в течение долгого времени слова *chiriz* (‘ребенок’), *cuto* (‘маленькая бутылка спиртного’), *guachimán* (‘охранник’) использовались только в просторечии, однако теперь они входят в состав 19000 американизмов, кодифицированных в новом издании словаря.

Данный словарь вобрал в себя множество слов, имеющих индейское происхождение. Например: *apachar* (‘нажать кнопку’), *chirmol* (‘интрига’), *maxtate* (‘пеленка’).

Необходимо отметить, что заимствования из различных индейских языков представляют широкий пласт лексики гватемальского национального варианта испанского языка. Так, гватемальский лингвист и антрополог Отто Шуман Гальвес

указывает, что, например, для испанского языка южного побережья Гватемалы характерно большое количество заимствований из науатля, и предлагает следующую классификацию: существительные, глаголы, прилагательные, грамматические термины, семантические кальки, гибриды. Существительные, в свою очередь, делятся на подгруппы: флора (*cuajilote* — ‘парментьера съедобная’, *miltomate* — ‘физалис обыкновенный’, *pataxte* — ‘патасте’, разновидность какао), фауна (*raxpalote* — ‘крупная ночная бабочка’, *pepemechin* — ‘речная форель’, *tecolote* — ‘неясыть’), быт (*apazte* — ‘кастрюля’, *petate* — ‘коврик из пальмового волокна’, *tapisca* — ‘уборка урожая кукурузы’) [4. Р. 41, 49—52].

Несмотря на то, что цель DRAE — собрать общую лексику, используемую в Испании и других испаноязычных странах, академики признают, что всегда есть слова, «ускользающие» от них.

Например, в академическом словаре отсутствуют частотные лексические единицы гватемальского национального варианта *chute* и *shute*. Слово *chute* происходит от *xute* (из языка науа, на котором говорили торговцы Мезоамерики доколумбовых времен; в нем было окончание *-tl*, сложнопроизносимое для испанцев, потому заменивших его на *-te*: *tomatl* — *tomate*, *tzapotl* — *zapote* и т.д.). Первое упоминание этого термина встречается в работе “Vicios del Lenguaje y Provincialismos de Guatemala” гватемальского историка и филолога А. Батреса Хауреги, изданном в 1892 г. Автор указывает, что “*chute*” имеет индейское происхождение, и приводит два значения: ‘острый конец чего-либо’ и ‘назойливый человек, вмешивающийся в чужие дела’ [5]. В 1941 г. гватемальский филолог Л. Сандовал в своем фундаментальном труде “*Semántica Guatemalense o Diccionario de Guatemaltequismos*” указывает “*chute*” в двух статьях: в одной — со значением ‘острый конец, шип, жало пчел и других насекомых’, значение во второй — относится к людям, ‘вмешивающимся в чужие дела’ [6]. В словаре Д. Армаса “*Diccionario de la Expresión Guatemalteca*” (1982) есть как словарная статья “*chute*” (‘ жало’, ‘шип’), так и “*shute*” (‘человек, который лезет в чужие дела’) [7]. Т.е. в то время данный термин уже имел два способа написания, что, вероятно, было вызвано сформировавшимися фонетическими особенностями испанского языка Гватемалы (в частности, наличием фонемы [sh], отсутствующей в пиренейском варианте). В словаре С. Моралеса Пельесера “*Diccionario de Guatemaltequismos*” (2008) помимо слов “*chute*” и “*shute*” также есть словарные статьи “*chutazo*” (‘рана от укола жалом’) и “*shutear*” (‘совать свой нос в чужие дела’) [8]. Таким образом, термин *xute* послужил для образования двух слов с разными значениями — “*chute*” и “*shute*”.

Другим термином, не вошедшим в DRAE, является гватемальский вариант обозначения кошки — *mish*, *misho* (в женском роде *misha*). Необходимо отметить, что мало кто из животных имеет столько вариантов названий в разговорной речи, как кошки; многие указаны в DRAE: *miz* (используется в качестве междометия для подзывания кошки — аналог русского «кис-кис», а также ласкательного названия кошки — «киса»), и образованные от него *mizo* (женская форма *miza*), *micho* (*micha*), *michino* (*michina*); от *morro* (‘кис-кис’) образованы наименования *morrongo* (*morronga*), *moroño* (*moroña*). Что касается гватемализма “*misho*”, он образован от испанского “*micho*”.

Также гватемализмом является слово *mishito* (общеиспанский термин — “vilano”) — ‘пух’, названным так из-за схожести с мягкой и шелковистой кошачьей шерстью.

Кроме того, слово “mish” употребляется для обозначения застенчивого человека, от него образованы синонимичный термин *amishado* (*amishada* в женском роде) и глагол *amishar* (‘стыдить’, *amisharse* — ‘стыдиться’). Все эти слова отсутствуют в DRAE.

Любопытно, что некоторые термины ошибочно считаются гватемализмами. Например, *chucho*, которое в значении ‘собака’ кодифицировано в DRAE в качестве общеиспанского слова, однако в этом же значении оно также включено в словари гватемализмов таких филологов, как Л. Сандовала, Д. Армаса и С. Моралеса. В действительности же данный термин является гватемализмом в значении ‘скупой’, ‘мелочный’, что отражено в словарях А. Батреса Хауэги и Л. Сандовала, но не указано в DRAE.

Языковые инновации

В настоящее время в испанском языке Гватемалы благодаря расцвету кино- и телеиндустрии ее северного соседа появилось множество инноваций мексиканского происхождения (большинство телепередач и кинофильмов, показываемых в Гватемале, — мексиканские либо переведены на испанский язык мексиканцами). Инновации характерны для речи испаноговорящих гватемальцев во всех сферах и на всех социальных уровнях. Наибольший масштаб это явление приобрело в колледжах и университетах, где учатся молодые люди из зажиточных семей. Например, вместо использовавшихся ранее гватемализмов *clavero* (‘плохо’), *polla* (‘цыпочка’), *tano* (‘приятель’) теперь употребляются мексиканизмы *chafa*, *chava* и *cuate* соответственно. В СМИ также прослеживается тенденция использовать мексиканизмы даже, например, в качестве названий рождественских блюд, традиционных для Гватемалы. Например, *botanas* (вид традиционных закусок) вместо гватемальского названия “bocas” либо “boquitas”:

Comer en la noche está bien: Dicen que la botana de la noche es lo único que necesitas para sabotear tu dieta, pero realmente puedes hacerlo sin ganar unos kilos de más [EME de Mujer. URL: <https://gt.emedemujer.com/salud/baja-peso-comiendo-mas/>].

Наравне с инновациями, заимствованными из испанского языка Мексики, есть и собственные гватемальские. В качестве примеров приведем некоторые гватемализмы, вышедшие из употребления в Гватемале, и современные лексические единицы, заменившие их. Раньше в отношении людей высокомерных, тщеславных использовали определения *fufurufo*, *tufoso*; в настоящее время используется прилагательное *caquero*. Нищих называли *pelagatos*, *pelafustán*, богатых — *gente bien*; в наши дни употребляется *pelados* в адрес первых, *gente papuda*, *con papa* — в адрес вторых.

Также устарели следующие термины: *catrín* (‘франт’), *fifi* (‘пижон’), *cachimbiro* (‘стиляга’).

Диминутивные образования

Для речи гватемальцев, как и для других латиноамериканцев, характерно чрезмерное употребление уменьшительных суффиксов *-ita*, *-ito*, *-illa*, *-illo*, *-ete*, *-eta*.

Согласно этимологическому словарю “Diccionario Etimológico” (DE) уменьшительный суффикс *-illo* восходит к латинскому суффиксу *-ellus*, который в составе прилагательных использовался в качестве уменьшительного, в то время как у существительных помимо словоизменительной функции он выполнял и словообразовательную. Начиная с XV в. наиболее употребительным и продуктивным уменьшительным суффиксом становится суффикс *-ito*, а суффикс *-illo*, наиболее распространенный до того времени, начинает уступать свои позиции. Этот факт отмечен в вышеуказанном словаре, где со ссылкой на исследования Э. Ньянса Фернандеса приведены статистические данные по количеству уменьшительных форм на *-illo* в художественных произведениях разных лет. Так, например, в произведениях Берсео они составляют 76% от общего числа уменьшительных форм и 50% в литературе периода Золотого века, у Гальдоса их 19% (в то время как форм на *-ito* — 70%), у Лорки — 25% (на *-ito* — 70%). Данное явление объясняется устойчивой тенденцией к лексикализации дериватов на *-illo*. В качестве примеров можно привести следующие слова: *bolso* (‘сумка’) > *bolsillo* (‘карман’), *cola* (‘хвост’) > *colilla* (‘окурок’) [9. P. 327—328].

Однако в некоторых регионах *-illo* сохранил свою продуктивность в качестве уменьшительного суффикса, например в западной части Наварры, Андалусии. Данный суффикс весьма распространен в странах Латинской Америки (в частности в Гватемале), и, как отмечает О.С. Чеснокова, «тяготение к диминутивности составляет черту, коренным образом противопоставляющую речь и коммуникативный стиль латиноамериканцев речи испанцев» [10. С. 30].

Уменьшительные суффиксы так же, как и другие суффиксы субъективной оценки (ласкательные, увеличительные, уничижительные), «очень сходны с элементами словоизменения (формообразования), поскольку прибавление их к производящей основе не затрагивает семантику, не переводит новое слово в другую часть речи. Роль этих суффиксов состоит в указании на отношение говорящего к обозначаемому предмету (*hijo* ‘сын’ — *hijito* ‘сынчик’) или (дополнительно) и на стилистическую принадлежность слова (*cerca* ‘близко’ — *cerquita* ‘близехонько’)» [11. С. 13].

В то же время существует ряд слов, чье окончание *-illo* не связано этимологически с суффиксом *-illo*, например, *carajillo*.

Как пишет гватемальская журналистка и филолог Мария дель Росарио Молина, «когда путешествуешь по испаноязычным странам, то и дело попадаешь впросак». Испанцам не нравятся уменьшительные формы слов, которые принято использовать в Гватемале. Например, в испанском ресторане на просьбу «Un vitino, por favor» (досл. «пожалуйста, принесите винцо»), официант возмущенно ответил автору статьи, что у них подают не «винцо», а вино («No hay “vinitos”, sino vinos»). После множества подобных случаев она решила более не использовать уменьши-

тельные формы, тем не менее снова попала в неприятную ситуацию: ужиная в Мадриде, она хотела заказать кофе с коньяком — данный напиток там называется “*cajajillo*”. Но, вспомнив о предыдущем негативном опыте употребления слов с уменьшительными суффиксами (напомним, что *-illo* — один из таких), она попросила “*cajajo*”. Официант, как пишет филолог, пришел в негодование и предложил ей немедленно покинуть заведение. Позднее автор статьи посмотрела слово “*cajajo*” в словаре испанского языка (DRAE) и увиденное шокировало ее: в первом значении указывалось, что это мужской половой орган [12].

Также вызывает интерес использование суффиксов *-ete*, *-eta*. Согласно DE это были весьма распространенные уменьшительные суффиксы в испанском языке до XV в. И хотя позднее они утратили свою популярность, существует немало слов с данными суффиксами, которые активно используются и в наши дни: *camiseta* (‘футболка’, ‘короткая рубашка с широким рукавом’), *aleta* (‘крыло’) и др. В то же время в испанском языке Гватемалы встречаются лексические единицы, образованные с помощью данных суффиксов, прибавление которых к производящей основе изменило семантику: *banqueta* (‘тротуар’) < *banca* (‘скамья’); *barrilete* (‘воздушный змей’) < *barril* (‘бочка’).

Межвариантная лексическая дивергентность

В Гватемале, как и в других странах Латинской Америки, даже высокочастотные слова имеют значение, отличное от пиренейского национального варианта, являющегося «исторической точкой отсчета» (термин академика Г.В. Степанова). Так, согласно DRAE глагол *coger* имеет более трех десятков значений. Первое — наиболее часто используемое в Испании — ‘брать’, ‘хватать’, которое относится к чему угодно. Например, “*coger el taxi*” (‘взять такси’). Однако в Гватемале он употребляется преимущественно в 31-м значении, относящемся к сексуальным отношениям. По этой же причине в Гватемале в значении ‘собирать’, ‘забирать’ вместо глагола *recoger* используется *traer*: “*Te vengo a traer dentro de tres horas*” («Я тебя заберу через три часа»). В Испании же глагол “*recoger*” является общеупотребительным: “*A la una recojo a los hijos del colegio*” («В час я заберу детей из школы»).

Для испанцев удивительно, что в ванной комнате жителей Гватемалы находятся *artesa* и *regadera*. Дело в том, что в Испании “*artesa*” — это деревянный ящик, где замешивают тесто. Но в Гватемале данное слово употребляется в значении ‘ванна’ (исп. *bañera*, *tina*). Что касается термина “*regadera*”: в Испании это лейка, которая используется для полива растений, дорожек и т.д., а в Гватемале это душ. Поэтому выражению ‘принять душ’ в Испании соответствует “*darse un duchazo*”, в Гватемале — “*darse un regaderazo*”.

Своеобразие гватемальского национального варианта испанского языка наглядно иллюстрирует таблица 1, где представлены синонимические соответствия стандарту испанского языка.

Таблица 1 / Table 1

**Своеобразие испанского языка Гватемалы /
The peculiarity of the Spanish language of Guatemala**

Значение / Meaning	Гватемала / Guatemala	Испания / Spain
салфетка	bigotera	servilleta
сандалии	caites	sandalias
деньги	pisto	dinero
осколок стекла	chaye	pedazo de vidrio
тюрьма	bote	cárcel
лифт	elevador	ascensor
официант	mesero	camarero
телохранитель	guarura	guardaespaldas
няня	china	niñera
парень	patojo	chaval
тоска	añoranza	nostalgia
ложь	pajas	mentira
светловолосый	canche	rubio
калла	cartucho	cala
симпатичный	chilero	bonito

Приведем несколько примеров из СМИ:

*Si quieren **pisto** dedíquense al comercio* [El Puerto informa, 11.05.2018. URL: <http://www.elpuertoinforma.com.gt/nacionales/si-quieres-pisto-hacete-comerciante-no-maestro/>].

*Vos podés ser **el chaye** que rompa la burbuja* [Nomada, 26.02.2016. URL: <https://nomada.gt/cotidianidad/vos-podes-ser-el-chaye-que-rompa-la-burbuja/>].

*Jimmy Morales: “Me da vergüenza pedirlo, estoy como **patojo** pidón”* [El Periódico, 25.07.2017. URL: <https://elperiodico.com.gt/nacion/2017/07/25/jimmy-morales-me-da-vergüenza-pedirlo-estoy-como-patojo-pidon/>].

*Prensa Libre cuestionó al candidato oficialista si ya contaba con un plan de gobierno o si estaba el proceso de elaboración, a lo que, enfático, respondió que en el PP no quiere “hablar **pajas**”* [Prensa Libre, 22.05.2015. URL: <https://www.prensalibre.com/ciudades/quiche/candidato-presidenciable-del-pp-efectua-gira-en-quiche/>].

*Capturan a “**La Canche del Infierno**”, la mujer más poderosa del barrio 18* [Guatevisión, 02.03.2017. URL: <https://www.guatevision.com/capturan-la-canche-del-infierno-la-mujer-mas-poderosa-del-barrio-18/>].

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что лексика испанского языка Гватемалы, несмотря на общеиспанскую основу, имеет существенные особенности.

1. Высокочастотные слова имеют значения, отличные от пиренейского национального варианта.

2. Ряд широко употребляемых слов, которые, согласно DRAE, имеют несколько десятков значений, в Гватемале используются преимущественно в последнем значении, относящемся к сексуальным отношениям, и незнание традиционного для Гватемалы словоупотребления может привести не только к непониманию, но и конфликту.

3. Преобладают термины и устойчивые выражения, несвойственные пирейскому национальному варианту.

4. Многочисленные заимствования из индейских языков активно используются представителями различных социальных классов, и не только в быту, но и в публицистике.

5. Наличие множества инноваций мексиканского происхождения. Для испаноговорящего гватемальца образцом для подражания в языковом плане не обязательно является норма, принятая в Испании, он ориентируется на язык СМИ, особенно телевидения (новостные программы и т.д.), которые, в свою очередь, придерживаются мексиканской литературной нормы.

6. Наравне с инновациями, заимствованными из испанского языка Мексики, присутствует много собственных гватемальских.

7. Широко употребляются диминутивные формы. В то же время существует ряд слов, у которых уменьшительные суффиксы меняют семантику.

Все вышеуказанное свидетельствует о целесообразности исследования испанского языка Гватемалы — не только для развития теоретических знаний, но и для удовлетворения коммуникативных потребностей современного общества.

История статьи:

Дата поступления: 1.04.2019

Дата приема в печать: 1.06.2019

Article history:

Received: 1.04.2019

Accepted: 1.06.2019

Библиографический список

1. *Shetemul H.* Chapinismos universales. Режим доступа: <https://www.prensalibre.com/vida/escenario/chapinismos-guatemaltiquismos-drae-idioma-espanol-0-1232876716/> (дата обращения: 12.12.20018).
2. *Diccionario de la Lengua Española. 23ª edición / Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española.* Madrid: Espasa Calpe, 2014.
3. Así surge el apelativo “chapín”. Режим доступа: <https://www.prensalibre.com/hemeroteca/asi-surge-el-apelativo-chapin/> (дата обращения: 12.12.20018).
4. *Shumann Gálvez O.* Préstamos de náhuatl al español hablado en el sur de Guatemala // *Anuario de Letras*, vol. 25 (1987). México, 1987.
5. *Batres Jáuregui A.* Vicios del Lenguaje y Provincialismos de Guatemala: Estudio Filológico. Guatemala: Tipografía Nacional, 1892.
6. *Sandoval L.* Semántica Guatemalense o Diccionario de Guatemaltequismos. Guatemala: Tipografía Nacional, 1941.
7. *Armas D.* Diccionario de la Expresión Guatemalteca. Guatemala: Editorial Piedra Santa, 1982.
8. *Morales Pellecer S.* Diccionario de Guatemaltequismos. Guatemala: Argrafic, 2008.
9. *Pharies D.* Diccionario Etimológico de los sufijos españoles y de otros elementos finales. Madrid: Gredos, 2002.
10. *Чеснокова О.С.* Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика. М.: Изд-во РУДН, 2004.
11. *Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М.: Высшая школа, 1972.
12. *Molina M. del R.* De los carajillos // *Prensa Libre*, 7-06-2007. Режим доступа: <https://www.prensalibre.com/> (дата обращения: 12.12.20018).

УДК 811.134.2'373(728.1)

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643

Lexical Peculiarities of the Modern Spanish Language of Guatemala

Irina B. Kotenyatkina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Despite the fact that Russian linguists are actively exploring the peculiarities of the implementation of language means in Latin American countries, the Spanish language of Guatemala has not yet been the object of analysis in terms of the variation of lexical units.

This article examines the lexical units used in the Guatemalan national variety of the Spanish language through the prism of modern lexical semantics, using the current common approaches and methods of the linguistics discipline.

The peculiarities of the Guatemalan national variety of the Spanish language are demonstrated, such as: high-frequency common Spanish units that have undergone semantic changes; prevailing terms and idioms that are unusual for Spain; many innovations of both Guatemalan and Mexican origin are used; a large number of loanwords from indigenous languages; and diminutives are widely used.

Finally, it is concluded that the revealed and studied peculiarities of the Spanish language of Guatemala determine the need to study it not only for developing philological knowledge but also, to a large extent, for meeting the practical needs of the modern society.

Key words: Guatemala, Guatemalan Spanish, Mexican loanwords, indigenous loanwords, national variety of Spanish, lexical semantics

References

1. Shetemul, H. Chapinismos universales. URL: <https://www.prensalibre.com/vida/escenario/chapinismos-guatemaltiquismos-drae-idioma-espanol-0-1232876716/> (accessed: 12.12.20018).
2. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española (2014) Diccionario de la Lengua Española. 23ª edición. Madrid: Espasa Calpe.
3. Así surge el apelativo “chapín”. URL: <https://www.prensalibre.com/hemeroteca/asi-surge-el-apelativo-chapin/> (accessed: 12.12.20018).
4. Shumann Gálvez, O. (1987) Préstamos de náhuatl al español hablado en el sur de Guatemala. In *Anuario de Letras*, vol. 25. México.
5. Batres Jáuregui, A. (1892) Vicios del Lenguaje y Provincialismos de Guatemala: Estudio Filológico. Guatemala: Tipografía Nacional.
6. Sandoval, L. (1941) Semántica Guatemalense o Diccionario de Guatemaltequismos. Guatemala: Tipografía Nacional.
7. Armas, D. (1982) Diccionario de la Expresión Guatemalteca. Guatemala: Editorial Piedra Santa.
8. Morales Pellecer, S. (2008) Diccionario de Guatemaltequismos. Guatemala: Argrafic.
9. Pharies, D. (2002) Diccionario Etimológico de los sufijos españoles y de otros elementos finales. Madrid: Gredos.
10. Chesnokova, O.S. (2004) Spanish in Latin America countries. Mexico. Moscow: RUDN. (In Russ.)
11. Vasileva-Shvede, O.K. & Stepanov, G.V. (1972) Theoretical Spanish grammar. Morphology and syntax of parts of speech. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.)
12. Molina M. del R. (2007) De los carajillos. URL: <https://www.prensalibre.com/> (accessed: 12.12.20018).

Для цитирования:

Котеняткина И.Б. Своеобразие современного испанского языка гватемалы: лексика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 634—643. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643.

For citation:

Kotenyatkina I.B. (2019). Lexical Peculiarities of the Modern Spanish Language of Guatemala. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 634—643. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643.

Сведения об авторе:

Котеняткина Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: язык и культура Гватемалы, лексикология, семантика, этимология, социолингвистика, национальные варианты испанского языка; *e-mail*: kotenyatkina-ib@rudn.ru.

Information about the author:

Irina B. Kotenyatkina, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of RUDN University; *interests*: the language and culture of Guatemala, lexicology, semantics, etymology, sociolinguistics, national varieties of Spanish; *e-mail*: kotenyatkina-ib@rudn.ru.

УДК 811.112.2'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652

Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
проспект Вернадского, 76, г. Москва, Россия, 119454

Данная статья представляет краткий обзор языковых средств немецкого языка, употребляемых в современном медиа-дискурсе. В настоящее время роль политической коммуникации, опосредованной дискурсом СМИ, приобретает все большее значение и привлекает все большее внимание лингвистов. Язык СМИ динамичен, образен, выразителен, в то же время он подчиняется общим принципам функционирования языковой системы. Наглядным примером этого является употребление в текстах немецкоязычных онлайн-изданий имен собственных и производных от них лексических единиц. В центре внимания находятся деонимы, образованные от имен известных политических деятелей Германии и Австрии. Результаты проведенного анализа показывают, что имена собственные обладают ассоциативным потенциалом, в процессе употребления в речи могут претерпевать семантические изменения, терять связь с обозначением конкретного лица и становиться словообразовательной основой для новых лексических единиц. Таким образом, в немецком языке благодаря структуре антропонимов и типичным словообразовательным моделям появляются деонимы-глаголы, деонимы-причастия, деонимы-наречия, деонимы-прилагательные, деонимы-существительные. Они призваны выполнять в медийном дискурсе суггестивную и манипулятивную функции. Данное языковое явление представляет интерес с точки зрения когнитивистики, семантики, переводоведения, сопоставительного языкознания.

Ключевые слова: немецкий язык, оним, деоним, семантическая трансформация, политический дискурс, медиа-дискурс

Введение

В настоящее время большинство лингвистических исследований носит междисциплинарный характер. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на известные языковые явления и, возможно, иначе раскрыть их значение, значимость и потенциал. Все это в полной мере относится, в частности, к анализу имен собственных, которые можно рассматривать не только с точки зрения ономастики, но и на пересечении ономастики и дискурса. Именно дискурсивное пространство, употребление онимов в речи, предоставляет новый, интересный материал для лингвистического исследования. Рассмотрим некоторые особенности и функции антропонимов в немецком политическом медиа-дискурсе. Интерес представляет

© Чигашева М.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

та семантическая трансформация, которой подвергаются фамилии известных политических деятелей Германии. Наиболее активно такие процессы проявляются в медийном дискурсе, и главную роль здесь играют журналисты, призванные информировать общественность о происходящих событиях и давать им свои комментарии. Следует также иметь в виду, что их главным инструментом, при помощи которого они выполняют указанные выше задачи, является слово. Умелое, порой довольно креативное, обращение со словом порождает специфические наименования, которые становятся материалом лингвистических исследований. Интерес вызывают, в частности, процессы деонимизации современного немецкого языка [1—4]. Результаты проведенного анализа показывают, что имена собственные становятся словообразовательной основой для новых лексических единиц, а их значения зачастую теряют валентную связь с конкретным лицом. Для верного толкования семантики подобных наименований уже недостаточно лингвистической компетенции, необходимо учитывать экстралингвистические факторы и иметь обширный преинформационный запас.

Имена собственные vs. имена нарицательные

Имена собственные изучали с позиций истории, философии, этнографии, этимологии, литературоведения, психологии, и прежде всего лингвистики. Существует множество различных исследований, но несмотря на это они по-прежнему интересуют филологов и лингвистов. Одна из причин такого пристального внимания — отсутствие однозначного мнения по двум важным проблемам: принципы классификации имен собственных и их способность выражать понятие. В некоторых вопросах наблюдается единодушие различных исследователей. Во-первых, в любой классификации верхнюю строчку списка занимают антропонимы. Вероятно, это говорит, с одной стороны, о наибольшей прозрачности таких наименований, с другой, об их значимости для каждого языкового сообщества. Во-вторых, все исследователи признают основной функцией онимов, и, в частности, антропонимов, номинативность. В-третьих, несмотря на общепринятое противопоставление «имя нарицательное — имя собственное», все сходятся во мнении, что невозможно провести четкую границу («демаркационную линию» по терминологии А.А. Реформатского) между этими двумя разрядами. Таким образом, у апеллятивов и онимов сохраняется возможность перехода из одного разряда в другой. Наиболее известным примером, подтверждающим эту возможность, является в русском языке имя нарицательное *царь*, появившееся от имени собственного Цезарь (Caesar), в немецком языке — *der Kaiser* (император) [5. С. 69].

Другим примером отсутствия четких границ между онимами и апеллятивами являются фамилии, как немецкие, так и русские. Даже поверхностный анализ показывает, что они были образованы от имен нарицательных. Приведем несколько примеров: *der Wolf* (имя нарицательное: *волк*) — Christa Wolf (антропоним: Криста Вольф — немецкая писательница); *der Schneider* (имя нарицательное: *портной*) — Romy Schneider (антропоним: Роми Шнайдер — немецко-французская актриса, звезда австрийского кинематографа), Ulf Schneider (антропоним:

Ульф Шнайдер — немецкий экономист и бизнесмен); *der Fischer* (имя нарицательное: *рыбак*) — Josef Fischer (антропоним: Йозеф Фишер — австрийский бизнесмен начала 20-го века).

Аналогичная ситуация наблюдается и в русском языке: имя нарицательное: *кузнец* — фамилия: Кузнецов; имя нарицательное: *волк* — фамилия: Волков; имя нарицательное: *соловей* — фамилия: Соловьев; имя нарицательное: *сокол* — фамилия: Соколов. Образованные от апеллятивов фамилии (Name) указывают на конкретного человека, причем конкретизация усиливается за счет имени (Vorname): *Schneider* — *Romy Schneider* или *Ulf Schneider*. Интересно отметить, что антропонимы могут переходить также в другой разряд онимов и становиться эргонимами: *Schneider Group* (компания по оказанию услуг, необходимых для развития бизнеса; основатель компании Ульф Шнайдер); *Fischer Sports GmbH* (компания по изготовлению спортивного инвентаря; основатель компании Йозеф Фишер); *SOKOLOV* (российская ювелирная компания; основатели компании Алексей и Елена Соколовы). Следует также обратить внимание на то, что в немецком языке в отличие от русского при переходе в разряд онимов апеллятивы зачастую не подвергаются морфологической трансформации.

На основании приведенных примеров можно предположить, что антропонимы появились в языке благодаря ассоциативным связям, которые, в свою очередь, содержат важные фоновые знания и определяют семантику и прагматику лексических единиц. Антропоним, обозначая конкретного человека, включает также сведения о его физических или интеллектуальных особенностях, чертах его характера, свойствах, внешности, манере поведения, поступках и т.д. Безусловно, в каждом языковом сообществе есть лица, известные широкому или ограниченному кругу, например, определенной социальной или профессиональной группе. Такая известность имеет прямую взаимосвязь с некоторым объемом информации о них. Эти сведения образуют семантику наименования, создают устойчивую связь с конкретным антропонимом и приводят к появлению прецедентных имен.

Деонимизация и ее особенности в политическом медиа-дискурсе Германии

Обратный процесс перехода онима в апеллятив, обозначаемый термином «деонимизация», возможен благодаря упомянутым выше ассоциативным связям. Данное явление свойственно любому языку: русск. — *макинтош, ом, дизель, герц, пастеризовать, бойкот, бойкотировать, хулиган, екатеринка*; нем. — *morsen, röntgen, lynchen, mendeln, der Marxismus, die Litfaßsäule, der Dieselmotor*. Появление деонимов связано, как правило, с изменениями в различных сферах общественной жизни, прежде всего политической или научно-технической. В этих случаях они оставляют след в истории языкового сообщества и становятся терминами. Так, терминологическим характером обладают, например, в научно-популярном и техническом дискурсе такие единицы, как *дизель* (Р. Дизель), *маузер* (П.П. Маузер; В. Маузер), *берета* (К. Беретта), *морзянка* (С. Морзе), *Herz* (Н. Herz), *Röntgenstrahlen* (W.K. Röntgen), *Dieselmotor* (R. Diesel); в политическом дискурсе — *марк-*

сизм, *Marxismus* (К. Маркс / K. Marx). В историческом дискурсе в русском языке деонимом *бирановщина* обозначают политические режимы, характеризующиеся преследованием критиков, разворовыванием богатств страны, атмосферой недоверия, повсеместным шпионажем [6]. Его появление в русском языке связано с именем Э.И. фон Бирона, фаворита российской императрицы Анны Иоановны. Аналогичным образом образованы, например, существительные *жириновщина*, *сердюковщина*; они также выражают негативные понятия.

Интересные примеры можно найти и в современном русском языке — *Аналитики вангуют рост зарплат, но не во всех отраслях*. Неологизм *ванговать* в значении «предсказывать» получил широкое распространение в интернет-дискурсе и молодежном сленге и связан с именем болгарской прорицательницы Ванги. Несколько лет назад деонимом *депардировать* в интернет-дискурсе иронично называли нестандартную ситуацию получения гражданства, связанную с именем французского актера Жерара Депардьё. Данный пример наглядно демонстрирует также игру слов (ср. глагол *депортировать*).

В последнее время в немецком политическом медиа-дискурсе наблюдается активизация процессов деонимизации. С лингвистической точки зрения это объясняется структурой антропонимов и словообразовательными возможностями немецкого языка, с экстралингвистической — приоритетом демократических и либеральных принципов. В центре внимания всегда оказываются известные политические деятели, например: *Angela Merkel* (действующий канцлер ФРГ) — *merkeln, der Merkelismus, der Merkelianer, die Merkelei*; *Peter Hartz* (предприниматель и экономист, возглавлявший комиссию по реформированию рынка труда в кабинете Г. Шредера) — *hartzten*; *Markus Söder* (политик от ХСС, возглавляет правительство в Баварии) — *södern*; *Christian Lindner* (председатель Свободной демократической партии Германии) — *lindern*; *Joachim Gauck* (президент ФРГ в 2012—2017 гг.) — *gaucken, weggaucken, abgaucken*; *Alice Weidel* (глава партии «Альтернатива для Германии») — *weideln*.

Значения подобных лексических единиц связаны не с обозначением конкретного лица, а с манерой поведения, деятельностью или поступками этих людей. Во всех случаях содержится сема «вести себя как N.». Однако для понимания значения этого недостаточно, необходим значительный преинформационный запас, иными словами, нужно знать ответ на вопрос «как». Глагол *södern* обозначает, например, такое речевое поведение, когда раздают много популистских обещаний. Именно так вел себя Маркус Зёдер во время избирательной компании перед выборами в бундестаг в 2017 г.

Глагол *lindern* связывают с поступком главы либеральной партии Кристиана Линднера, когда он в последний момент отказался от достигнутых договоренностей с блоком ХДС/ХСС, что сделало невозможным формирование нового правительства (речь шла о так называемой коалиции «Ямайка») и чуть было не привело к политическому кризису в Германии.

Подобные неологизмы, конечно, создают трудности при передаче их значений на другой, в частности, русский язык. Такие новообразования представляют собой

окказионализмы и в словари, как правило, не включаются. Пространные переводческие комментарии нежелательны, поскольку они могут нарушить процесс коммуникации. Кроме того, следует учитывать креативный характер таких единиц и подбирать такие же эмоционально окрашенные эквиваленты, что, к сожалению, не всегда возможно. Что касается упомянутых выше примеров, то, с нашей точки зрения, уместными могут быть следующие варианты: *södern* — заниматься популизмом, раздавать пустые обещания; *lindern* — обмануть, подвести, продинамить.

Большинство деонимов в немецком политическом медиа-дискурсе составляют глаголы. С морфологической точки зрения они образуются суффиксальным (*merkeln, hartzen, merkelisieren, lafontainieren*) или суффиксально-префиксальным (*vermerkeln, entschördern, ausschulzen, abgaucken, wegkernen*) способами. Довольно многочисленная группа представлена также именами существительными — *der Merkelismus, der Thacherismus, der Genscherismus, die Merkelisierung, die Vermerkelung, der Merkelianer, der Nicht-Merkelianer, die Orbanisierung, der Putinist, die Putinomics*. Можно найти примеры деонимов-причастий (*merkelisiert, merkelnd*), деонимов-наречий (*schäubleweise, gauland-mäßig*), деонимов-прилагательных (*Merkelsch / merkelsch, merkelntreu, merkelfreundlich, merkelfeindlich, westerwellisch, kohlsch*). Примеры употребления данных новообразований можно обнаружить как в текстах немецких онлайн-изданий, так и в корпусе немецкого языка DWDS [7].

Отметим, что межчастеречную трансформацию имен собственных отмечала А.В. Суперанская: «превращаясь в нарицательное, имя может перестать быть существительным и изменить свою парадигму на соответствующую другой части речи» [8. С. 115]. Она считала, что это свидетельствует о полной апеллиативации именных основ и позволяет признавать, что они обладают собственным значением. Интересно также отметить, что один и тот же деоним в различных языках может относиться к разным частям речи, например: нем. — *röntgen* (глагол); русск. — *рентген* (сущ.).

Функции деонимов в политическом медиа-дискурсе

Анализ примеров употребления деонимов в текстах медийного дискурса позволяет утверждать, что все они обладают явно выраженной отрицательной коннотацией. Это отмечают также немецкие лингвисты, занимающиеся изучением данного языкового явления [9; 10. С. 91—92]. В частности, М. Венгелер подчеркивает, что подобные деономастические наименования являются, с одной стороны, следствием языковой экономии и выразительности, с другой, дискредитируют выражаемые понятия. Добавим, что наиболее наглядно это проявляется именно в политическом медиа-дискурсе. *So entschördert Schulz die SPD* (www.spiegel.de; 21.02.2017). — Так Шульц развенчивает культ Шрёдера в СДПГ (перевод М.А. Чигашевой).

Der US-Präsident benahm sich so bockig, rüpelhaft, kompromisslos, so wenig freundschaftlich, dass die sonst so merkelnde Kanzlerin Klartext redete: "Ich kann nur

sagen: Wir Europäer müssen unser Schicksal wirklich in unsere eigene Hand nehmen” (www.zeit.de; 29. Mai 2017). — Президент США вел себя так упрямо, грубо, бескомпромиссно, так недружелюбно, что даже обычно отмалчивающаяся канцлер выразилась предельно ясно: «Могу только сказать: нам, европейцам, действительно придется взять свою судьбу в собственные руки» (перевод М.А. Чигашевой).

Появление подобных креативных и эмоционально окрашенных единиц свидетельствует, на наш взгляд, о смещении приоритетов в медийном дискурсе. Две основные его функции — информационная и корректирующая — отошли на второй план, в то время как суггестивная и манипулирующая функции играют все более важную роль. Журналистам, очевидно, в условиях огромной конкуренции, необходимо, во-первых, привлечь внимание потенциальных получателей информации, во-вторых, оказать на них необходимое влияние. Для достижения этих целей прибегают как к невербальным (иконическим), так и к вербальным средствам. К последним, безусловно, относятся деономастические наименования. С их помощью предпринимается попытка оказать на адресата манипулятивное воздействие, т.е. побудить его «...совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [11. С. 67].

Подтверждением этому можно считать также вовлечение имен собственных в игру слов. На их основе создаются настолько креативные наименования, что представление информации (первая и главная задача журналистов!) превращается в своеобразный эзопов язык. *Spahnende Tragrödie* (www.faz.de; 4.03.2018) — от имен политиков от ХДС Jens Spahn (Йенс Шпан) Hermann Gröhe (Герман Грёэ). *Im finstren Herzen von Gau-Land* (www.spiegel.de; 13.04.2018) — от имени вице-председателя партии «Альтернатива для Германии» Александра Гауланда (Alexander Gauland). В последнее время много примеров можно было обнаружить в немецкоязычных изданиях, которые информировали об отставке канцлера Австрии Себастьяна Курца (Sebastian Kurz): *Kurz-Sturz* (отставка Курца; букв.: падение Курца), *Kurz-Kanzler, Kürzer, als Kurz* (о временно исполняющем обязанности канцлера Австрии Х. Лёрепе). *Kurz' Schluss* (www.spiegel.de; 18.05.2019) — конец Курцу. Так образно журналисты обыграли апеллатив *Kurzschluss* — короткое замыкание. *Kurz, der kalte Kanzler* (www.dw-world.de; 27.05.2019).

Позволим себе предположить, что такие языковые средства рассчитаны на хорошо образованную публику, которая следит за актуальными политическими событиями и умеет интерпретировать предлагаемый контент новостных сообщений и комментариев. Деонимы, пусть и не так часто, но встречаются в основном в авторитетных онлайн-изданиях, таких как *Spiegel, Die Welt, Focus, Frankfurter Allgemeine Zeitung* и др., реже в издании *Bild*, ориентированном на массовую аудиторию.

Заключение

Анализ языкового материала показывает, что имена собственные могут подвергаться морфологической и семантической трансформации, а деантропонимические наименования, обладая ярко выраженной экспрессивной составляющей,

обогащают современный немецкий язык, делают его более выразительным и эмоционально окрашенным. Кроме того, новые лексические единицы и их значения появляются в языке не хаотично, а в неразрывной связи с лексико-семантической системой языка. В целом, появление в немецком языке деонимов на основе фамилий действующих политиков свидетельствует, по мнению О.А. Никитиной, «о значимости общественности-политической сферы в жизни Германии, об усилении личностного начала и об общей коммуникативной демократизации современного немецкого языка» [12. С. 52]. Вполне вероятно, что далеко не все новообразования сохранят свою активность в языке продолжительное время. Лишь отдельные единицы вошли в основной фонд немецкого языка и включены в справочные и толковые издания, как, например, глагол *hartzen* [13]. Ассоциативные связи образуются и существуют, как правило, в актуальном контексте, в случае потери его значимости для представителей языкового сообщества из употребления уходят и креативные единицы. Вместе с тем не вызывает сомнения, что это интересное языковое явление совершенно справедливо заслуживает внимательного изучения, например, с точки зрения семантики, когнитивистики, перевода или сопоставительного анализа.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 1.07.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 1.07.2019

Библиографический список

1. *Едличко А.И.* Zur Euphemisierung von Ethnonymen im Deutschen // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 134—148.
2. *Гатауллин Р.Г.* Новые эпонимические глаголы в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1304—1310.
3. *Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А.* Метафорическое моделирование образа канцлера Германии А. Меркель // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 70—78.
4. *Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А.* Динамика метафорической вербализации образа Kanzlerin Angela Merkel // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 141—151.
5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2001.
6. *Глушаков В.М.* Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. М.: Архив Российской Академии Наук, 2012. С. 22—31.
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: <https://www.dwds.de> (дата обращения 15.06.2019).
8. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
9. *Wengeler M.* Zwinglisch, Marxismus, genschern. Deonomastika aus Personennamen im Deutschen // Muttersprache 110. 2000. № 4. P. 289—307.
10. *Wengeler M.* Schaubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Düsseldorf, Trier. 2010. P. 79—98. Режим доступа: <http://www.komparatistik-online.de> (дата обращения: 20.05.2019).
11. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001.

12. Никитина О.А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 42—54.
13. Duden Online Wörterbuch. Режим доступа: www.duden.de/rechtschreibung/hartzen (дата обращения 15.06.2019).

Research article

УДК 811.112.2'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652

Possibility of Semantic Transformation of Proper Names in the German language

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. This article presents a brief overview of the language means of the German used in modern media discourse. Currently, the role of political communication, mediated by media discourse, is becoming increasingly important and attracting more and more attention of linguists. The language of the media is dynamic, imaginative, expressive, at the same time it is subject to the general principles of the functioning of the language system. A good example of this is the use in the texts of German-language online editions of the names of proper and derived lexical units. The focus is on deonyms, formed from the names of famous political figures of Germany and Austria. The results of the analysis show that proper names have an associative potential; in the process of use in speech, they can undergo semantic changes, lose touch with the designation of a specific person, and become a derivational basis for new lexical units. Thus, in the German language, thanks to the structure of anthroponyms and typical word-formation models, there appear deonyms-verbs, deonyms-participles, deonyms-adverbs, deonyms-adjectives, deonyms-nouns. They are designed to perform suggestive and manipulative functions in media discourse. This language phenomenon is of interest from the point of view of cognitive science, semantics, translation studies, comparative linguistics.

Key words: German language, onim, deonym, semantic transformation, political discourse, media discourse

References

1. Edlichko, A.I. (2016). Zur Euphemisierung von Ethnonymen im Deutschen [Revisiting the Euphemization of Ethnonyms in German]. *Vestnik MGU. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, No. 3, pp. 134—148. (In Germ.).
2. Gataullin, R.G. (2015). New Eponymic Verbs in Modern German Language. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 20 (4), 1304—1310. (In Russ.).
3. Tamerian, T.Yu. & Tsagolova, V.A. (2019). Dynamics of metaphorical verbalization of the image of Kanzlerin Angela Merkel. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 141—151. (In Russ.).
4. Tameryan, T.Yu. & Tsagolova, V.A. (2014). Metaphorical Modeling of the German Chancellor A. Merkel's Image. *Kommunikativnye issledovaniia*, 2, 70—78. (In Russ.).
5. Reformatskij, A.A. (2001). *Introduction to Linguistics*. Moscow. (In Russ.).
6. Glushak, V.M. Mutual perception of Russians and Germans from antiquity to the present day. Moscow. (In Russ.).
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (accessed: 15.06.2019).

8. Superanskaja, A.V. (1973). General Theory of Proper Name. Moscow. (In Russ.).
9. Wengeler, M. Zwinglisch, Marxismus, Genschern (2000). Deonomastika aus Personennamen im Deutschen. *Muttersprache 110*, 4, 289—307. (In Germ.).
10. Wengeler, M. Schaublewise, Schröderisierung und Riestern. (2010). Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch. *Komparatistik Online. Düsseldorf, Trier*, 79—98. URL: <http://www.komparatistik-online.de> (accessed: 20.05.2019). (In Germ.).
11. Sternin, I.A. (2001). Introduction to speech exposure. Voronezh. (In Russ.).
12. Nikitina, O.A. (2015). Peculiarities of New German Verbs Formation Based on Anthroponyms. *Nauchnyi dialog*, 11 (47), 42—54. (In Russ.).
13. Duden Online Wörterbuch. URL: www.duden.de/rechtschreibung/hartzen (accessed: 15.06.2019). (In Germ.).

Для цитирования:

Чигашева М.А. Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 644—652. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652.

For citation:

Chigasheva M.A. (2019). Possibility of Semantic Transformation of Proper Names in the German language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 644—652. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук; доцент, заведующий кафедрой немецкого языка факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ; *научные интересы*: семантика, языковая картина мира, лексикология, фразеология, перевод, политический медиа-дискурс; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru.

Information about the author:

Marina A. Chigasheva, Ph.D. in Philology; Associate Professor, Head of the Department of German in Faculty of the International Relations at MGIMO-University of RF Ministry of Foreign Affairs; *Research Interests*: Semantics, Language picture of the world, Lexicology, Phraseology, Translation, Political media discourse; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664

Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен «Маленького героя» Ф.М. Достоевского

Е.А. Осокина

ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук (ИРЯ РАН, Москва)
ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019

Цель исследования — выявить неологизмы и окказионализмы как особенные слова и словосочетания, характеризующие идиостиль автора; показать их происхождение; объяснить их отличие и сходство; уточнить терминологию.

Задача исследования состоит в том, чтобы показать новые слова и сочетания слов в общей ткани авторского текста и объяснить их употребление и назначение; проследить зависимость количества неологизмов и окказионализмов от условий создания произведения и начального замысла автора.

Методом лингвистического исследования является использование электронной и корпусной технологии в изучении художественного текста. Стандартная орфографическая программа позволяет видеть в тексте неологизмы и окказионализмы, которые выделяются как отличные от нормы литературного языка. Затем осуществляется лингвистический анализ нововведений и составляется их классификация на основании сходных признаков по этимологии, словообразованию и морфологической, семантической и фразеологической модификации. Учитывается прецедентность создания неологизма или окказионализма благодаря корпусной технологии.

Уточнение терминов для описания языка писателя и его творческой манеры приводит к объединению понимания неологизмов и окказионализмов в контекстно обусловленном словоупотреблении автора, позволяющем создавать особый свертхтекст в понимании какого-либо текста. Это выражается в предуготовлении восприятия текста и в лаконичной и емкой характеристике персонажа. Количественная картина неологизмов-окказионализмов по всем произведениям Достоевского и в каждой в перспективе дает возможность сопоставления как разных произведений одного писателя, так и произведений разных авторов в синхронии и диахронии русского языка.

Материалом исследования изначально является текст рассказа «Маленький герой», который был написан в период заточения в Петропавловской крепости, то есть в особых для человека и писателя экстремальных условиях стресса, а затем привлекается материал других произведений, представляющих содержательный, хронологический и количественный интерес по использованию неологизмов и окказионализмов. Такая фиксация читательского внимания на исчезающем мгновении делает необходимым создание нового слова или словосочетания *на случай*, за которым главный герой повествования становится незаметным, маленьким, почти исчезающим. Психологически этот прием может быть объяснен возрождением авторского самосознания после сильнейшего стресса. Феномен «Маленького героя» — в исчезающем герое, а следовательно, и в исчезающем авторе.

Ключевые слова: Достоевский; язык писателя; авторская лексикография; авторские неологизмы; окказионализмы; контекстная необходимость; лексикология; исчезающий герой; исчезающий автор

© Осокина Е.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Неологизмы как «новые слова» и окказионализмы как «слова на случай», как правило, разводят, оставляя за окказионализмами необычные или нелепые для языковой нормы слова и речевые явления, возникающие под влиянием контекста [1. С. 283], а за неологизмами — новые слова или словосочетания и новые смыслы слов, которые возникают синхронно с новыми реалиями или выходят за синхронные рамки, сохраняя свою новизну [1. С. 262]. По мере усвоения их языком новые слова могут терять свою новизну и становятся рядовыми в общезыковой картине.

Когда мы говорим о языке писателя [2; 3] то от общезыковых неологизмов переходим к индивидуально-стилистическим, то есть авторским. Неологизмы лучше определять как авторские контекстные новообразования, выделяющиеся на общезыковом привычном фоне и создающие особый эффект, формирующий восприятие читателя. Авторские неологизмы-окказионализмы являются прецедентными, то есть отсылают сознание читателя к какому-либо известному *тексту* в широком смысле слова, и контекстно связанными, то есть мотивированными авторской задачей, — поэтому сохраняют свой статус в любое время, характеризуя творческую манеру писателя. В этом определении заключена особенность авторских неологизмов-окказионализмов, несколько отличающая их от определения общезыковых неологизмов, предлагающего считать неологизмами новые слова, связанные с новыми реалиями и остающимися новыми долгое время [1. С. 262, 283; 4. С. 238; 5].

Отмечаемые в лексикологии и лексикографии способы создания неологизмов сводятся к морфологическому, семантическому и заимствованию. Морфологический способ связан со словообразовательной деривацией по продуктивным моделям уже существующих в языке слов и морфем. Семантический способ связан с развитием нового контекстного значения уже используемого слова, иногда с небольшими изменениями. Заимствование нового слова возможно как из другого языка — переносом слова с приспособлением к русскому языку или калькированием, то есть воспроизведением слова с заменой иноязычных морфем на аналогичные русские, — так и из другого регистра языка, смешивая нормативную и специальную лексику.

Для Достоевского было возможно «активировать предмет» — превращать существительные и собственные имена в глагольные формы [6]:

— соврет, то есть **сметафорит** (*Пб* 18:8) (*от суц.* метафора)

«Зубоскал» 1845 г.: «Ведь со всеми случается; все любят приврать иногда; то есть не приврать — что мы! — обмолвились, но этак, знаете, сказать поцветистее. Ну вот и „Зубоскал“ точно так же иногда что-нибудь тоже скажет метафорой, но зато если и соврет, то есть **сметафорит**, то **сметафорит** так, что будет совершенно похоже на правду, что выйдет не хуже иной правды, — вот будет как! А впрочем, во всяком случае, будет за правду стоять, до последней капли крови будет за правду стоять!» (*Пб* 18:8)

— переевропеить народ (*Пб* 18:68) (*от имени собств.* Европа)

«Ряд статей о русской литературе», 1861 г.: «Вы хотите перейти к народному началу и несете народу образование, то есть ту же европейскую цивилизацию, которую сами признали за неподходящую к нам. Вы хотите **переевропеить** народ? — Но возможно ли, отвечаем мы, чтоб европейская идея на совершенно чуждой ей почве принесла те же результаты, что и в Европе?»

— фейербашничать (*Пб* 20:94) (*от имени собств.* Фейербах)

«Опять молодое перо», 1863 г.: «<...> ведь **фейербашничать** по писаному очень легко. Какой-нибудь «обличительный поэт» **скитался по литературе**, как какая-нибудь бессонная нимфа по берегу Пеня, а только что примкнул к казенной красноте в «Искре» и сделался великим человеком».

— фаддейбулгаринствующего (*Пб* 20:56) (*от имени собств.* Фаддей Булгарин)

«Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», 1863 г.: «Про **кукельван** (кукольван — растение, идет в аптеки и как отравы на рыбу. — *Даль* [7. С. 179]) говорить, положим, можно, про г-на Каткова, **фаддейбулгаринствующего** на Москве, можно и должно <...>».

— чрезвычайно юношественно (*СС* 43) (*от сущ.* юноша)

Наконец, и, может быть, всех более, выдавалась на вид одна престранная дама, одетая пышно и чрезвычайно **юношественно**, хотя она была далеко не молодая, по крайней мере лет тридцати пяти.

— слакейничать (*ЗЗ* 82) (*от сущ.* лакей)

«Француз любит ужасно забежать вперед, как-нибудь на глаза к власти и **слакейничать** перед ней что-нибудь даже совершенно бескорыстно, даже и не ожидая сей-часней награды, в долг, на книжку».

— безлеса Россия (*Пд* 54) (*от сущ.* лес)

Нынче **безлеса** Россию, истошают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков.

Интересный игровой неологизм-окказионализм, так называемое «окказиональное слово» [1. С. 284], получается в результате соединения двух слов с заместительным наложением одного на другое:

От вечной подвижности, поворотливости он решительно походил на **жируэтку**. (*Пл* 5)

Как авторский прием создания новых окказиональных слов можно считать использование просторечных искаженных слов, скорее всего не придуманных автором, но услышанных и воспроизведенных в литературном тексте с особой целью: выделением речи персонажа, контекстным снижением речевой ситуации, сопоставлением одного персонажа с другими и прочее [6]:

в некруты (*рекруты) пошел, конец по некрутству (*рекрутству); левизор (*реvisor) (*ЗМ* 38), в омрак (*обморок) упали (*СС* 81), енарал (*генерал); камардином (*камердинером) служил (*СС* 75), астролом (*астроном) (*СС* 36), аблакатишки (*адвокатишки) (*Пд* 249), «вньош (*юноша), не ропщи» (*Пд* 290)...

Также авторскими нововведениями в использовании окказионализмов можно считать и диалектные, и заимствованные слова, представленные автором не случайно, а как понравившиеся ему, представляющие язык во всем его многообразии:

сельница — «лоток» (*ЗМ* 39), неряха (*ЗМ* 179, 181) — «неопрятный человек», байгуши — «нищие кочевники» (*ЗМ* 48)...

К неологизмам можно отнести и идиомы с арготической лексикой:

— не играй на белендрясе — «не болтай, не балагурь впустую»;

— не пей шпунтов — «не насмехайся, не злословь» (ЗМ 71).

«А не ходи в карантин, не пей **шпунтов**, не играй на **белендрясе**; так что я не успел, братцы, настоящим образом в Москве разбогатеть».

Некоторые неологизмы-оказионализмы, представленные автором в речи персонажа, созданы по семантико-морфологической модели с изменением значения приставки:

— будь ты разбрюллол (ЗМ 64) (от значения «разъединения» — к значению «превосходства»)

«Наш майор, кажется, действительно верил, что А-в был замечательный художник, чуть не Брюллол, о котором и он слышал, но все-таки считал себя вправе лупить его по щекам, потому, дескать, что теперь ты хоть и тот же художник, но каторжный, и хоть будь ты **разбрюллол**, а я все-таки твой начальник, а стало быть, что захочу, то с тобою и сделаю».

— будь я **разарестант** хоть на веки вечные (ЗМ 207)

«Я понял, что меня никогда не примут в товарищество, будь я **разарестант**, хоть на веки вечные, хоть особого отделения».

В число неологизмов не включены:

— искаженные слова, представляющие ломаный русский язык персонажа-иностранца: *ходить, биль и т.п.*;

— слова, отличные от современного и привычного нам написания, но представляющие норму для времени создания произведения: *галстух, грустию, домы, скрыпя и т.п.*;

— фамилии и имена собственные (хотя встроенная орфографическая программа выделяет их наряду с неологизмами).

Рассказ «Маленький герой» [6] (первоначальное название «Детская сказка») создавался в Петропавловской крепости. С момента ареста 23 апреля 1849 года до июля, пока велось следствие над петрашевцами, им запрещено было чтение книг и составление бумаг, кроме следственных. В письмах к брату Михаилу от 18 июля и 27 августа 1849 года Достоевский говорил о том, что «времени даром не терял: выдумал три повести и два романа, один из них пишу теперь», что потом был перерыв, что в августе ему уже разрешили гулять по саду и что это для него счастье. Почти 9 месяцев Достоевский провел в самом страшном месте Петропавловской крепости — Алексеевском равелине. Получается, что Достоевский работал над рассказом летом и осенью 1849 года до декабря, до смертного приговора, который не был исполнен 22 декабря, а был заменен каторгой. Позднее, в беседе с В.С. Соловьевым Достоевский говорил, что работа над рассказом оказалась для него спасительной: «Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и вдруг — совсем успокоился. Ведь я там что делал?.. я писал «Маленького героя» — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие добрые сны» («Исторический вестник», 1881, № 3, стр. 615) [6. С. 506].

Напечатан был рассказ братом Михаилом лишь через 8 лет, в «Отечественных записках», 1857, № 8, под заглавием «Маленький герой». Достоевский позднее сожалел о невозможности внесения исправлений, и в последующих изданиях 1860 и 1866 года вносил изменения и исправления в текст. Так что перед нами текст, над которым автор отчасти поработал. Рассказ занимает 28 страниц печатного текста, и практически на каждой есть авторские неологизмы. Выделять их помогает кроме простого наблюдения при прочтении и встроенная программа проверки правописания, так что информационные технологии в данном случае выполняют роль искусственного интеллекта. Выделение неологизмов компьютером основано на «непрочтении» слов, отсутствующих в базовом сравнительном орфографическом словаре. Новые слова создаются:

— по словообразовательной модели, меняя морфологический облик слова, — это могут быть и слова, созданные автором «на случай», то есть окказионализмы (1);

— по семантической модели, развивая в уже существующем слове новое контекстное значение (2);

— по модели заимствования и адаптации иноязычного слова к русскому языку — калькирование или повторение иноязычного слова в русском написании (3);

— по модели необычного сочетания слов с новым значением или оттенком словосочетания (4).

Бонмотисты — (3)

<...> если хмурилось небо, сочинялись живые картины, парады, пословицы; устраивался домашний театр. Явились краснобай, рассказчики, бонмотисты [*от фр.* — «остряки, шутники»]. [6. С. 268]

Шелестило по моему сердцу (Было только в «Хозяйке») — (4)

Но — странное дело! — какое-то непонятное мне самому ощущение уже овладело мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сих пор незнакомое и неведомое ему <...>. [6. С. 269]

Стыдливеньких блондинок — (1), (4)

И, уж конечно, она непохожа была на тех маленьких стыдливеньких блондинок, беленьких, как пушок, и нежных, как белые мышки или пасторские дочки. [6. С. 269]

Пресерьезно обрадовавшись — (1), (4)

— То-то и есть, что нет, — отвечал я, на этот раз более занятый заботой, чем искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось наконец доброе сердце, которому можно открыть свое горе. [6. С. 270]

Нашкольниковать — (1)

Она была вне себя от восторга, что удалось-таки нашкольниковать, сконфузить бедного мальчика и замистифицировать его в прах. [6. С. 271]

Заплутовались — (1)

В своей безмерной гордости они не допускают в себе недостатков. Они похожи на ту породу житейских плутов, прирожденных Тартюфов и Фальстафов, которые до того заплутовались, что наконец и сами уверились, что так и должно тому быть, то есть чтоб жить им да плутовать <...>. [6. С. 276]

Тартюфство — (3), (1)

Это уж у них такая принятая пышная фраза, их *mot d'ordre*, их пароль и лозунг, фраза, которую мои сытые толстяки расточают везде поминутно, что уже давно начинает надоедать, как отъявленное тартюфство и пустое слово. [б. С. 276]

Заметив **омбрельку** (с фр. — «зонтик») — (3), (1)

— Вы в сад? — спросил он, заметив омбрельку и книгу в руках жены. [б. С. 278]

Смешно обставлена — (1), (4)

Эта минута была так безбожно рассчитана, так изменнически подготовлена к самому концу, к шутовской развязке, и так уморительно смешно обставлена, что целый взрыв ничем неудержимого, всеобщего смеха отсалютовал эту последнюю выходку. [б. С. 281]

Насильная тоска — (1), (4)

Теперь же, в мучениях и насильной тоске, узнал, что оно *смешно* и *стыдно!* [б. С. 282]

Висельными проделками — (1), (4)

Наконец, и сам конь держал себя так, как будто тоже сговорился с хозяином и вожатыми: он вел себя гордо и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдают несколько десятков любопытных глаз, и словно гордясь пред всеми зазорной своей репутацией, точь-в-точь как иной неисправимый повеса гордится своими висельными проделками. [б. С. 283]

Вскоком его на дыбы — (1), (4)

<...> [смельчак] протянул было руку, чтоб схватить за холку заждавшегося коня, но вдруг был озадачен бешеным вскоком его на дыбы и предупредительным криком всей испуганной публики. [б. С. 283]

Не забуду этой **сумасшедшей минуты** [б. С. 286] — (2), (4)

Только в это мгновение расслышал я за собою крик пятидесяти голосов, и этот крик отдался в моем замиравшем сердце таким чувством довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей детской жизни. [б. С. 286]

Не сплечил себе ног — (1), (4)

<...> каким образом я не выпрыгнул из седла, как мячик, сажени на три, и не разбился вдребезги, а Танкред от такого крутого поворота не сплечил себе ног [б. С. 286].

Противовольного и наивного чувства — (1), (4)

Все глаза обратились к m-me M*, и, застигнутая всеобщим вниманием врасплох, она вдруг сама, как дитя, покраснела от какого-то противовольного и наивного чувства и через силу, хотя весьма неудачно, старалась подавить свою краску смехом... [б. С. 286].

Легкодумной головки — (4)

<...> когда, наконец, удалось ей придать этому мгновению, по романтическому настроению своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль, — теперь, после всего этого, она пришла в такой восторг от моего «рыцарства», что бросилась ко мне и прижала меня к груди своей <...> [б. С. 287].

Ее протектриса — (3)

Ее протектриса, около которой витала она, мой бывший враг и недавний друг, кричала ей, уже галопируя на своем резвом коне и хохоча <...> [6. С. 288].

Сырое последождное время — (1), (4)

Пришлось переждать несколько часов сряду в деревенских избах и возвращаться домой уже в десятом часу, в сырое, последождное время [6. С. 288].

Сердце задушало меня (Было у Н. Полевого в 1830 г., но в другом сочетании. [8]) — (1), (4)

Я старался дышать ровнее и спокойнее, но сердце задушало меня своими смятенными ударами [6. С. 294].

Феномен «Маленького героя» — в исчезающем герое, а следовательно, и в исчезающем авторе. Технически это выражено наполненностью текста многочисленными авторскими неологизмами-окказионализмами, достраивающими и романтизирующими виртуальную действительность, уточняющими явление и действие до мельчайшей детали, что необходимо для цепляющегося за жизнь сознания обреченного узника, радующегося каждой мелочи, каждому мгновению, каждому лучу света. Такая фиксация читательского внимания на исчезающем мгновении делает необходимым создание нового слова или словосочетания *на случай*, за которым главный герой повествования становится незаметным, маленьким, почти исчезающим. Психологически этот прием может быть объяснен возрождением авторского самосознания после сильнейшего стресса.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 15.07.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 15.07.2019

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
4. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.
5. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. М., 1987.
6. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.
8. Касымалиев Б.Ж., Касымалиева К.Е. Лексикографическое представление авторской картины мира // Языки. Народы. Культуры. Материалы научно-практической конференции. Москва, 27—28 октября 2016 г. М.: РУДН, 2016.
9. Касымалиева К.Е. Ассоциативное текстовое поле этнокультурной идиоглоссы «конь-иноходец» в повести «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2016. Т. 7. № 3. С. 36—43.

10. Касымалиева К.Е. Этнокультурная идиоглосса ГОРЫ в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова // Вопросы психолингвистики. Институт языкознания РАН. 2017. no 2 (32). С. 150—158.
11. Николина Н.А. Типы и функции новообразований в прозе Ф.М. Достоевского // Слово Достоевского. М., 2001.
12. Нюстрем Е. Библиейский энциклопедический словарь. СПб., 1997. С. 341—343.
13. Осокина Е.А. Параллелизм: риторика или поэтика, проза или стих, особый прием или система? // «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира»: коллективная монография / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКSRУС, 2014.
14. Осокина Е.А. Фигуры речи в комментарии словарной статьи идиоглоссария Достоевского // Материалы Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова)». Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена. 16—17 ноября 2011 г. СПб.: САГА, 2012. С. 95—101.
15. Отечественные лексикографы XVIII—XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. М.: Наука, 2000.
16. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1972—1992.
17. Русская авторская лексикография XIX — XX веков. М.: Азбуковник, 2003.
18. Русский язык. Энциклопедия / глав. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
19. Сковородников А.П., Ширяев Е.Н. Словарь-справочник «Культура русской речи» / под общ. руководством Л.Ю. Иванова. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2003.
20. Стихи о фигурах красноречия // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986.
21. Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
22. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарии / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. АВ. М.: АЗБУКОВНИК, 2008. С. 870—909.
23. Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира: коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова; под общей редакцией Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКSRУС, 2014. С. 461—466.
24. Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Е. Текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы «Игра» (на материале повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!») // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2016. no 3 (15). С. 55—67.
25. Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Е. Идиоглоссарии как тип словаря писателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. Т. 6. № 3. С. 141—145.
26. Шапкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.
27. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянской культуры, 2011.
28. Костомаров В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. Язык как творчество. М., 1996.
29. Словарь литературных терминов. Режим доступа: http://literary_terms.academic.ru (дата обращения: 15.02.2018).
30. Фигура речи // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фигуры_речи (дата обращения: 23.03.2018).
31. Чингиз Айтматов. «И дольше века длится день...» Режим доступа: www.litmir.me/br/?b=50366&r=1 (дата обращения: 07.03.2018 г.).

Условные сокращения названий текстов Ф.М. Достоевского

- ЗЗ Зимние заметки о летних впечатлениях [ПСС. Т. 5]
ЗМ Записки из Мертвого дома [ПСС. Т. 4]
ЗП Записки из подполья [ПСС. Т. 5]
МГ Маленький герой [ПСС. Т. 2]
Пб Статьи 1845—1864 гг., 1873—1878 гг. [ПСС. Т. 18—20]
Пд Подросток [ПСС. Т. 13]
Пл Ползунков [ПСС. Т. 1]
СС Село Степанчиково и его обитатели [ПСС. Т. 3]

Research article

УДК 811.161.1'373.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664

Authorial neologisms and occasionalisms. The phenomenon of the novel “The Little hero” by F.M. Dostoevsky

Elena A. Osokina

The V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka, Moscow, Russia, 119019

Abstract. The purpose of the study is to identify neologisms and occasionalisms as special words and phrases that characterize the author’s idiosyncrasy; to show their origin; to explain their difference and similarity; to clarify the terminology.

The aim of the study is to show new words and combinations of words in the General fabric of the author’s text and explain their use and purpose; to trace the dependence of the number of neologisms and occasionalisms on the conditions of creation of the work and the initial idea of the author.

The method of linguistic research is the use of electronic and corpus technology in the study of literary text. Standard spelling program allows you to see in the text of neologisms and occasional, which stand out as different from the norm of literary language. Then the linguistic analysis of innovations is carried out and their classification is made on the basis of similar signs on etymology, word formation and morphological, semantic and phraseological modification. Take into account the precedent of the creation of the neologism occasionalism or due to the Cabinet technology.

Clarification of terms to describe the language of the writer and his creative manner leads to a unification of understanding neologisms and occasionalisms in context due to the usage of the author, allowing you to create a special vertex in understanding any text. This is expressed in the anticipation of the perception of the text and in a concise and capacious characterization. Quantitative picture of neologisms-occasionalisms in all the works of Dostoevsky and every in the long term makes it possible to compare how different works of the writer and of works of different authors in the synchrony and diachrony of the Russian language.

The research initially is the text of the story “Little hero”, which was written during the imprisonment in the Peter and Paul fortress, that is special for a person and writer extreme conditions of stress, and then drawing the material of other works presenting meaningful, chronological and quantitative interest

on the use of neologisms and occasionalisms. This fixation of the reader's attention on the vanishing moment makes it necessary to create a new word or phrase in the event that the main character of the story becomes invisible, small, almost disappearing. Psychologically, this technique can be explained by the revival of the author's self-consciousness after severe stress. The phenomenon of the "The Little hero" is in the vanishing hero, and therefore in the vanishing author.

Key words: Dostoevsky; writer's language; author's lexicography; author's neologisms; occasionalisms; contextual motivation; lexicology; vanishing hero; vanishing author

References

1. Arutyunova, N.D. (1996). Dostoevsky's Style within the Russian picture of the world In *Poetics. Stylistics. Language and culture*. Moscow. (In Russ.).
2. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2013). Fundamentals of phraseology (short course). Moscow: FLINT: Science. (In Russ.).
3. Vinogradov, V.V. (1971). On the theory of artistic speech. Moscow: High school. (In Russ.).
4. Gasparov, M.L. (2001). Russian verse of the early XX century in the comments. Moscow. (In Russ.).
5. Jakobson R. (1987). Grammatical parallelism and its Russian aspects In *Works on poetics*. Moscow. pp. 99—130. (In Russ.).
6. Ivanchikova, E.A. (1979). The Syntax of Dostoevsky's fiction. Moscow. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (2004). Russian language and linguistic personality. Moscow. (In Russ.).
8. Kasymaliev, B.J. & Kasymalieva, K.E. (2016). Lexicographic representation of the author's picture of the world. In *Language. Peoples. Cultures. Materials of scientific-practical conference. Moscow, 27—28 October 2016*. Moscow: RUDN. pp. 57—67. (In Russ.).
9. Kasymalieva, K.E. (2016). Associative text box ethnocultural idioglossia "horse" in the story "Farewell, Gulsary!" by Ch.H. Aitmatov, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7 (3), 36—43. (In Russ.).
10. Kasymalieva, K.E. (2017). Ethnic and cultural idioglossia MOUNTAINS in the author's language picture of the world of Chingiz Aitmatov, *Questions of psycholinguistics*, 2 (32), 150—158. (In Russ.).
11. Nikolina, N.A. (2001). Types and functions of neoplasms in the prose of F.M. Dostoevsky. In *Dostoevsky's Word*. Moscow. (In Russ.).
12. Nyström, E. (1997). Biblical encyclopedic dictionary. St. Petersburg. (In Russ.).
13. Osokina, E.A. (2014). Parallelism: rhetoric or poetics, prose or verse, a special technique or system? In *"Dostoevsky's Word. Idiostyle and picture of the world"*. Collective monograph. V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; E.A. Osokina (Ed.). Moscow: Lexus. (In Russ.).
14. Osokina, E.A. (2012). Figures of speech in the comment entries of idioglossia Dostoevsky In *Materials of all-Russian scientific conference "Word. Dictionary. Literature: Literary language yesterday and today (to the 300th anniversary of the birth of M.V. Lomonosov)"*. St. Petersburg; RSPU A.I. Herzen. 16—17 November 2011. St. Petersburg; SAGA. pp. 95—101. (In Russ.).
15. Domestic lexicographers of the eighteenth to twentieth centuries 2000, G.A. Bogatova (ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Fyodor Dostoyevsky Full Collection (1972—1992). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
17. Russian author's lexicography of XIX—XX centuries. (2003). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
18. Russian. Encyclopedia. (1997). Moscow: Big Russian encyclopedia. (In Russ.).

19. Skovorodnikov, A.P. & Shiryaev, E.N. (2003). Dictionary-reference “Culture of Russian speech”. L.Yu. Ivanov (Direct.). Moscow: The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
20. “Poems about figures of eloquence” (1986). Problems of literary theory in Byzantium and the Latin Middle ages. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Dictionary of literary terms. (1974). L.I. Timofeev and S.V. Turaev (Eds.). Moscow: Enlightenment. (In Russ.).
22. Dostoevsky’s dictionary of language. Idioglossia. (2008). The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow: AZBUKOVNIK. pp. 870—909. (In Russ.).
23. Dostoevsky’s Word. Idiostyle and picture of the world (2014). Collective monograph. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; E.A. Osokina (Ed.). Moscow: LEXUS. pp. 461—466. (In Russ.).
24. Chulkina, N.L. & Kasymaliev, K.E. (2016). A Text associative field of ethno-cultural idioglossia “Game” (based on the novel by Chingiz Aitmatov “farewell, Gulsary!”), *Scientific notes of the national society of applied linguistics*, 3 (15), 55—67. (In Russ.).
25. Chulkina, N.L. & Kasymaliev, K.E. (2015). Ideoglossary as a type of author’s vocabulary, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6 (3), 141—145. (In Russ.).
26. Shaikovich, A.Y., Andryushchenko, V.M. & Rebeckaya, N.A. (2003). Statistical dictionary of the language of Dostoevsky. Moscow. (In Russ.).
27. Shestakova, L.L. (2011). Russian author’s lexicography: theory, history, modernity. Moscow: languages of Slavic culture. (In Russ.).
28. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1996). Precedent text as reduced discourse In *Language as creativity*. Moscow. (In Russ.).
29. Dictionary of literary terms. URL: http://literary_terms.academic.ru (accessed: 15.02.2018). (In Russ.).
30. A figure of speech In *Wikipedia*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1164892> (accessed: 23.03.2018). (In Russ.).
31. Chingiz Aitmatov “And the day lasts more than...” URL: www.litmir.me/br/?b=50366&p=1 (accessed: 07.03.2018). (In Russ.).

Для цитирования:

Осокина Е.А. Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен «Маленького героя» Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 653—664. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664.

For citation:

Osokina, E.A. (2019). Authorial neologisms and occasionalisms. The phenomenon of the novel “The Little hero” by F.M. Dostoevsky. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 653—664. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664.

Сведения об авторе:

Осокина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; *научные интересы*: экспериментальная, авторская, историческая лексикография, Словарь языка Достоевского, лексикология и фразеология; история русской литературы, поэтика и лингвистика текста; древнерусская литература, гимнография и литургика; компаративистика; *e-mail*: lenazar@yandex.ru.

Information about the author:

Elena A. Osokina, Ph.D. philology, Research Fellow of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences (RLI RAS, Moscow); *Interests*: experimental, authorial, historical lexicography, Dictionary of the language of Dostoevsky, lexicology and phraseology, history of Russian literature, poetics and linguistics of text, old Russian literature, hymnography and Liturgy, comparative studies; *e-mail*: lenazar@yandex.ru.

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

Acknowledgment:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 18-012-90025 “The linguistic model of Dostoevsky’s idiosyle: case technologies in the study of literary text”.

Научная статья

УДК 811.161.1'373:281.93"19"

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-665-672

Семантический объем слова *осуждение* в словах и поучениях русских святых XX в.

Ю.В. Коренева

Московский государственный областной университет
ул. Ф. Энгельса, 21А, Москва, Россия, 105005

В статье впервые анализируется семантика слова *осуждение* в словах и поучениях русских святых XX века. Материал извлечен из симфоний по творениям святых и из сборников изречений русских старцев XX века. В статье анализируется семантика употребления данного слова в религиозных текстах как реализации религиозного дискурса в сравнении с кодифицированным современными словарями значением. Показано, что лексема *осуждение* входит в этимолого-словообразовательное гнездо семантики разных в современном русском языке слов (*суд, судья, осуждать, рассуждение, суждение, судьба, судебный* и проч.) индоевропейского корня **dhe-* (: **-dh-o* : **dh-i-*) с семантикой установления, действия, и в сложении с приставкой *су-*, которая означает соединение либо смешение, обладает негативной оценочностью и является церковнославянизмом в русском языке не только по фонетико-орфографическим признакам, но прежде всего по признакам семантическим. Семантическое различие в религиозном и нерелигиозном использовании данного слова в русской и церковнославянской языковой стихии заключается в сигнификативной стороне, т.к. в православной концептосфере и русском религиозном дискурсе *осуждение* связано с рядом концептуальных представлений о внутренней жизни человека. Осуждение семантизируется как разрушительное состояние человека, нарушающее целостность его личности и отдаляющее его от Бога (в статье выделено минимум три семантико-когнитивных признака). Такое семантическое наполнение явно отличается от лексикографических данных в современном языке, поэтому значение слова в церковнославянском текстовом пространстве понимается как базовое, а современное употребление — как сужение исходной семантики.

Ключевые слова: осуждение, семантика, русский и церковнославянский языки, религиозный дискурс, православная концептосфера

Вводные замечания: к проблематике изучения русского религиозного дискурса

Религиозный дискурс как явление институционального типа включает в себя религиозные тексты, которые по своим жанрово-функциональным особенностям коррелируют с некоторыми лексическими и семантическими пластами языка. Такой подход позволяет думать о том, что тот или иной дискурс как лингвокоммуникативная сфера текстопорождения семантически ориентирована. В приме-

© Коренева Ю.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

нении к религиозному дискурсу такая посылка вполне доказуема (подробнее о религиозном дискурсе и его составляющих [1; 2]).

Тексты русского православного религиозного дискурса в свою концептосферу включают такие смыслы, которые эксплицируются русским языком по-разному. Языковая реализация может быть «чисто» лексической, и тогда исследователь имеет дело с так называемой религиозной лексикой (наименования церковных книг, построек, утвари и проч.), либо такая реализация может быть семантической, т.е. слово в религиозном употреблении своей семантикой отличается от употребления нерелигиозного (к примеру, разница в семантическом объеме слова *подвиг* в религиозном и нерелигиозном функционировании, подробнее об этом слове: [3]). В отношении церковнославянского языка изучение семантики слова возможно не столько с опорой на немногочисленные словари, старые и новые, сколько на сами тексты, дискурсивно ориентированные, т.к. «специфическая направленность семантического анализа оказывается теснейшим образом связанной с различными функциями языка в целом, с типом функционирования его единиц в конкретном тексте» [4]. В нашем случае к такого рода текстам относятся жития святых, проповеди, слова и поучения святых и др. В лексическом плане эти тексты представляют собой русско-церковнославянскую совокупность, в которой семантическая сторона известного и тому, и другому языку слова проявляет себя по-особому. В перечне таких слов отдельное место занимают номинации, характеризующие внутреннюю, духовную (= не физическую) жизнь человека. В этот перечень входит и лексема *осуждение*.

Лексема *осуждение* в русском языке: анализ лексикографического описания

В современном русском языке данное слово словарями интерпретируется 1) по производящему глаголу *осудить* [5; 6], 2) как *неодобрительное мнение, порицание* [6; 7], 3) как *признание виновности обвиняемого, вынесение ему обвинительного приговора, устанавливающего меру наказания* [8]. Значение 3) выводится из значения 1), не все словари его выделяют как самостоятельное.

С позиций морфемного членения и словообразовательных связей перед нами отглагольное, с процессуальным значением, существительное, в котором выделяются словообразовательные приставка *о-* (со значением полного охвата действием) и суффикс *-ениј-* (для процессуальных существительных среднего рода). Корневая морфема существительного *осуждение* вводит его в состав этимолого-словообразовательного гнезда корня *-суд-* наряду с такими лексемами, как *суд, судья, судьба, суженый, суждение, судебный, рассуждение, предрассудки* и др. В современном русском языке слова этого исторического гнезда различает и семантика, и словообразовательные связи, и историко-стилистическая характеристика, т.е. слова одного гнезда демонстрируют дивергенцию семантики и структуры, что может оказаться самостоятельным объектом лингвистического исследования.

Этимология общеславянского корня **sqd-* возводит его к индоевропейскому сложению приставки *су-*, имевшей значения 1) *соединения, совпадения* и 2) *непол-*

ноценности, смешения с чем-либо [9. С. 215], с корнем **dhe-* (: **-dh-o:* **dh-i-*) — «*ставить*», «*устанавливать*», «*класть*» (связь с гнездом *деть, дело*) [9. С. 216], при этом исходный корень данной единицы вводит весь ряд производных слов в гнездо индоевропейского корня, который связан с идеей действия и его результата (заимствованные в русском слова *факт, конфета, эффект* и др. также восходят к этому древнему корню).

Первичная семантика общеславянского слова отражает исходную словообразовательную модель, скорее всего по первому значению бывшей приставки, т.е. «*суждение, мнение*», с дальнейшим метонимическим развитием значения к «*судилище, приговор, место суда, разбирательство*» (перечень значений из: [9. С. 216]).

Слово *судь* в древнерусском языке очевидным образом является вершиной словообразовательного гнезда, это полисемант: в словаре И.И. Срезневского выделяется минимум 12 семантически различных употреблений в памятниках письменности [10].

Слово *осуждение* в словаре И.И. Срезневского представлено в контекстах из памятников XI века (Остромирово Евангелие и XIII слов Григория Назианзина) со значениями «*обвинение, осуждение, приговор*» [10. Т. 2, стлб. 750—751]. Структура слова (морфемная и фонетическая), параллели с греческим языком (κατάκριμα — «*осуждение, приговор, ос. смертный, позд. Н.З.*» [11. С. 672] κατὰῤῥωσις — «*осуждение, мнение дурное о ком-либо*» [11 С. 667, 16], κρίμα — «*решение, приговор, суд; Н.З. осуждение на смерть*» [11. С. 731]) и фиксация слова в религиозных текстах XI века свидетельствует, что это славянизм в русском языке (наличие фонетико-орфографического признака славянизма *-жд-* в данном слове не показательно, показательна именно семантика и происхождение слова). Поэтому семантика данного слова в церковнославянском языке должна быть принята за исходную, а развитие семантики в русском языке будет мотивировано в том числе влиянием церковнославянского на русский язык.

Функционирование лексики в русском православном дискурсе (на примере поучений святых XX века)

В русском православном дискурсе *осуждение* трактуется как один из тяжких грехов и минимально семантизируется как «*уничжительное мнение (суждение) о ближнем, пристрастно характеризующее его недостатки; как обличение, вменение вины*» [12]. Показательно, что денотативная сторона значения данного слова никак не различается в русском и церковнославянском языках, но сигнификативный компонент значения дифференцирован, и обусловлено это дискурсивными причинами. *Осуждение* как религиозное понятие отличается от *осуждения* во вне-религиозном употреблении. В контексте изучения русского религиозного дискурса и семантических особенностей текстов русской православной концептосферы слово — вершина гнезда *суд* символически связана с представлением о Страшном Суде в конце времен, а лексема *судья* — с образом Иисуса Христа, поэтому *суд* как событийный концепт и *осуждение* как процесс — это не прерогатива человека,

т.е. исконно осуждение — это попытка человека вершить суд над другим человеком. Отсюда и негативная оценочность в семантике этого слова в церковнославянском употреблении и, следовательно, в религиозном сознании, эксплицирующем себя в том числе через тематически и жанрово ориентированные тексты.

В церковнославянском языковом пространстве семантический объем данного слова определяется его концептуализацией в связи с христианскими заповедями и коммуникативными постулатами, что находит отражение в религиозных текстах и рассуждениях (употреблены и существительное, и исходный глагол):

- (1) *Главное в жизни — ревнуй о взаимной любви и никого не осуждай. Каждый за себя даст ответ Богу, а ты в себя смотри. Злобы берегись* (св. прав. Иоанн Кронштадтский) [13] — связь с негативным эмоциональным состоянием человека;
- (2) *Но не оправдают они себя, а большие навлекут осуждения на себя за то, что видят сучок в глазе брата своего и осуждают его; бревна же (поистине бревна) в своем глазе не чувствуют* (Мф.7:3) (св. прав. Иоанн Кронштадтский) [13] — ассоциативная связь с Евангельскими притчами, христианскими поведенческими постулатами;
- (3) *Нет, лучше я чаще буду говорить Господу: даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего. В таком расположении духа будет, братья, молиться все, и наша молитва будет приятна Господу и послужит нам во спасение* (св. прав. Иоанн Кронштадтский) [13] — связь с православной молитвенной практикой и психологической работой над своей личностью;
- (4) *Гордым нет места на небе, но во аде с бесами. Подумай об этом хорошенько. За осуждение, укорение, злопамятность и за гордость никто не будет наследником Царствия Божия* (прп. Иосиф Оптинский) [14] — связь с негативными внутренними состояниями человека и их посмертными следствиями;
- (5) *Против осуждения должно молиться молитвой преподобного Ефрема Сирина: «Ей, Господи Царю, даруй мне зрети моя прегрешения и не осуждать мать или сестру мою» и пр.* (прп. Иосиф Оптинский) [14] — связь с православной молитвенной практикой и установкой на исправление себя;
- (6) *Никогда никого не осуждайте. Каждого, кто бы он ни был, встречайте с добрым чувством, с надеждой найти в нем одно хорошее, видя перед собой образ Божий* (прп. Никон Оптинский) [14] — связь с воспитанием в себе доброго отношения к людям через отказ от состояния осуждения;
- (7) *Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния. Кто осуждает грешников, тот разрушает в себе покаяние* (старец Андроник (Лукаш)) [15. С. 717] — связь с пониманием целостности человеческой личности, ее восстановлением через таинство покаяния и разрушением ее от греха;
- (8) *Осуждение ближних — душевная немощь, а не пустяк. Осуждающий разделяет ответственность с согрешившим* (старец Серафим (Романцев)) [15. С. 726] — связь с положениями православной антропологии и вниманием к внутренней жизни человека с целью сохранить целостность личности;
- (9) *Мы имеем право судить только самого себя. Даже рассуждая о каком-либо человеке, мы невольно осуждаем его* (прп. Серафим Вырицкий) [15. С. 836] — связь осуждения и рассуждения как ментально-лингвальных явлений и установка на то, что может человек делать, а что нет;

- (10) *Будь послушлив, воздержан, не осуждай и храни ум и сердце свое от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добрые и их любит Господь* (прп. Силуан Афонский) [15. С. 398] — связь с православным исихастским представлением о единстве ума и сердца, в том числе в добрых помыслах, а также связь с представлением о внутреннем наполнении человека;
- (11) *Не надо осуждать других; в чужом доме, если подадут что скоромное в постный день, не надо пренебрегать и отказываться. А дома можно восполнить этот пробел усилением либо телесного поста, а главное — духовного: то есть не раздражаться, не осуждать и прочее* (старец в миру Алексей Мечёв) [15. С. 818—819] — связь с коммуникативными правилами поведения православного человека;
- (12) *Осуждаем, детынька, оттого, что за собой не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевети и не давай неправильных советов ближним, ну а если тебе придется сделать это, то спеши исправить зло* (старец Алексей (Соловьев)) [15. С. 754] — связь с внутренним устройством личности человека по канонам православия.

На базе нескольких примеров из слов и поучений русских православных старцев, как канонизированных (преподобный Силуан Афонский, преподобный Серафим Вырицкий, старцы Оптинские, праведный Иоанн Кронштадтский), так и неканонизированных пока (старец Андроник (Лукаш), старец Серафим (Романцев), старец Алексей (Соловьев)), заметно, что сигнификативная сторона *осуждения* связана в русском православном дискурсе, во-первых, с представлением о правильности/неправильности поведения человека: значит, *осуждение* — это поведенческое коммуникативное понятие; во-вторых, с представлением о внутреннем человеке в контексте православной антропологии: значит — *осуждение* — это внутреннее душевное состояние человека, причем неправильное, разрушительное; в-третьих, с представлением об избавлении от такого состояния путем внутренней работы над собой при помощи молитвы и покаяния: значит, *осуждение* — неорганично человеческой личности, негативно влияет на нее. Исходя из предварительных наблюдений (какие бы то ни было претендующие на окончательность выводы можно будет делать, лишь изучив достаточный корпус соответствующих текстов), можно заключить, что *осуждение* в русском религиозном дискурсе и православной концептосфере с сигнификативных и этимологословообразовательных позиций определяется как негативное внутреннее состояние человека, разрушающее его, и как несправедливый поступок, требующий исправления через таинство покаяния и молитву.

Заключение

Наблюдения за дискурсивным использованием слова и его концептуальным наполнением показывают, что *осуждение* как религиозный концепт в свой семантический объем вмещает больше смыслов, чем в нерелигиозном употреблении. В русском узуальном употреблении данная лексема демонстрирует (пока по данным словарей) сужение семантики по сравнению с церковнославянской концепто-

сферой. *Осуждение* в религиозном дискурсе — не просто опредмеченное действие по глаголу *судить*, не просто порицание или негативное мнение, но разрушительный процесс и неблагоприятное внутреннее состояние личности человека, т.е. грех, нарушающий целостность этой личности, мешающий человеческой душе возрастать в Боге.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 15.07.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 15.07.2019

Библиографический список

1. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов. М., 2008. С. 127—155.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: монография. Волгоград: Перемена, 2007.
3. Коренева Ю.В. Подвиг в языке и тексте (жития преподобных старцев) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2012. № 1. С. 18—23.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1982.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984. [Электронный ресурс]: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 07.02.2019).
6. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 07.02.2019).
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. [Электронный ресурс]: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 07.02.2019).
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984. [Электронный ресурс]: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 07.02.2019).
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1—2. М.: Русский язык, 1993. Т. 1.
10. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3-х т. М., 1989. (Репринтное издание 1893—1912). [Электронный ресурс]: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (дата обращения 08.02.2019). Т. 3, стлб. 603—607.
11. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006.
12. Православный портал Азбука веры. [Электронный ресурс]: <https://azbyka.ru/osuzhdenie> (дата обращения 08.02.2019).
13. Симфония по творениям прав. Иоанна Кронштадтского [Электронный ресурс]: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshadtstskij/simfonija-po-tvorenijam-svjatogo-pravednogo-ioanna-kronshadtstskogo/168 (дата обращения 08.02.2019).
14. Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев [Электронный ресурс]: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/simfonija-po-tvorenijam-prepodobnyh-optinskih-startsev-tom-1/264> (дата обращения 07.02.2019).
15. Великие русские старцы: Жития, чудеса, духовные наставления. М.: Трифонов Печенгский монастырь; Новая книга; Ковчег, 2000.

УДК 811.161.1'373:281.93"19"

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-665-672

Semantic volume of the word *Conviction* in the Words and Homilies of the Russian saints of the 20th century

Yulia V. Koreneva

Moscow regional state university
F. Engels' street, 21A, Moscow, Russia, 105005

Abstract. For the first time the article analyzes the semantics of the word *conviction* in the words and teachings of Russian saints of the twentieth century. The material is extracted from symphonies in the works of saints and from collections of sayings of Russian elders of the twentieth century. The article analyzes the semantics of the use of this word in religious texts as the implementation of religious discourse in comparison with the codified meaning of modern dictionaries. It is shown that the lexeme *conviction* is included in the etymological-word formative nest of semantics of different words in the modern Russian language (*court, judge, condemn, reason, judgment, fate, judicial, etc.*) of the Indo-European root **dhe-* (: **dh-o: *dh-i-*) with the semantics of establishment, action, and in addition with the prefix *su-*, which means combining or mixing, has negative appraisal and is Church Slavism in the Russian language not only by phonetic and orthographic signs, but primarily by semantic signs. The semantic difference in the religious and non-religious use of this word in the Russian and Church Slavonic language element is in the significative side, since in the Orthodox concept-sphere and the Russian religious discourse, *conviction* is associated with a number of conceptual ideas about the inner life of a person. *Conviction* is semantized as a destructive state of a person, violating the integrity of his personality and alienating him from God (the article identifies at least three semantic-cognitive features). Such semantic content clearly differs from lexicographical data in modern language, therefore the meaning of a word in Church Slavonic text space is understood as basic, and modern usage is understood as a narrowing of the original semantics.

Key words: Conviction/Damnation, Semantics, Russian and Church Slavonic languages, religious discourse

References

1. Karasik, V.I. (2008). Linguocultural concepts: Approaches to the study. In *Sociolinguistics yesterday and today*. Moscow. pp. 127—155. (In Russ.).
2. Bobyreva, E.V. (2007). *Religious discourse: values, genres, language characteristics*. Monograph. Volgograd: Change. (In Russ.).
3. Koreneva, Yu.V. (2012). The feat in language and text (the life of the venerable elders), *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Russian philology"*, 1, 18—23. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (1982). *The semantics of the Russian language: Tutorial*. Moscow: High School. (In Russ.).
5. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. (1981—1984). Academy of Sciences of the USSR, the Institute of Rus. language; A.P. Evgenieva (Ed.). Moscow: Russian language. [Electronic resource]: URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed: 07.02.2019). (In Russ.).
6. The explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova [Electronic resource]: URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed: 07.02.2019). (In Russ.).
7. Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary, systematized by classes of words and meanings. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Azbukovnik, 1998. [Electronic resource]: URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed: 07.02.2019). (In Russ.).

8. Dictionary of the Russian language: In 4 toms. Academy of Sciences of the USSR, the Institute of Rus. language; Ed. A.P. Evgenieva. M.: Russian language, 1981—1984. [Electronic resource]: URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed: 07.02.2019). (In Russ.).
9. Chernykh, P.I. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: 13,500 words: Vol. 1—2. Moscow. Vol. 1.* (In Russ.).
10. Sreznevsky, I.I. (1989.). Dictionary of the Old Russian language. In 3 vols. Moscow. (Reprint edition 1893—1912). [Electronic resource] URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (accessed: 02.08.2019). Vol. 3. pp. 603—607. (In Russ.). (In Russ.).
11. Weisman, A.D. (2006). Greek-Russian dictionary. Reprint of the V-th edition of 1899. Moscow: The Greek-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalina. (In Russ.).
12. Orthodox portal Alphabet of Faith. [Electronic resource] URL: <https://azbyka.ru/osuzhdenie> (accessed: 08.02.2019). (In Russ.).
13. Symphony on the creation of rights. John of Kronstadt [Electronic resource]: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/simfonija-po-tvorenijam-svjatogo-pravednogo-ioanna-kronshtadtskogo/168 (accessed: 08.02.2019). (In Russ.).
14. Symphony in the works of the Rev. Optina Elders [Electronic resource]: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/simfonija-po-tvorenijam-prepodobnyh-optinskih-startsev-tom-1/264> (accessed: 07.02.2019). (In Russ.).
15. Great Russian elders: Lives, miracles, spiritual instructions. (2000). Moscow: Trifonov Pechengsky monastery; New book; Ark. (In Russ.).

Для цитирования:

Коренева Ю.В. Семантический объем слова *осуждение* в словах и поучениях русских святых XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 665—672. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-665-672.

For citation:

Koreneva, Y.V. (2019). Semantic volume of the word *Conviction* in the Words and Homilies of the Russian saints of the 20th century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 665—672. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-665-672.

Сведения об авторе:

Коренева Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; *научные интересы*: религиозные смыслы слова, семантика слов в религиозном тексте, парадигма православной концептосферы; e-mail: uv.koreneva@mgou.ru.

Information about the author:

Yulia V. Koreneva, Ph.D. philology, Associate Professor, Moscow State Regional University, Senior lecturer, Chair of history of Russian language and general linguistics; *Research Interests*: religious meanings of the word, semantics of words in a religious text, paradigm of the Orthodox conceptosphere; e-mail: uv.koreneva@mgou.ru.

Концептосфера и эстетическая функция драматургического текста и дискурса Conceptual Sphere and Aesthetic Function of Drama Text and Discourse

Научная статья

УДК 81'373:82-2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686

О своеобразии проявления эстетической функции в современном драматургическом дискурсе

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Московский пр., 33, Витебск, Республика Беларусь, 210038

В публикации акцентировано внимание на одном — ключевом, по мнению автора, — аспекте анализа современного драматургического произведения, позволяющего наглядно продемонстрировать особенности реализации эстетической функции в произведениях, принадлежащих к данному литературному роду: рассмотрении принципов организации драматургом композиционно-речевой зоны персонажей. Именно эта, ведущая в содержательно-концептуальном плане и преобладающая в пространственном отношении, часть драматургического дискурса видится наиболее значимой для интерпретации пьесы как факта словесного искусства при безусловном учете синкретичного характера драматургической формы.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что, несмотря на значительные успехи современной филологии в изучении специфики художественной речи, речь драматургическая все еще остается наименее исследованной ее сферой.

Цель работы — анализ диалогового пространства одной из современных пьес в сопоставлении с нехудожественным диалогом и художественным диалогом в прозе, что позволяет установить ряд черт, формирующих своеобразие современной драматургической речи.

Материалом для проведения наблюдений послужила пьеса современного автора Е. Черлака «Ипотека и Вера, мать ее» (2011 год). При интерпретации исследуемого материалы использовались методы: наблюдения, композиционного, контекстологического и семантико-стилистического анализа.

Помимо этого полученные результаты позволяют утверждать, что анализ проявлений эстетической функции в произведениях драматургии необходимо проводить с учетом текстового характера этой композиционно-речевой сферы, а также уделяя особое внимание авторским принципам ее системной организации, поскольку именно такой подход способствует выявлению не только отличительных характеристик драматургической речи, но и особенностей индивидуально-авторского почерка драматурга.

Ключевые слова: эстетическая функция, художественный диалог, драматургический дискурс, персонаж, композиционно-речевая зона, речевая системность

© Зайцева И.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Вводные замечания

Одним из конструктивных параметров художественной речи, воплощаемой в литературно-художественных произведениях, по общему признанию исследователей, является приоритетность реализации в ней языка в эстетической функции: «...несмотря на многообразие направлений, методов и жанров художественной литературы, последняя, однако, имеет общий для всех их принцип использования языка, обусловленный назначением искусства в обществе, образным мышлением художника в процессе творчества, эстетической функцией. ... **Реализация эстетической функции языка** в художественной сфере общения **составляет специфику художественной речи — всех ее индивидуально-авторских стилей и жанров, при всем их своеобразии и отличиях**» (выделено мною. — И.З.) [1. С. 594].

Являющаяся ключевой для любого словесно-художественного произведения, эстетическая функция, безусловно, присуща и художественной драматургической речи, хотя, учитывая довольно существенные отличия между тремя основными родами литературы (и, соответственно, между конкретными жанровыми формами, в которых они воплощаются), справедливо предположить, что в драматургии данная функция будет реализована с определенными особенностями.

Сложность выявления эстетической функции в драматургических произведениях обусловлена несколькими факторами, к которым в первую очередь следует, на наш взгляд, отнести *значительную близость* словесной ткани драматургических дискурсов *к обычной, преимущественно разговорной, речи*, которая в той или иной степени всегда свойственна пьесам. Иначе говоря, данное явление характерно для пьес, созданных практически во все временные периоды существования драматургии как части художественной литературы, включая и те, когда живая разговорная речь существенно отличалась от воплощенной в литературно-художественных произведениях в принципе, поскольку литературный язык в своей письменной форме был противопоставлен устной форме своего бытования по значительно большему числу параметров, нежели в настоящее время.

В драматургии же современного периода (примерно последних двух десятилетий), словесная ткань которой — прежде всего в результате интенсивно протекающих в последние десятилетия процессов демократизации языка — внешне практически неотличима от речи, повсеместно используемой в обиходном практическом общении, выявление эстетической функции в целом и/или отдельных ее составляющих видится еще более затрудненным.

Тем не менее подобного рода интерпретация, на наш взгляд, все же возможна, хотя должна осуществляться исследователями с чрезвычайной осторожностью и с максимально возможным учетом как лингвостилистических характеристик пьесы, так и комплекса экстралингвистических факторов, которые в той или иной степени обуславливают создание практически любого драматургического дискурса, а нередко и имеют существенное значение для адекватного понимания вложенного в пьесу содержания. Последнее замечание сделано прежде всего в связи с необходимостью принимать при интерпретации драматургических дискурсов во внимание один из конструктивных параметров литературного рода,

к которому они принадлежат; в соответствии с этим параметром в большинстве драматургических произведений все должно быть «как в жизни». В результате такого подхода к изображению действительности события в пьесе, в особенности совпадающие по времени с периодом создания произведения, *a priori* подаются автором как ориентированные на формирование у адресата (читателя/зрителя) иллюзии реальности всего воплощенного в пьесе, вплоть до ощущения им себя непосредственным участником происходящего, что, конечно же, отражается и в языковом оформлении драматургического произведения, и прежде всего — композиционно-речевой зоны персонажей.

Феномен художественного драматургического диалога

Первоочередного внимания в связи с заявленными в настоящей публикации аспектами рассмотрения драматургического произведения, безусловно, заслуживает *драматургический диалог*. Это обусловлено тем, что именно на диалоговую форму как на ключевой конструктивный параметр произведений, принадлежащих к этому роду литературы, указывает большинство исследователей — ср., в частности: «В драме решающее значение имеют высказывания персонажей, которые знаменуют их волевые действия и активное самораскрытие...; произнесенные действующими лицами слова составляют в тексте сплошную, непрерывную линию» [2. С. 100].

Воплощаемый в пьесе диалог, с одной стороны, противопоставлен диалогу, протекающему в естественных условиях (нехудожественному диалогу), с другой — диалогу в словесно-художественных структурах иной родо-литературной принадлежности, прежде всего в художественной прозе, а также диалогу в лирических произведениях (стихотворному). Для нехудожественного диалога, восходящего к естественной форме вербального общения, характерен быстрый обмен высказываниями-репликами — как правило, без предварительного обдумывания (качество, которое обычно определяется как *спонтанность*), — который чаще всего сопровождается зрительным и слуховым контактами между собеседниками, в результате чего существенную значимость для подобного общения приобретает ситуативный контекст его протекания.

Художественный же диалог, являющийся компонентом словесно-художественной структуры, несомненно связанным и с другими компонентами последней, может функционировать не только в драматургических, но также в прозаических и лирических произведениях, отличаясь в каждой из этих сфер несомненным своеобразием. При этом в большей степени драматургический диалог соположен с диалогом в прозе, поэтому мы сосредоточим внимание на сопоставлении именно этих разновидностей художественного диалога, не затрагивая особенностей диалога в лирике.

Диалог в художественной прозе и в драматургии, представляющий собой одну из композиционно-речевых зон художественного текста, безусловно, не может быть отождествлен с диалогом в практическом общении, в частности с диалогом

в разговорно-обиходной коммуникативной сфере. «Художественный диалог — органическая часть художественного произведения, написанная автором этого произведения. Это часть художественного текста. **Текстовый характер художественного диалога проявляется в определенной организации как содержания, так и формы, что резко отличает художественный диалог от разговорной речи**» (выделено мною. — *И.З.*) [3. С. 190].

Таким образом, все элементы диалога художественного оказываются структурно и в смысловом отношении зависимыми (в большей либо меньшей степени) от других составляющих словесно-художественного произведения и подчиненными единому замыслу словесно-художественной текстовой структуры, что принципиально отличает диалог подобного характера от речи нетекстовой (к примеру, разговорной). Это в свою очередь приводит к большей связности элементов художественного диалога, обеспечивающей и более явную и многогранную (в первую очередь обусловленную именно выполнением эстетической функции) осложненность каждого слова, фразы и любого другого языкового элемента, включенного в диалогическую структуру такого характера, а также формирование разнообразных имплицитных смыслов (в частности — подтекстовых значений семантического, ассоциативного и иного свойства), которые в нехудожественном диалоге либо отсутствуют в принципе, либо выражены довольно слабо и неистемно.

Отличия же между диалогом в разных видах художественной речи — прозаической и драматургической — формируются преимущественно под влиянием комплекса функций, которые «закреплены» за этими сферами жанрово-родовыми требованиями. Так, если в художественной прозе диалог представляет собой одну из составных частей текста наряду с речью авторской, могущей иметь различные модификации, и, как правило, уступает ей в пространственном отношении, то в произведениях, принадлежащих к драматургии, художественный диалог — основная, превалирующая во всех отношениях часть текстовой структуры. При этом речь персонажей пьесы, или драматургический диалог, в отличие от диалога в художественной прозе, — не только материальная основа драмы как рода литературы, на что уже указывалось выше, но и композиционно-речевая зона, где так или иначе воплощается в том числе и авторская концепция, поскольку «драматургу важно показать ... использование некоторой истины определенным героем для защиты своей позиции или опровержения чужой. Собеседники в драме устанавливаются автором не просто для совместного раскрытия известной мысли, а соотносятся один с другим как противники или сообщники» [4. С. 57]. Наделение диалога в пьесе означенными и рядом других функций, не свойственных диалогу в прозе, обусловлено теми ограничениями, которые драматургия как особая разновидность словесного искусства накладывает на сферу проявления автора: по сравнению с автором-прозаиком возможности для презентации собственной позиции у автора-драматурга чрезвычайно сужены (по большей части это ремарочный пласт и некоторые другие «рамочные» элементы драматургического дискурса, которые в большинстве случаев занимают весьма незначительную часть текста пьесы).

Безусловно, активная разработка в последние десятилетия феномена диалога с коммуникативных — коммуникативно-лингвистических и коммуникативно-стилистических и т.д. — позиций обеспечила дополнительные возможности и для изучения этого явления в художественной — прозаической и драматургической — речи, в частности выдвинув в центр внимания исследователей «проблему эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учетом специфики их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других особенностей текста» [5. С. 159]. Это закономерно расширило диапазон интерпретации драматургических произведений, и прежде всего композиционно-речевой зоны персонажей, однако и в настоящее время в сфере художественной речи драматургические дискурсы по сравнению с прозаическими и лирическими все еще остаются наименее изученными.

Своеобразие диалогической речи в современной пьесе

В предыдущем разделе была аргументирована нецелесообразность отождествления драматургического диалога как с нехудожественной диалогической речью, так и с диалогом в художественной прозе. Это замечание имеет принципиальный характер прежде всего в связи с тем, что в подавляющем большинстве пьес современного периода (конца XX-го и начала XXI-го веков), являющихся объектом нашего внимания, речевая сфера персонажей настолько искусно стилизована под нехудожественную разговорную речь — как правило, в ее практически-обиходном варианте, — что даже у опытных исследователей нередко возникает иллюзия полной идентичности этих, принципиально отличных по своей сути, явлений.

Высказанные выше положения проиллюстрируем на материале одной из современных (опубликованной в 2011 году) пьес — произведения уже заслужившего известность автора **Егора Черлака** — с достаточно своеобразным названием: «Ипотека и Вера, мать ее» [6].

Название любого литературного произведения, драматургического в том числе, как известно, представляет собой одну из «сильных» для восприятия художественного текста позиций (позиций выдвижения, по терминологии И.В. Арнольд), концентрирующей в себе и тем или иным образом презентующей адресату смысл последнего. Название рассматриваемой пьесы, во-первых, явно ориентирует воспринимающую сторону на разговорно-просторечную коммуникативную сферу — за счет включенности в него выражения *мать ее*, которое можно истолковать как минимум двояко: обозначение родственных отношений между дочерью и матерью (первичное, прямое значение); несколько эвфемизированное грубо-просторечное выражение, чаще всего употребляемое в качестве ругательства (именно это значение можно расценивать как перспективное указание на стилистическую тональность собственно текста произведения, разворачивающегося за названием). Во-вторых, из названия неясно, в каком значении употреблено в данном выражении слово «ипотека», прямое значение которого («*Экон.* Ссуда, выдаваемая под залог недвижимого имущества; залог недвижимого имущества

под такую ссуду» [7. С. 397]) никак не связано с выражением родственных отношений, исходя из чего можно предположить, что в данном случае имеет место индивидуально-авторское осмысление используемой номинации. Это предположение подтвердится в процессе дальнейшего знакомства с пьесой — в конце первой композиционной части, § 1, — одна из героинь произведения, Вера, объяснит своему собеседнику значение данной номинации: слово употреблено в функции антропонима, имени ее новорожденной дочери: «*Ипотека! Правда же, красивое имя?*». Более того — Вера, мать Ипотеки, активно образует от этого антропонима, выбранного ею в качестве официального варианта имени для дочери, разного рода субъективно-оценочные формы: *Ипа, Ипочка, Ипка*, — что свидетельствует о полной освоенности ею этого, весьма необычного для экономического термина, характера его употребления.

Таким образом, уже в названии пьесы закладываются *проспективные* смыслы, которые могут быть «расшифрованы» адресатом лишь в процессе последующего знакомства с текстом произведения, а в полной мере осмыслены уже только после *ретроспективного* возвращения к этому композиционному компоненту, что, безусловно, является одним из способов придания драматургическому произведению, и в первую очередь его диалоговому пространству, текстового характера.

Впрочем, наиболее интересна и перспективна в исследовательском плане, безусловно, собственно композиционно-речевая зона персонажей — речевые высказывания действующих в пьесе лиц, которые, с подачи автора, пребывают в различных взаимоотношениях, будучи со- и противопоставленными друг другу.

Во второй из композиционных частей пьесы, которые названы автором не вполне традиционно — *параграфы* (в § 2), в частности, находим:

«В киоске пересменка. Позевывающая, с красными после бессонной ночи глазами Кристина сдает дежурство Вере, одновременно рассказывая ей содержание популярной телепередачи. Сверток с ребенком лежит на прилавке.

Кристина. И ты прикинь, эта дура толстая, ну, Анжела, она такая, и говорит...

Вера. Кому говорит?

Кристина. Ну, Саше говорит, кому же еще? Ты че, забыла, что она теперь с Сашей замутила?

Вера. А я думала, она с Самвелом... У нее же Самвел был.

Кристина. Ну, ты ваще... С баобаба, что ли, рухнула? Самвел — он когда был? А сейчас — Сашка. *(Открывает папку с пластиковыми файлами, листает.)* Вот, гляди. Пиво — пять ящиков привозили, три с половиной продала... Здесь — шоколадки, здесь чипсы, здесь — презики. Сигареты в другой накладной, сюда не влезли...

Вера. Разберусь... Ну и что она ему сказала?

Кристина. Анжела-то? Ой, ваще, умереть — не встать... она ему и говорит: «Я видела, как ты эсмэску Ленке писал». Прикинь! С таким понтом, знаешь, сказала: я, мол, видела... Помнишь Ленку? Ну, блонди такая, вся из себя, в последний раз в розовом топике все по студиям рассекала... Ну так вот. Анжела знает, что все парни от Ленки тащатся, ну и, понятно, ревнует Сашу к ней.

Вера. Ну, а он?

Кристина. А че он? Ясен пень, он тоже не архангел с перьями, он бы с ней не против... Но только у Ленки теперь Юра. А у Юры первый разряд. Он в прошлый раз ей такую сцену устроил — мама не горюй! Да ты помнишь, я тебе рассказывала, когда Ленка на вечеринке с Джоном медляк станцевала...» [6. С. 45].

Всего в пьесе Е. Черлака действуют четыре персонажа (немногочисленность действующих лиц — одна из характерных особенностей современной драматургии), между двумя из них («**Вера**, продавщица в круглосуточном киоске, 19—22 лет; **Кристина**, ее подруга и сменщица, постарше Веры») и разворачивается диалог, фрагмент которого приведен выше.

Данный фрагмент диалогической речи, как и диалог в целом, однозначно, даже с некоторой, как представляется, декларативностью, стилизован автором под *разговорно-бытовую* речь в ее наиболее сниженном (*разговорно-просторечном*) варианте, о чем свидетельствует обилие характерных речевых средств на разных текстовых уровнях. Наиболее показательными в этом плане ожидаемо являются уровни *лексико-фразеологический* и *синтаксический*, однако в выражении передаваемого смысла принимают участие и иные уровни текстовой структуры, в частности *композиционный*.

О значимости композиционного уровня для понимания вложенного в диалог содержания свидетельствует, к примеру, тот факт, что рассматриваемый диалог может быть адекватно воспринят лишь с учетом предваряющей его ремарки, из которой читателю становится ясно, что Кристина рассказывает Вере не о реально произошедших событиях, а о тех, что стали известны ей из телепередачи. Подобная зависимость содержания вербальной коммуникации от характера ситуации общения, как уже отмечалось, в большинстве случаев характеризует диалог нехудожественный, обиходно-бытовой; в драматургической же речи, помимо воплощения на композиционном уровне такого рода связности, соотнесенность данной ремарки с собственно высказываниями персонажей становится и одним из показателей текстового характера всего словесного пространства пьесы (включающего как композиционно-речевую зону персонажей, так и сферу проявления автора).

Изобилие сниженных — от литературно-разговорных до просторечных и жаргонных — слов и выражений является в данном диалоге (как и в пьесе в целом) одним из выразительных и весьма показательных средств речевой характеристики персонажей, прежде всего Кристины, реплики которой значительно пространнее, чем у ее собеседницы. Именно в речи Кристины сниженные лексические слова и выражения используются в весьма широком их диапазоне: это просторечия: *прикинь* — в значении ‘представь’; *чё* — синоним литературного «что»; *замутила* — в значении ‘вступила с кем-то в определенные отношения’; *ваще* — просторечный орфоэпический вариант литературного «вообще»; *рассекала* — в значении ‘ходила, расхаживала’; характерные для разговорной речи сокращенные наименования явно экспрессивного и экспрессивно-просторечного характера: *вечеринка*, *блонди* (‘блондинка’), *медляк* (‘медленный танец’) и др.; явно сниженного свойства фразеологизированные выражения: *с таким понтом* (‘с большим апломбом’), *с бабаба, что ли рухнула?* (в значении ‘утратила способность рассуждать здраво’), *умереть — не встать* (выражение сильного удивления); *ясен пень* (о чем-либо очевидном); *такую сцену устроил — мама не горюй!* (выражение сильного потрясения) и под.

Синтаксис приведенного фрагмента в плане сходства с разговорно-бытовой речью еще более показателен — по сути, все использованные в диалоге конструкции, в большинстве своем также принадлежащие Кристине, являются типичными для разговорно-просторечной сферы. Это односоставные и неполные предложения различных типов и видов; парцелированные и другие конструкции сугубо разговорного характера, многие из которых к тому же отличает выраженная эмоциональная окраска: *Самвел — он когда был?; А сейчас — Сашка; Анжела-то?; Прикинь!; Ну а он?; А чё он?; А у Юры — первый разряд* и под.

Используемые в диалоге речевые средства даже по небольшому его фрагменту позволяют составить достаточно определенное представление о типе языковой личности (далее — ЯЛ) одной из собеседниц — Кристины: это однозначно *усредненная*, явно тяготеющая к *просторечному* типу ЯЛ. Речевые проявления Веры в анализируемом фрагменте диалога представлены в значительно меньшей степени и в целом вполне соответствуют литературно-разговорной норме: *Кому говорит?; У нее же Самвел был; Разберусь...; Ну и что она ему сказала?*

Для характеристики Веры куда более показательным оказывается диалог из пятой композиционной части пьесы (§ 5), который — в чем, на наш взгляд, явно можно усмотреть один из *авторских принципов* организации диалога в пьесе — разворачивается в ситуации общения, аналогичной для уже описанного коммуникативного взаимодействия этих же персонажей. Подобного рода организация автором драматургического диалога — поочередное помещение разных персонажей в сходные коммуникативные ситуации, сопровождаемое и сменой их коммуникативных ролей, — создает весьма «благоприятную» ситуацию для сопоставления (выявления как сходств, так и отличий) не только их речевых характеристик, но и их ЯЛ в принципе. Реализованный драматургом подход к организации диалога в данном случае, безусловно, усиливает и его текстовый характер (как, впрочем, и драматургического дискурса в целом), способствуя восприятию адресатом речевых характеристик одной героини на фоне высказываний другой и тем самым актуализируя особенности речевых проявлений каждой из них. Приведем фрагмент из этого диалога с предваряющей его ремаркой:

«Утро. Киоск. Вера передает смену Кристине. Кристина явно чем-то взволнована, товар принимает невнимательно, похоже думает о чем-то другом. Вера одной рукой перекладывает прозрачные файлы с накладными, другой — покачивает лежащий на прилавке сверток с ребенком.

Вера (*насутившись*). Джин-тоник в этой папке, пиво и минералка в этой... Мелочевку — семечки, прокладки, жвачку — я в тетрадку записала. Вот, с обратной стороны... (*Листает тетрадь*.)

Кристина. Да, ладно, разберусь... Как смена?

Вера. Да ничего, бывает хуже... Как обычно... А, вот — открывашку у меня стырили.

Кристина. Опять?

Вера. Ну... Дедок какой-то вечером постучал, часов в одиннадцать. Бутылку крепкого спросил. Я подала, а он такой: «А открыть, дочка!» Ну, я открывашку на прилавок положила, сама к Ипе отвернулась. На пять сек — буквально. Оборачиваюсь — ни деда, ни открывашки...

Кристина. Вот гандо... льеры, блин! Чё за народ ваще?.. Четвертая уже.

Вера. Если не пятая... Ты чего опоздала-то? У нас с Ипкой прием у педиатра через час.

Кристина. Ну, извини, извини, солнышко... (*Обнимает Веру.*) Закуролесила вчера на радостях... (*Сладко потянувшись, виновато улыбается.*) говорил же Валерик, что шампанское после водки нельзя...» [б. С. 51].

В данном диалогическом фрагменте пространственно несколько преобладают реплики Веры, в которых использованы речевые средства, практически совпадающие по своим характеристикам с лингвистическими маркерами речевого портрета ее подруги-напарницы. Это обилие сниженных (разговорных и просторечных) слов и выражений: *мелочевка, открывашка, дедок, на пять сек* (в значении ‘на пять секунд’) и под. разговорные лексические единицы; просторечное *стырили* и т.д. На синтаксическом уровне в речи Веры, так же, как и у Кристины, преобладают разговорно-просторечные синтаксические конструкции (различные виды односоставных и неполных предложений; слово-предложение и др.): *Да ничего, бывает хуже...; Как обычно...; А, вот — открывашку у меня стырили; Ну...* (в значении согласия с собеседником); *На пять сек — буквально; Оборачиваюсь — ни деда, ни открывашки...* и другие.

Речевые характеристики обеих женских персонажей пьесы, таким образом, демонстрируют явную близость по многим параметрам, что обуславливается не только авторским отбором для их формирования лингвистических средств, сходных по семантике и стилистической маркированности (явно сниженной, в диапазоне от разговорной до просторечно-жаргонной, с вкраплениями в том числе и лексики бранной — ср., например, третью реплику Кристины во втором фрагменте), но и использованием драматургом практически идентичных принципов для организации в рамках драматургического дискурса отобранного языкового материала. Помимо уже отмеченной особенности (сходство коммуникативных ситуаций, в которых разворачиваются диалоги этих персонажей, с переменой их коммуникативных ролей), об этом свидетельствует и то, что и Вера, и Кристина проявляют себя в пьесе не только в собственно диалогической речи, но и в весьма пространственных *монологических высказываниях* обращенного характера: высказываниям такого рода каждой из них в пьесе отводится по отдельной композиционной части (у Веры это § 4, у Кристины — § 11, завершающий произведение). Примечательно, что состав и стилистическая тональность наполняющих монологи языковых средств практически аналогичны используемым в диалогах этих персонажей, однако монологические композиционные фрагменты, будучи значительно более развернутыми, чем высказывания в диалогах, существенно дополняют и углубляют представление об их речевых портретах: в монологических формах речевые характеристики представлены в более «сгущенном» и соответственно текстово-системном виде. Приведем в подтверждение фрагмент из монолога Веры:

«Вера у себя дома — в комнатке, которую она снимает у какой-то бабули. ... Сверток с ребенком лежит на кровати. Вера, в халате и шерстяных носках сидит на полу. Вокруг нее разложены многочисленные газетные вырезки, рекламные проспекты, листовки, фантики...»

Вера. Так, вот эти, от «кириешек», сюда. У них акция только через два месяца кончается. Успею еще подсобрать... (*Читает на оборотной стороне упаковки.*) «В акции имеют право принимать участие граждане РФ, достигшие...» Так... Вот... Призовой фонд рекламной акции включает в себя сто дорожных сумок, пятьдесят наручных часов, двенадцать музыкальных центров. Главный приз снегоход... (*В сторону кровати.*) слышишь, Ипочка, снегоход! (*Напевает.*) Снегоходик, снегоходик, снегоходичек... (*Бережно складывает пакетики из-под сухариков в специальный конверт.*) А вот эти уже скоро... (*Подвигает к себе пустые сигаретные пачки, читает.*) «Акция носит рекламный характер и призвана...» Ага... «Главный приз — романтическое путешествие на остров Родос на двоих...» На Родос какой-то... Стопудово, где-то за границей. Значит, дорогое... Так. Тут до двадцать пятого требуется прислать. Ого! Завтра уже надо руки в ноги и на почту бежать... (*Подходит к кровати, приоткрывает краешек одеяла, в которое завернута дочь.*) Полежишь завтра полчасика одна? А, доча? Ты же у меня умница, да же? А мамка на почту — и обратно. Надо дяденькам в Москву штрих-коды от пачек выслать. Представляешь, у твоей мамки этих штрих-кодов — на триста десять очков. Мамка это романтическое путешествие за не фиг делать выиграет... (*Целует ребенка, снова садится на пол.*) [б. С. 49—50].

Формальным адресатом монолога Веры является ее новорожденная дочь — именно к ней она обращается, рассказывая о своих планах на дальнейшую жизнь; однако реально данный монолог является обращенным только по форме, по сути это автокоммуникативное высказывание, включающее множество интертекстуальных вкраплений из различных рекламных текстов. Кстати, эти вкрапления явно диссонируют с речью самой Веры, поскольку по своим языковым особенностям они в основном ориентированы на литературную норму; речи же Веры, как и в приводимых ранее диалогах, присуща разговорно-просторечная стилистическая тональность.

Монолог Кристины произносится во время разговора по телефону с Верой, однако читателю ничего неизвестно о речевых реакциях последней, хотя некоторые из них он может сконструировать, опираясь на реплики Кристины. Влияние коммуниканта-партнера на произносимое его собеседником, таким образом, безусловно, существует, но о характере этого влияния адресат пьесы может судить лишь по вербально воплощаемым реакциям Кристины, примерно представив их смысл и форму:

«Комната, напоминающая торговый склад. И справа, и слева, и даже сзади видны бесконечные ряды стеллажей. ...»

Кристина вполголоса считает товар на полках, записывает результаты подсчетов в тетрадь, иногда оглядывается на телевизор, следит за передачей, затем возвращается к своим подсчетам.

Ее занятие прерывает звонок мобильного телефона.

Кристина (*нажимая кнопку*). Алё. Привет-привет провинциалам! Как вы там?.. Ну и ладушки. Рада... Как Ипка? Растет? Мамке, наверное, уже скоро в киоске помогать начнет... В садик-то ходите?.. Да ты чё! (*Смеется.*) Не-е, Вер, на майские не смогу, полный закрут. Я ж тебе говорила, что из того проекта ушла. А чё: по центральным каналам не показывают, рейтинг так себе, гонорары в баксах, а не в евро... Отстой! (*Подходит к телевизору, ногой пинает выключатель, экран гаснет.*) Не-е, я сейчас в другом шоу... Да ты не знаешь, это новый проект, пока еще только пилотные

выпуски снимаем... Да... Не скажу название, мне тыкву намнут, если проболтаюсь... Пашем сутками, Вер, как лошади Пржевальского. Но зато и бабки реальные...» [6. С. 57].

Из приведенного фрагмента очевидно, что монологическое высказывание лишь подтверждает уже сложившееся ранее у читателя представление о речевом облике этого персонажа, дополняя и словно бы подытоживая его: обрывание монолога Кристины завершает диалоговую часть пьесы, а следующей за высказыванием Кристины ремаркой завершается и все произведение. В лингвистическом наполнении и композиционном оформлении монологических высказываний обеих героинь пьесы, на наш взгляд, также достаточно отчетливо просматривается общность авторских принципов представления их читателю: каждый из монологов занимает в пьесе отдельную композиционную часть (§); в каждом параграфе этому высказыванию предшествует довольно пространная ремарка, в которой сообщаются сведения экстралингвистического свойства, весьма значимые для адекватного восприятия следующих за ремаркой речевых структур. Так, именно из ремарок читатель узнаёт о том, что события, о которых говорят героини, не имеют никакого отношения к реально с ними происходящему: Вера надеется в будущем решить все свои жизненные проблемы при помощи успешного участия во всевозможных рекламных акциях, а Кристина в разговоре с подругой рассказывает не о том, что происходит с нею в действительности, а о «своей» вымышленной жизни (о том, как она, по ее представлениям, должна была бы жить), выдавая этот вымысел за реальность.

Анализируя авторское отношение к женским персонажам пьесы — в частности устанавливая, какими функциями (и с какой целью) наделяет их в пьесе драматург, на наш взгляд, справедливо заключить, что этих действующих лиц можно квалифицировать в данном драматургическом дискурсе как «сообщников» (воспользовавшись выражением Э.Я. Кравченко). В женских персонажах средствами драматургии (преимущественно — лингвостилистическими, введенными в драматургический диалог) с высокой степенью психологической точности образно конкретизирован один из характерных для современного этапа развития общества тип ЯЛ: это ЯЛ, «балансирующая» между несколькими разновидностями данной категории, свидетельствующими о невысоком уровне владения языком их носителями. Представляется, что точнее всего данную разновидность ЯЛ определить как промежуточный вариант между *усредненной* и *просторечно-жаргонизирующей* ЯЛ.

Означенный тип ЯЛ, в свою очередь, присущ, как правило, весьма распространенному социальному типу современности: индивидууму с невысоким общекультурным уровнем и аналогичным уровнем речевой культуры; занимающему весьма непрестижные должности — в основном, в сфере обслуживания; активно «потребляющему» рассчитанный на массовую аудиторию рекламный продукт, в результате чего в его сознании укоренилось представление о возможности «чуда», которое может кардинально изменить его жизнь (позволит в результате какого-либо невероятного денежного выигрыша мгновенно решить проблемы с жильем и под.). Думается, что выбор именно женских образов для демонстрации в пьесе означенного типа ЯЛ тоже не случаен: во-первых, чаще всего именно

женщины являются работниками сферы обслуживания, и торговли в частности; во-вторых, женщины в большей степени склонны принимать на веру все рекламные «мифы» о быстром обогащении и прочих достигаемых при помощи удачного стечения обстоятельств благах.

Достаточно существенное место в семантико-композиционной структуре пьесы автор отводит и двум другим персонажам, что проявляется в выстраивании определенных соотношений между их речевыми портретами: **Ярослав Игоревич**, представленный в списке действующих лиц как «следователь по не особо важным делам», является своего рода морально-нравственным антиподом женских и второго из мужских персонажей (**Алика**). Его речевые проявления позволяют судить об этом действующем лице как о значительно более состоятельной ЯЛ, нежели все его собеседники: при общей ориентации на литературную норму он также демонстрирует в своей речи гибкость и уместность, в том числе и прибегая к различным стилистическим регистрам в зависимости от ситуации общения, статуса адресата и т.д.

Однако анализ взаимоотношений между речевыми проявлениями женских и мужских персонажей пьесы Е. Черлака в аспекте наделения каждого из них конкретными функциями в русле воплощения в произведении авторской позиции заслуживает, с нашей точки зрения, отдельного рассмотрения.

Заключение

Таким образом, драматургический диалог в пьесах современного периода может быть, с нашей точки зрения, адекватно проанализирован в аспекте выполнения им эстетической функции лишь с учетом всего комплекса свойств, выявляющихся в пространстве художественного драматургического дискурса: установление и описание принципов, по которым организуется автором собственно общение персонажей, их речевое взаимодействие в диалогической форме и/или в форме полилога; рассмотрение особенностей монологических высказываний в структуре драматургического диалога, характер их соотносительности с диалоговыми структурами; выявление характера корреляции элементов драматургического диалога (в том числе и монологических его фрагментов) со сферой речевого проявления автора в пьесе (прежде всего с ремарочным пластом, но также и с другими компонентами «рамочного» пласта), обусловившей композиционное оформление драматургического дискурса.

Такой подход позволяет более явственно продемонстрировать как *текстовый* характер диалога в пьесе, так и его *апеллятивно-действенную* значимость, в значительной степени формируемые семантико-стилистическими и иного рода подтекстовыми смыслами, а также ассоциативными связями, возникающими между элементами (отдельными репликами, их блоками и под.) драматургического диалога и других композиционных частей произведения драматургии (ремарочного пласта и т.д.).

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 15.06.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 15.06.2019

Библиографический список

1. *Кожина М.Н., Баженова Е.А.* Художественный стиль речи (художественно-изобразительный, художественно-беллетристический) // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 594—608.
2. *Хализев В.Е.* Драма // *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Коженикова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 99—101.
3. *Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.* Разговорная речь и художественный диалог // *Лингвистика и поэтика*. М.: Наука, 1979. С. 188—199.
4. *Кравченко Э.Я.* Диалог (диалогическая речь) // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 56—57.
5. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика художественного текста // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 157—162.
6. *Черлак Е.* Ипотека и Вера, мать ее. *Неоконченное дело в одиннадцати параграфах* // *Современная драматургия*. 2011. № 2. С. 43—58.
7. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.

Research article

УДК 81'373:82-2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686

About the Originality of the Manifestation of the Aesthetic Function in Modern Dramatic Discourse

Irina. P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovskiy Avenue, 33, Vitebsk, Republic of Belarus, 210038

Abstract. The article focuses on one — the key, in the author’s opinion — aspect of the analysis of the modern dramatic work, which allows to demonstrate the peculiarities of the aesthetic function in the works belonging to this literary genus: the consideration of the principles of the organization of the playwright of the compositional and speech zone of the characters. It is this part of the dramaturgic discourse, leading in the content-conceptual plan and prevailing in the spatial relation, that is seen as the most significant for the interpretation of the play as a fact of verbal art with the unconditional consideration of the syncretic character of dramaturgic form.

The relevance of this topic is due to the fact that, despite the significant success of modern philology in the study of the specifics of artistic speech, dramatic speech is still the least studied of its sphere.

The purpose of research — analysis of dialogical spheres of contemporary plays versus not artistic dialogue and partly as a dialogue in prose, allowing you to set the number of features forming the identity of contemporary dramatic dialogue speech.

The material for the observations was the play of the modern author E. Cherlak «Mortgage and Vera, her mother» (2011). In the interpretation of the materials used methods: observation, compositional, contextual and semantic-stylistic analysis.

In addition, the conducted observations suggest that the analysis of the manifestations of aesthetic function in the works of drama should be carried out taking into account the textual nature of this compositional and speech sphere, as well as paying special attention to the author's principles of its system organization, since this approach helps to identify not only the distinctive characteristics of dramatic speech, but also the features of the individual author's handwriting of the playwright.

Key words: aesthetic function, artistic dialogue, dramatic discourse, character, compositional-speech zone, speech systematic

References

1. Kozhina, M.N. & Bazhenova, E.A. (2003). Artistic style of speech (artistic-figurative, artistic literature) In *Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 594—608. (In Russ.).
2. Halizev, V.E. (1987). Drama In *Literature Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet encyclopedia. pp. 99—101. (In Russ.).
3. Polishhuk, G.G. & Sirotinina, O.B. (1989). Colloquial speech and artistic dialogue In *Linguistics and poetics*. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 188—199. (In Russ.).
4. Kravchenko, Je.Ja. (2008). Dialogue (Dialogic speech) In *Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant*. Moscow: Kulagina's Publishing House; Intrada. pp. 11—14. (In Russ.)
5. Bolotnova, N.S. (2003). Communication literary stylistics In *Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 157—162. (In Russ.)
6. Cherlak, E. (2011). Mortgage and Vera, her mother. Unfinished business in eleven paragraphs, *Modern drama*, 2. 43—58. (In Russ.)
7. Kuznetsov, S.A. (2008). *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint publ. (In Russ.).

Для цитирования:

Зайцева И.П. О своеобразии проявления эстетической функции в современном драматургическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 3. С. 673—686. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686.

For citation:

Zaitseva, I.P. (2019). About the originality of the manifestation of the aesthetic function in modern dramatic discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 673—686. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-673-686.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; *научные интересы*: исследование художественных дискурсов разных жанров; коммуникативная лингвистика и коммуникативная стилистика художественного текста; лингвокультурные проблемы перевода; *e-mail*: irinazaj91@mail.ru. SPIN-код: 5964-9507. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4659-0929>.

Information about the author:

Irina P. Zaitseva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of World Languages of Vitebsk State University named after P.M. Masherov; *Research Interests*: originality of the artistic discourses of different genres, communicative linguistics and communicative stylistics of a literary text; linguistic and cultural problems of translation; *e-mail*: irinazaj91@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4659-0929>.

Научная статья

УДК 811.111'373.612.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-687-699

Компонентный анализ как микросистема фундаментальных смыслов в произведении У.С. Моэма «THEATRE»

Л.Я. Козлова

Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского
Ждановская ул., 13, г. Санкт-Петербург, Россия, 197198

Целью данного исследования было выявление фундаментальных смыслов в произведении «Theatre» выдающегося британского писателя и драматурга У.С. Моэма. В работе использован концептуальный анализ вербально-семантического и когнитивного уровня языковой (речевой) личности главной героини Джулии Ламберт, с привлечением компонентного анализа лексикографических источников.

Компонентный анализ выявленной ЛСГ слов, репрезентирующих концепт «театр», продемонстрировал микросистему смыслов, имеющих в своем фундаменте два основных: ЛЕ/ЛОЖЬ, относящийся к концептосфере театра — TRUTH/ПРАВДА, имеющий отношение к концептосфере реальности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальный анализ, компонентный анализ, фундаментальные смыслы, микросистема

Введение

Данная работа выполнена на пересечении когнитивной лингвистики, лингвистической семантики, лингвокультурологии, дискурсологии. Изучение метафоры старо, как мир, и, очевидно, она всегда привлекала исследователей как феномен, поражающий своей исключительностью. Несмотря на многостороннюю изученность, лишь в конце 20 века направления исследования сменили свой ракурс, и метафора стала рассматриваться как ментальный процесс, как механизм познания. С этой точки зрения настоящий труд представляется своевременным, вносящий посильный вклад в исследование как лингвокультурного концепта, так и концептуальной метафоры в художественном дискурсе с целью выявления глубинных смыслов, заложенных автором. Основопологающей работой по теории концептуальной метафоры является 'Metaphors We Live By' Д. Лакоффа и М. Джонсона, которые предположили, что метафора от природы присуща человеческому мышлению и познанию, и само человеческое мышление метафорично уже по своей сути [1]. В современной когнитивной лингвистике метафора рассматривается как один из основных когнитивных механизмов познания, структурирования и объ-

© Козлова Л.Я., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

яснения окружающего мира. Поскольку метафоризация основана на ассоциативных связях в пределах человеческого опыта, то создающиеся метафоры заимствуют лексические средства и смыслы из сфер, в основе которых лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности (сферы-доноры). Для процесса метафоризации необходим второй элемент — сфера-мишень (новая понятийная область).

«Концептуальная метафора (англ. Conceptual metaphor) — один из важнейших когнитивных механизмов, основанный на установлении связей между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (доменам)» [2].

В зарубежной лингвистике начало изучению концептуальной метафоры положили Д. Лакофф и М. Джонсон, П. Чилтон, М. Тернер, Ж. Фоконье, Д. Греди, Б. Шпельман [1, 3, 4] и другие. Наиболее известными отечественными исследователями концептуальной метафоры являются А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов [5—7].

Обзор различных теорий и направлений исследования метафоры в когнитивной лингвистике представлен в научных трудах Э.В. Будаева, А.П. Чудинова [7], С.В. Киселёвой [8], Л.Я. Козловой [9], З.Д. Поповой, И.А. Стернина [10], Т.Г. Скребцовой [11] и др.

Определенная степень новизны представленного исследования заключается в попытке соединения компонентного анализа лексической семантики и концептуального анализа. Как отмечает А.Н. Баранов, многие традиционные проблемы лингвистической семантики получают совершенно иное осмысление в рамках когнитивного подхода. Использование когнитивных моделей в лингвистической семантике дало возможность перейти от стратегии описания языкового материала к стратегии объяснения [5]. Актуальность используемого нами авторского подхода заключается в том, что соединение концептуального и компонентного анализа позволяет выявить глубинные смыслы художественного произведения, которые неочевидны.

Целью данного исследования было выявление фундаментальных смыслов в художественном дискурсе на материале произведения «Theatre» выдающегося британского писателя и драматурга У.С. Моэма (25.01.1874—16.12.1965).

Уильям Сомерсет Моэм был одним из наиболее авторитетных писателей своей эпохи. Его стиль пользовался популярностью за простоту и весьма точное и верное изложение человеческой природы. Уникальность творчества У.С. Моэма наложила отпечаток на произведения таких писателей, как Ян Флеминг и Джордж Оруэлл. Произведение «Театр» было написано в 1937 году, когда Моэм был уже оформившимся писателем.

Понятийно-терминологический аппарат

Как отмечает С.А. Шишкина, «изучение концепта — это путешествие вглубь мышления» [12. С. 37], это универсальная задача и она не может иметь единого, подходящего для всех типов исследований решения. В настоящее время в отечественной лингвистике существует несколько десятков определений концепта,

базирующихся на разных основаниях. Для нас важно то, что концепт воспринимается как «комплексное, многомерное социопсихическое и, в случае лингвокультурного подхода, культурно значимое образование, соотносимое как с коллективным, так и с индивидуальным сознанием» [Там же. С. 37].

Одним из первых в мировой лингвистике термин «концепт» употребил и описал еще в 1928 г. в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдов-Алексеев, предложивший понимать под концептом «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [13. С. 269]. В этом определении, очевидно, просматривается то, что сейчас мы называем понятием.

Академик Д.С. Лихачёв считал **концепт** «обобщенной мыслительной единицей, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов» [14. С. 3—9]. Обобщенно **концепт** можно определить как «пучок» всех представлений, ассоциаций, знаний, оценок, эмоций и переживаний человека относительно какого-либо опыта (явления, действия, процесса, предмета, объекта), которые существуют в сознании человека или в его ментальном мире. Концепт в языке может быть вербализован или невербализован.

Концептосфера — это совокупность концептов языковой личности. Под **концептуальной** (непосредственной, прямой, когнитивной, ментальной) **картиной мира** или концептосферой понимается «картина, формирующаяся в результате непосредственного познания (восприятия, осмысления) мира человеком и включающая как содержательное, концептуальное знание об окружающей действительности, так и совокупность стереотипных представлений (ментальных стереотипов) народа, которые обуславливают понимание тех или иных явлений действительности и определяют его поведение в определенных стереотипных ситуациях» [10. С. 4—5].

В традиционной риторике и впоследствии в лингвостилистике метафора понимается как троп, как средство создания экспрессивности в речи. В когнитивной лингвистике метафоризация рассматривается как способ познания и объяснения мира и операция, совершаемая человеческим сознанием. «Концептуальная метафора — ментальная операция, способ познания и объяснения мира» [2].

Человек не только обозначает новое знание через старое, не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами. Как отмечает В.А. Маслова, «язык создает возможности для упорядочения и систематизации в памяти множества знаний для построения характерной для каждого данного этнокультурного коллектива языковой картины мира» [15: 11]. По мнению Д. Лакоффа, метафоры пронизывают всю нашу повседневную жизнь и проявляются не только в языке, но и в мышлении и в действии. Метафоры существуют в самой понятийной системе человека.

«**Метафорическая модель** — это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую

можно представить определенной формулой: 'X — это Y'. Например, Политическая деятельность — это война... Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: 'X подобен Y', Политическая деятельность подобна войне» [7. С. 64]. Таким образом, если лексема изымается из субсферы «Война» и при метафорическом переносе описывает концептуальную сферу «Политика», то реализуется метафорическая модель «Политика — это война».

В нашей работе используется конструкт языковой личности, разработанный Ю.Н. Карауловым: «Структура **языковой личности** представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную „картину мира“, отражающего иерархию ценностей...; 3) прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [16. С. 5].

Языковая личность с позиции лингводидактики трактуется как многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей [17. С. 20; 29]. **Речевая личность** — это языковая личность в парадигме реального общения. В этом случае речевая личность — набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками данной ситуации общения: ее коммуникативными целями и задачами, ее темой, нормой и узусом, ее этнокультурными, социальными и психологическими параметрами.

Под **системой** в общенаучном плане обычно понимается организованная, упорядоченная совокупность элементов известного целого (ср. греч. *sistema* — целое, составленное из частей; соединенное). В специальной лингвистической литературе данное понятие определяется как «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» [18], «внутренне организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [19], «такое закономерное объединение частей в одно целое, в котором каждая занимает определенное место, обусловленное их взаимной связью» [20], «такая совокупность единиц, в которой каждая единица определяется всеми остальными единицами» [21].

Материалы и методы

Данное исследование проведено на материале художественного произведения [22]. Объектом исследования является художественный дискурс. Рассмотрим понятие дискурса. «**Дискурс** — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное

социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь» [23. С. 137].

Под **художественным дискурсом** мы, вслед за Т.Б. Самарской, предлагаем понимать «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, личные знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить «духовное пространство» человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» [24].

Концептуальный анализ (КА) — это метод экспликации концептов, базирующийся на анализе данных лексикографических источников. КА — это поиск корреляции «между лингвистическими структурами текста и структурами представлений его автора» [25. С. 398]. В нашей работе концептуальный анализ нацелен на выявление фундаментальных смыслов произведения «Theatre», репрезентируемых в концептосфере главной героини Джулии Ламберт, с привлечением компонентного анализа лексикографических источников.

Компонентный анализ — метод семантического анализа слов, основанный на выделении компонентов их значений, который признается «одним из наиболее общепризнанных и универсальных способов лингвистического исследования» [26. С. 6]. Наличие общих сем, их повторяемость в значениях разных слов делает эти слова соотносительными по смыслу. В работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина [10. С. 120—121] приводится алгоритм полного компонентного анализа, который был использован в измененном виде. Сначала мы выделили в речи Джулии и в лексико-семантическую группу слов, относящуюся к концептосфере «театр». Затем в толковом словаре была найдена дефиниция каждого слова, и в ней выделены отдельные семы. Далее составлен общий список сем, встретившихся в дефинициях слов данной лексико-семантической группы, и построена таблица семного состава слов анализируемой группы. В каждом анализируемом значении отметили знаками + наличие сем. Таблица здесь не приводится ввиду своей громоздкости.

Результаты

Первоначально была сформулирована гипотеза, что в названии произведения использована концептуальная метафора, которая должна репрезентироваться в концептосфере его главной героини. На первом этапе работы была выделена лексико-семантическая группа слов и выражений, репрезентирующих концепт «театр» и относящихся к языковой (речевой) личности главной героини Джулии Ламберт (рассмотрен вербально-семантический уровень). Были соотношены два плана произведения — прямой и переносный (образный), и на основании одного из важнейших тезисов когнитивной лингвистики, состоящего в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, среди лексических средств, репрезентирующих концепты в языке, мы выделили метафору.

На 2 этапе проведен компонентный анализ семного состава ЛСГ “theatre” и выявлена микросистема фундаментальных смыслов данной метафорической

модели. Мы вывели, что в данном романе красной нитью проходит метафорическая модель «Реальность — это театр» — “Reality is theatre”; (Reality is the world of make-believe).

Главная героиня романа, выдающаяся актриса Джулия Ламберт, замужем за Майклом Госселин, который также работает в театре, но актер весьма посредственный. У них есть сын Роберт, студент. Спустя несколько лет после своего замужества Джулия понимает, что она разлюбила своего мужа. Встретив молодого клерка, Томаса Феннела, она влюбилась в него. Джулия предпринимала все меры, чтобы ничего ему об этом не говорить. Однако она также сделала все возможное, чтобы привязать его к себе.

Автор выстраивает два концептуальных плана — план реальности и план театра. Д. Ламберт живет в двух измерениях, которые она реально ощущает. С одной стороны, Джулия ощущает себя женщиной, но это для нее второстепенно, это — тень (woman — shadow). С другой стороны, она осознает в себе другую бестелесную личность, некий дух, который она воспринимает как свою сущность — (talent, gift, immaterial personality, spirit that played on her body — substance). В данном примере прослеживается вторая — перевернутая метафорическая модель — «Театр — это реальность (Theatre is Reality)», в которой реализуется представление Д. Ламберт о театре как о единственной для нее реальности.

В романе можно найти всего несколько случаев, когда Джулия была самой собой: а) в сцене с Джимми Лэнгтоном, руководителем театра, которого она обзывала, не стесняясь в выражениях; б) будучи в мрачном настроении, грубо ругалась со своей служанкой. В остальных жизненных ситуациях Д. Ламберт всегда играла роль. Так, при встрече с родителями своего будущего мужа Джулия играла роль простой, скромной девушки, которая живет простой деревенской жизнью. «Haven't I been **giving a perfect performance** of the village maiden for the last 48 hours?» [22. С. 45]. «It was a **put-up job**» [22. С. 46] (an event or situation that has been **secretly planned** in order to **trick** someone) [27. С. 1150].

В другом случае, когда Майкл, ее муж, собрался ехать работать в Америку, Джулия собрала все свои силы, чтобы не показать Майклу своих оскорбленных чувств, глубокой обиды. «She **never let him see** for a moment that she was hurt» [22. С. 45]. «She must **pretend** that she was delighted as he was» [22. С. 46].

Даже в разговоре со своим мужем она никогда не была самой собой. Разлюбив Майкла, она не сказала ему об этом и продолжала ему льстить. «She realised that it would be a bitter blow to his pride if he ever had an inkling **how little he meant** to her. She continued **to flatter** him» [22. С. 75]. Иногда Д. Ламберт даже ловила себя на мысли, что она произносит не просто слова, а реплики какой-то роли. «What play did I say that in?» [22. С. 159].

Жестикуляция актрисы в обыденной жизни также является искусственной, театральной. Все, что ее волнует — это произвести впечатление. (При встрече со своим любовником Томом): «It needed **a gesture**» [22. С. 102]. «She was **making a wonderfully good impression**» [22. С. 58].

Степени притворства Д. Ламберт менялись в зависимости от ситуации, в которой она находилась. В некоторых случаях притворство и лицемерие переходили

все границы. Так произошло при разговоре Джулии Ламберт с ее подругой Долли, не одобрявшей ее связи с Томом, которая проявлялась в их совместных вечеринках на глазах у всех. «Their hearts were **black with hatred**, but Julia **still smiled**» [22. С. 184]. Джулия поклялась Долли, что она говорит «чистую правду», хотя это была нечистая и отвратительная ложь. «Her voice had a **true ring of sincerity**. I give you my **solemn word of honour** that Tom has never been anything to me than just a friend» [22. С. 184].

Концептуальная метафора — «Реальность — это театр» реализуется лексико-семантической группой слов, семантическим ядром которой является лексема *theatre* (*make — believe*), вокруг которых концентрируются другие лексемы с денотативным компонентом, обозначающее притворство, неискренность, фальшь, ложь, стремление скрыть свои истинные мысли, намерения, слова. Данная лексико-семантическая группа слов входит в концепт *theatre* (*make—believe*) (представлена на схеме 1).

- 1) “**Make-believe** — the activity of **pretending** that something **is real** or that situation is better than it really is” [27. С. 865].
- 2) **Pretence** — An attempt to make something that is **not** the case **appear true**.
 - 1.1. A **false display** of feelings, attitudes, or intentions.
 - 1.2. *mass noun* The practice of inventing imaginary situations in play.
 - 1.3. *mass noun* Affected and ostentatious speech and behaviour.
- 3) **Pretend** — to behave **as if something is true** when you know that it is not, especially in order to deceive people or as a game [28].
- 4) **exhibitionism** (DISAPPROVING) — Extravagant behaviour that is intended to **attract attention** to oneself.
- 5) **Insincerity** — The quality of **not expressing genuine** feelings. The action or practice of pretending to feel something that you **do not really feel, or not meaning** what you say [28].
- 6) **Fake** — **Not genuine**; imitation or counterfeit.
 - 1.1. (of a person) claiming **to be** something that one is **not**.
An object that is made **to look real** or valuable in order to deceive people:
- 7) **Sham** — A thing that **is not** what it is purported **to be**. Something that is not what it **seems** to be and is intended to deceive people, or someone who **pretends** to be something they **are not** [28].
 - 1.1. *mass noun* Pretence. A person who **pretends** to be someone or something **they are not**.
- 8) **flatter** — lavish praise and compliments on (someone), often **insincerely** and with the aim of furthering one's own interests.
 - 1.1. Cause (someone) to feel honoured and pleased.
 - 1.2. **flatter oneself** Choose to believe something favourable about oneself, typically when this belief is **unfounded**.
 - 1.3. Give an **unrealistically** favourable impression of.
 - 1.4. To praise someone in order to make them feel attractive or important, sometimes in a way that is **not sincere**: [28].
- 9) **To act** — 1) **to perform a part** in a film, play, etc. 2) **to behave in a particular, usually bad, way** [28].

К каждому слову данной ЛСГ были рассмотрены синонимы. Так, например, синонимами **pretence** являются: **make-believe**, **act**, **acting**, **dissembling**, **shaming**, **sham**, **faking**, feigning, self-deception, **play-acting**, posturing, posture, posing, pose, cant, attitudinizing, **false show**, semblance, affectation, **false appearance**, **impression**, image, **false front**, guise, colour, facade, **display**, charade, **pretext**, **false excuse**, guise, **sham**, и ряд других. Жирным шрифтом выделены ключевые слова, которые, так или иначе, повторяют значения или семы всех выделенных лексем данной ЛСГ.

Таким образом, лексема theatre связана с лексемой make-believe через семы (=acting, performing); лексема make-believe, в свою очередь, соотносится с лексемой pretence через семы (=pretending, false display). Pretence связана с insincerity семой (=not expressing genuine feelings); лексема insincerity соотносится с лексемой sham семой (=pretend) и fake (=not genuine). Во всех случаях фундаментальным смыслом является NOT TRUE (неправда), то есть LIE ложь. **To lie** — (speak falsely) — to say or write something that is **not true in order to deceive** someone [28].

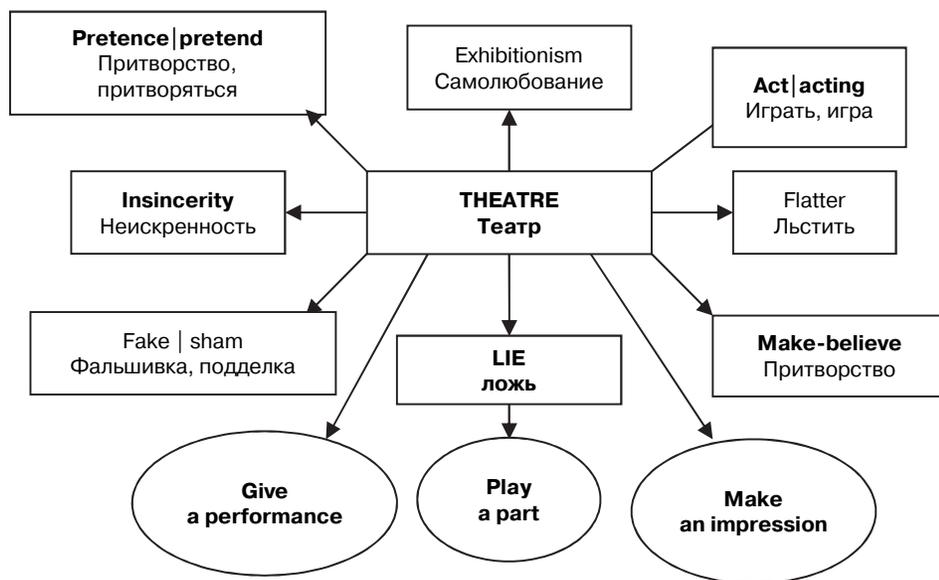

Рис. 1. Лексико-семантическая группа слов, репрезентирующих концепт «театр» /
 Figure 1. Lexico-semantic group of words representing the concept "theatre"

С другой стороны, в данном романе метафорическая модель «Реальность — это театр» — «Reality is theatre» переплетается с противоположной метафорической моделью «Театр — это реальность» — «Make-believe is a reality». Эта метафорическая модель актуализирована в кульминационной речи Джулии в заключительной 29 главе. Данная концептосфера характерна для внутреннего мира Джулии Ламберт: «Публика — это инструменты, на которых играют актеры». «Публика — это тени». «Актеры — это сущность, которая наполняет тени». «Актеры — это символы (символы реальны)». «Слова — это реплики из пьес». «Реальные жесты — это жесты героинь из пьес».

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Гипотеза подтверждена: в названии произведения использована концептуальная метафора «Реальность — это театр» и ее перевернутый вариант «Театр — это реальность», которая репрезентируется, в основном, в концептосфере главной героини произведения Джулии Ламберт.

2. В данном произведении прослеживаются два концептуальных плана (КП) — КП план реальности и КП план театра.

3. Концептуальная метафора — «Реальность — это театр» реализуется лексико-семантической группой слов, семантическим ядром которой является лексема *theatre* (*make — believe*), вокруг которых концентрируются другие лексемы с денотативным компонентом, обозначающее притворство, неискренность, фальшь, ложь, стремление скрыть свои истинные мысли, намерения, слова, чувства.

4. Просматривается раздвоение личности главной героини Джулии: с одной стороны, существует ее человеческая, женская природа, но она настолько подавлена, что ощущается ею как тень (*woman — shadow*). С другой стороны, ее актерский талант — это некая духовная сущность, которая использует ее тело для своего самовыражения (*talent — immaterial personality/ spirit that played on her body — substance*).

5. Перевернутый вариант концептуальной метафоры данного произведения «Театр — это реальность» актуализирован в кульминационной речи Джулии в 29 главе: «Публика — это инструменты, на которых играют актеры». «Публика — это тени». «Актеры — это сущность, которая наполняет тени». «Актеры — это символы (символы реальны)». «Слова — это реплики из пьес». «Реальные жесты — это жесты героинь из пьес».

6. Результаты концептуального и компонентного анализа вербально-семантического уровня языковой (речевой) личности главной героини Д. Ламберт показали внутренне организованную совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных сем концепта «*theatre*». Микросистема фундаментальных смыслов концепта «*theatre*»:

Theatre (=acting, performing) — *make-believe* (=pretending) — *pretence* — (=false display) — *insincerity* (=not expressing genuine feelings) — *sham* (a person who pretends) and *fake* (not genuine) — NOT TRUE — LIE.

Компонентный анализ выявленной ЛСГ слов, репрезентирующих концепт «театр», продемонстрировал микросистему смыслов, имеющих в своем фундаменте два основных: LIE/ЛОЖЬ, относящийся к концептосфере театра, и TRUTH/ПРАВДА, имеющий отношение к концептосфере реальности.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 1.08.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 1.08.2019

Библиографический список

1. *Lakoff D., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
2. Conceptual metaphor Режим доступа: http://www.scodis.com/?q=ru/conceptual_metaphor (дата обращения: 08.04.2019).
3. *Chilton P., Lakoff G.* Foreign Policy by Metaphor // Language and Peace / ed. by Ch. Schaffner, A. Wenden. L., N.Y., 2004. P. 37—74.
4. *Turner M., Fauconnier G.* Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 2009. No 10 (3). P. 183—204.
5. *Баранов А.Н.* Когнитивные модели в лингвистической семантике // Четвертая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Томск, 22—26 июня 2010 г. Томск: Томский государственный университет, 2010. Т. 1.
6. *Будаев А.В., Чудинов А.П.* Когнитивная теория метафоры: новые горизонты. Режим доступа: <http://elar.ufru.ru/bitstream/10995/18228/1/01-110.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).
7. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
8. *Киселёва С.В.* Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры // Ученые записки. Том 19: Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода. СПб., 2012. С. 33—42.
9. *Козлова Л.* Conceptual Metaphor in George Orwell's Political Dystopia "Animal Farm" // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2016. Т. 2. No 1 (7). С. 23—30.
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.
11. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
12. *Шишкина С.А.* Концептуализация познавательного интереса в русском и английском языках: монография. Тюмень: OST пресс, 2015.
13. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267—279.
14. *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3—9.
15. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Мн.: Тетрасистемс, 2005.
16. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3—8.
17. *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов. М., 1995. С. 321—323.
18. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. С. 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (дата обращения: 07.05.2019).
19. *Мельничук А.С.* Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 43 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (дата обращения: 07.05.2019).
20. *Гепнер Ю.Р.* Очерки по общему и русскому языкознанию. Харьков, 1959. С. 52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (дата обращения: 07.05.2019).
21. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. С. 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (дата обращения: 07.05.2019).
22. *Maughan W.S.* Theatre. СПб.: Корона Принт, Каро, 2007.

23. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136—137.
24. Самарская Т.Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/46587740-Hudozhestvennyy-diskurs-specifika-sostavlyayushchih-i-osobennosti-organizacii-hudozhestvennogo-teksta.html> (дата обращения: 17.05.2019).
25. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. М., 1987.
26. Ахманова О.С. Основы компонентного анализа / О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, М.М. Глушко и др. / под ред. Э.М. Медниковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
27. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing Plc, 2006.
28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 07.05.2019).
29. Annette Bening, Sherry Turkle, Theatre by W. Somerset Maugham. In search of reality [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rippleeffects.wordpress.com/2010/02/22/theatre-by-w-somerset-maugham-in-search-of-reality/> (дата обращения: 07.05.2019).

Research article

УДК 811.111'373.612.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-687-699

Componential Analysis as a Fundamental Senses Microsystem in W.S. Maugham's 'THEATRE'

Larissa Ya. Kozlova

Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky
Zhdanovskaya St., 13, St. Petersburg, Russia, 197198

Abstract. Identification of fundamental senses in the work “Theatre” by the outstanding British writer and playwright W.S. Maugham was an objective of this research. In the given work both the conceptual analysis and the componential analysis of the main character Julia Lambert's sphere of concepts was used.

The componential analysis of the revealed lexico-semantic group of the words representing a concept “theater” showed a microsystem of the meanings having two main ones at its core: LIE, belonging to the concept sphere of theater — TRUTH, concerning the concept sphere of reality.

Key words: conceptual metaphor, conceptual analysis, componential analysis, fundamental senses, microsystem

References

1. Lakoff, D. & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago.
2. Conceptual metaphor URL: http://www.scodis.com/?q=ru/conceptual_metaphor (дата обращения: 08.04.2019).
3. Chillton, P. & Lakoff, G. (2004). Foreign Policy by Metaphor. *Language and Peace*, Ch. Schaffner, A. Wenden (Eds.). L., N.Y. pp. 37—74.
4. Turner, M. & Fauconnier, G. (2009). Conceptual Integration and Formal Expression, *Metaphor and Symbolic Activity*, 10 (3), 183—204.
5. Baranov, A.N. (2010). Cognitive models in linguistic semantics In *The Fourth international conference on cognitive science: Theses of reports*: In 2 v. Tomsk, on June 22—26. Tomsk: Tomsk state university. Vol. 1.

6. Budayev, A.V. & Chudinov, A.P. Cognitive theory of a metaphor: new horizons. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18228/1/01-110.pdf> (accessed: 02.04.2019).
7. Chudinov, A. (2001). Russia in a metaphorical mirror: cognitive research of a political metaphor. Yekaterinburg.
8. Kiselyova, S.V. (2012). Sketches according to the cognitive theory of a conceptual metaphor In *Scientists notes. Volume 19: Current Problems of Philology, Intercultural Communication and Translation*. Saint Petersburg. pp. 33—42.
9. Kozlova, L.Ya. (2016). Conceptual Metaphor in George Orwell's Political Dystopia "Animal Farm" Network magazine "Research Result", *Questions of Theoretical and Applied Linguistics*, 2-1(7), 23—30.
10. Popova, W.L. & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: ACT, East-West.
11. Skrebtsova, T.G. (2018). Cognitive linguistics: classical theories, new approaches, Moscow: YaSK publishing House. (Reasonable behavior and language. Language and Reasoning).
12. Shishkina, S.A. (2015). Conceptualization of cognitive interest in the Russian and English languages: monograph. Tyumen: OST press.
13. Askoldov, S.A. (1997). Concept and word. *Russian literature. From the theory of literature to structure of the text. The anthology*. Under the editorship of V.P. Neroznak. Moscow: Academia. pp. 267—279.
14. Likhachyov, D.S. (1993). Sphere of Russian concepts. *News of RAS. Literature and language series*, 52 (1). pp. 3—9.
15. Maslova, V.A. (2005). Cognitive linguistics. Minsk: Tetrasystems.
16. Karaulov, Yu.N. (1989). Russian language personality and problems of its studying, *Language and personality*. Moscow. pp. 3—8.
17. Klobukova, L.P. (1995). A phenomenon of the language personality in the light of Linguodidactics. *The International anniversary session devoted to the 100 anniversary of the academician Victor Vladimirovich Vinogradov: Theses of reports*. Moscow. pp. 321—323.
18. Solntsev, V.M. Language as a system and structural education. P. 11 URL: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (accessed: 07.05.2019).
19. Melnichuk, A.S. (1970). Concepts of a system and structure of language in the light of dialectic materialism//Leninism and theoretical problems of linguistics. M: P. 43. URL: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (accessed: 07.05.2019).
20. Gepner, Yu.R. (1959). Sketches on the general and Russian linguistics. Kharkiv. P. 52. URL: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (accessed: 07.05.2019).
21. Panov, M.V. Modern Russian. Phonetics. P. 6. URL: https://studme.org/81674/literatura/sistema_yazyka (date of the address: 07.05.2019).
22. Maugham, W.S. (2007) *Theatre*. Saint Petersburg: Corona Print, Caro.
23. Arutyunova, N.D. (1990). Discourse In *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow. pp. 136—137.
24. Samarskaya, T.B. Literary discourse: Specifics of components and organization. URL: <https://docplayer.ru/46587740-Hudozhestvennyy-diskurs-spezifika-sostavlyayushchih-i-osobennosti-organizacii-hudozhestvennogo-teksta.html> (accessed: 17.05.2019).
25. Parshin, P.B. (1987). *Linguistic methods in conceptual reconstruction*. System researches. Moscow.
26. Akhmanova, O.S. (1969). Bases of the component analysis. Moscow: Moscow publishing house.
27. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. (2006). Bloomsbury Publishing Plc.
28. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 07.05.2019).
29. Annette Bening, Sherry Turkle, Theatre by W. Somerset Maugham. In search of reality URL: <https://rippleeffects.wordpress.com/2010/02/22/theatre-by-w-somerset-maugham-in-search-of-reality/> (accessed: 07.05.2019).

Для цитирования:

Козлова Л.Я. Компонентный анализ как микросистема фундаментальных смыслов в произведении У.С. Моэма «THEATRE» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 687—699. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-687-699.

For citation:

Kozlova, L.Ya. (2019). Componential Analysis as a fundamental senses microsystem in W.S. Maugham's 'THEATRE'. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 687—699. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-687-699.

Сведения об авторе:

Козлова Лариса Яковлевна, кандидат филологических наук; доцент кафедры иностранных языков Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского; *научные интересы*: исследования концептуальной метафоры, лингвокультурология, политическая лингвистика, дискурсология; *e-mail*: zyatkova64@mail.ru.

Information about the author:

Larissa Ya. Kozlova, Ph.D. in Philology; Associate Professor of Foreign Languages Chair, Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky, *research interests*: conceptual metaphor studies, cultural linguistics, political linguistics, discourse studies; *e-mail*: zyatkova64@mail.ru.

УДК 811.111'373:81'276.6:33

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-700-713

The English Economic Term ‘Human Capital’ and Its Semantic Field in Scientific Discourse

Yulia A. Filyasova

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovsky prospect, 44A, Saint-Petersburg, Russia 190103

Abstract. Recently, human capital (HC) has acquired special relevance in response to digital economy development. A semantic study of HC is significant for its linguistic description and practical purposes of teaching business English to students, specializing in economics and management. The aims of the research were to analyze dictionary definitions, compare them with contextual interpretations, and identify syntagmatic relations and lexical collocability of the term HC in scientific discourse. 340 article titles and their abstracts from 18 journals on economics and management served as the material for the research. The methods included continuous sampling, analysis of contextual relations, semantic classification, and componential analysis. The results of definition analysis showed that HC has intangible components of meaning and partly overlaps with *resources*, in opposition to *capital* which has monetary nature. Contextual interpretations disclose more semantic aspects of HC. Monetary relations and production factors make it closer to *capital*. Considerable attention is paid to HC formation and measurement. Terms, related to HC, embrace a wide variety of phenomena from almost all functional areas of business, which indicate the importance of HC for sustainable development, increasing profit and competitiveness. Semantic classification of collocations shows that HC is considered at the personal, organizational and national levels. The most frequent syntagmatic sequences include *HC+N*, *N+Prep.+HC*, and *Adj.+HC*. Objective valency type: *V+HC* is more common than subjective: *HC+V*. The most frequent collocations are *HC accumulation*, *HC investments*, and *the role of HC*.

Key words: Business English, scientific discourse, definition analysis, componential analysis, lexical collocability, syntagmatic relations, valency, linguistic worldview

Introduction

Communicative systems, such as language, are viewed as models for understanding real-life processes [1. P. 9] and developing a linguistic worldview. From a linguistic standpoint, human capital (HC) is a language unit, which can be studied at different levels of language structure: phonetics, lexicology, syntax, etc. In this paper, semantics is in the focus of attention. A linguistic analysis will contribute to gaining an insight into the substance of the term HC. Semantically, it belongs to the category of abstract words, which implies, as I.M. Kobozeva suggests, description of their significant meaning and application of such methods as *synonymous paraphrase* and *collocability analysis* [2. P. 85].

© Филясова Ю.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

A linguistic method, studying systemic functional relationships in a language, is *semantic field theory*, introduced by Jost Trier [3]. The theory was further developed by V.G. Admoni, A.V. Bondarko, G.S. Shchur and other linguists. Each semantic field includes a system of types and classes, variants of a certain semantic category, related to various formal means of their realization [4. P. 11]. A certain semantic category — the one which unites various linguistic units and determines their interaction — forms the basis of any functional semantic field [5. P. 35; 6. P. 6]. Identification of invariant units and referring them to particular speech segments determines the boundaries of the unit variation in a semantic field [7. P. 21].

A lexical unit is part of a language — *a semiotic system* of a particular type; hence, a lexical unit is a sign. Following A.A. Ufimtseva, a complete semiotic description of a lexical sign means conducting an analysis of its semes (paradigmatics), semantic derivation (epidigmatics), and their functioning in speech (syntagmatics) [8. P. 129]. I.M. Kobozeva suggests adding *semantic oppositions* and *corresponding features* to description of lexical units and their semantic fields [9].

According to N.Y. Shvedova, a linguistic environment, in which a word functions, has a tripartite character: firstly, the word belongs to a particular lexical class and has a number of lexical oppositions; secondly, it acquires various linear syntagmatic connections in a text; and thirdly, the word functions in different communicative and pragmatic contexts. In other words, the word is part of a class, text and context [10. P. 383].

The ability of a word to connect with other linguistic units is also called *valency* — the term introduced by S.D. Katsnel'son [11] and L. Ten'er [12]. Understanding syntagmatic connections of a semantic field reveals inherent relationships between semantics of classes and their realizations in speech. As noted by V.N. Denisenko, interpretation of any fragment of reality as *a linguistically organized "semantic space"* seems to be an effective and valid method of world cognition [13. P. 23]. A number of recent research papers are devoted to this field of study [7; 14—21].

The aims of this research are to differentiate the semantic field of the term HC from related lexical units, compare dictionary definitions of HC with its contextual interpretations, determine syntagmatic relations and lexical collocability of the term HC in scientific economic discourse. Description of the linguistic view of HC based on the obtained results has theoretical value. Research article titles and the related abstracts, containing the term HC, from journals, devoted to economic and managerial sciences, along with the correspondent dictionary definitions, are considered as the object of the analysis. Notably, research articles reflect the latest views, some of which might later become semantic components in dictionary definitions of HC.

The practical relevance lies in the fact that the results can be used in the practice of teaching business English to students specializing in economics and management. It is worth noting that scientific discourse is characterized by multiple modes of semiotic communication, including spoken, written, representational, inscriptional, and symbolic, among others. The range of semiotic communicative forms shows wide variation and is often alien to science students' ways communicating in others aspects of their lives [22. P. 321]. Consequently, drawing students' attention to scientific papers will improve their reading skills in the language of science [23], enhance their knowledge of English [24] and develop competencies in professional areas.

Material

The resources included 18 journals [26—43], related to the areas of economy and human resource management (HRM): *Economics Letters* (47 articles), *The Economics of Education Review* (42), *Economic Modelling* (35), *The Journal of Human Capital* (32), *The Journal of Intellectual Capital* (23), *Labour Economics* (22), *Journal of Management* (21), *Review of Development Economics* (19), *The Journal of Human Resources* (15), *The Journal of Comparative Economics* (15), *The Journal of Monetary Economics* (13), *Strategic Management Journal* (13), *International Economic Review* (12), *Journal of Economic Surveys* (11), *The Human Resource Management Journal* (8), *Global Business Review* (5), *The Human Resource Management Review* (4), *The Journal of Finance* (3). The corpus contained 340 article titles and the related abstracts, 44 800 words in total. 894 occurrences of the term HC were analyzed.

Methodology

Initially, the articles were continuously selected by the key word: HC; then word combinations were classified into categories on the basis of their valency and contextual meanings. Taking into consideration the fundamentals of semantic analysis mentioned above, the following methods were used:

1. **dictionary definitions** of the term HC were analyzed in combination with *capital* and *resources* in order to compare their individual semantic components;

2. **contextual definitions** (31) and **related economic phenomena** (142) were identified;

3. **syntagmatic relations** of HC and **collocations** were revealed in the left and right contexts:

3.1. HC+N (344 occurrences)

3.2. N+Prep.+HC (187 occ.)

3.3. Adj.+HC (91 occ.)

3.4. N's+HC (22 occ.)

3.5. V+HC (51 occ.)

3.6. HC+V (16 occ.)

3.7. HC+Prep.+N (10 occ.)

As a result of the analysis, the **frequency** of collocations with *HC* was determined.

Results

1. Dictionary definitions

From an economic perspective, HC is highly valuable in the modern society, though it is a multifaceted complex economic term, difficult for measuring and accounting. It differs from other forms of capital and is related to the field of HRM. The term contains the notion *capital* as a constituent element; and simultaneously, it has human nature.

Let us compare semantic components of the terms *HC*, *capital*, and *resources*, given in dictionaries [44—47]. The term HC is a unique intangible notion, whose denotative meaning completely coincides neither with *capital* nor *resources* (Table 1). The principle distinctions of the term HC are as follows.

Table 1 / Таблица 1

**Differential semantic components of the terms /
Дифференциальные семантические компоненты терминов**

HC	Semes: people, employees, skills, knowledge, experience, resources, talents, abilities, intelligence, training, judgment, wisdom, a form of wealth, motivation, health, intellectual capital, competencies, source of creativity and innovativeness	
	Specificity: not reflected in financial statements; incorporated in the organization's procedures and structure	
	Predicates: (<i>people</i>) have; be possessed; be owned; be available	Goals: accomplish goals; yield fulfillment and satisfaction to the possessor; impart the ability to change
Capital	Semes: money, property, possessions, assets, wealth, factors of production	
	Specificity: not itself in the process	
	Predicates: be used; be available; be invested	Goals: to earn more money; for producing more wealth; for starting a new business; for increasing financial strength; for development or investment; to generate income; to create goods or services
Resources	Semes: money, workers, equipment, qualities, skills, possession, economic or productive factor, means, land, labor, capital, energy, entrepreneurship, information, expertise, management, time	
	Predicates: (<i>people</i>) have; be used; be required	Goals: to help an institution or a business; for dealing with problems; to accomplish an activity; to undertake an enterprise; to achieve desired outcome

Firstly, HC has mainly intangible nature, including human resources (HR). *Capital* embraces monetary notions. Capital means wealth, while human capital is only a *form of wealth*. Gaining HC does not mean gaining direct monetary benefits. The term *resources* is semantically the widest, including both tangible and intangible semes. Among other similarities, both *capital* and *resources* are regarded as factors of production. It is worth mentioning that according to the current economic paradigm, HC is viewed as a factor of production in the era of digital economy, virtual reality, computer-aided manufacturing and artificial intelligence development [25]. That places HC on a par with *capital* and *resources*. However, it does not deprive HC of its abstract quality.

Secondly, the attainment of HC is regarded as an end in itself [47], — whereas the terms *capital* and *resources* are non-finite elements, in effect. This is also proven by the predicate: *be used* does not appear in the semantics of HC (Table 1).

Thirdly, HC is not reflected in financial statements, in contrast to capital and resources. Nevertheless, it is incorporated in the organization's procedures and structure.

As for the goals mentioned in each definition, *capital* is aimed at deriving material and financial profit, such as money, goods, services, or business expansion; in other words, certain material tangible results. However, in relation to HC and *resources*, more abstract or intangible outcome is mentioned (Table 1).

On balance, HC has more similarities with the term *resources*, as it incorporates both tangible and intangible semantic components, in contrast to *capital*, which is obviously tangible.

It is worth mentioning here that the related term *human resources* is much narrower in meaning since it denotes only the department of an organization which deals with finding new employees, keeping records about all the organization's employees, and helping them with any problems [44; 46]. The alternative term to *HR* is *personnel* [47].

2. Contextual definitions and related phenomena

As noted by I.M. Kobozeva, synonymous paraphrase is an integral part of semantic analysis, focused on abstract words [2. P. 85]. For this reason, contextual explanations of HC were found in research abstracts. They give a more detailed and broader view, and define HC as a multifaceted concept, determinant of economic growth, indicator of productivity, even as a factor of wage disparities (Table 2). They also have interpretations which directly match dictionary definitions: knowledge, skills, capabilities, and experience. Additionally, contexts expand the term up to education and professional training.

At the level of HR departments, HC is associated with employee capability, satisfaction, and commitment. Strategically, HC is a source of competitive advantage. A number of contextual definitions point at the connection of HC with resources and assets (Table 2).

Table 2 / Таблица 2

**Contextual definitions of HC /
Контекстные определения человеческого капитала (ЧК)**

<ul style="list-style-type: none"> ◆ the engine of growth ◆ a key driver of economic development ◆ key determinant of wages ◆ measure of productivity ◆ complex input ◆ a multidimensional construct ◆ explanation for health-related wage disparities 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ tenure, investment experience, education ◆ professional training, gender ◆ an important component of intellectual capital ◆ a key valuable resource ◆ most important asset ◆ an asset to be invested in ◆ a source of competitive advantage
---	---

Contrasted phenomena include a wide range of notions, ranging from personal to national issues, though differences are sometimes blurred and the phenomena can be attributed to more than one level. As can be seen from Tb. 3, HC being intangible by definition, in its generalized representation influences many aspects of human life, the prosperity of companies and national interests.

At the personal level, HC is related to the following aspects: the number of children in a family, the existence of family itself, family types, people's physical and mental state, financial and social differences among people, employment patterns, career perspectives, and work-life balance, among others.

The organizational level embraces almost all functional areas of business activity; not only immediately HRM, but also finance, marketing, research and development, strategic planning, information technologies, production.

At the national level, the term HC concerns a long list of fundamental aspects of economic development, social life, demographics, urbanizations, education, migration, technological development, and others.

Table 3 / Таблица 3

**Economic phenomena related to HC /
Экономические явления, соотносимые с ЧК**

Personal level	Organizational level	National level
<ul style="list-style-type: none"> ◆ alcohol consumption ◆ birth order ◆ career mobility ◆ career outcomes ◆ college outcomes ◆ earnings dynamics ◆ education ◆ electricity consumption ◆ gender earnings differentials ◆ human fertility ◆ job satisfaction ◆ learning ability ◆ morality ◆ optimal paternalistic health ◆ self-identification ◆ skill formation ◆ stress ◆ study effort ◆ technological knowledge ◆ time allocation ◆ voluntary unemployment ◆ work-life expectancy 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ benefit churning ◆ brand equity ◆ business longevity ◆ capital structure ◆ cost system ◆ economic efficiency ◆ economic performance ◆ employee reward ◆ HR practices ◆ information technologies ◆ labor productivity ◆ leadership ◆ occupational health ◆ organizational change ◆ physical capital ◆ product variety ◆ R&D ◆ relational capital (RC) ◆ strategic positioning ◆ structural capital ◆ trade performance ◆ value creation 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ aggregate and sectoral production ◆ child labour ◆ urbanization ◆ demographics ◆ distribution of earnings ◆ economic cycles ◆ economic development ◆ employment protection ◆ GDP per capita ◆ guest worker migration ◆ immigrants' education ◆ internal migration ◆ quality level of the science and engineering labor force ◆ learning culture ◆ military service ◆ models of education ◆ population ageing ◆ rural-urban migration ◆ social collaboration ◆ social norms ◆ technological change

3. Syntagmatic relations and collocability

3.1. HC+N

These syntagmatic relations are the most numerous. The most frequent collocations are *HC accumulation* and *HC investments*; less frequent are *HC formation*, *HC theory*, *HC approach*, *HC endowments*, and *HC measurement*.

Table 4 / Таблица 4

**Semantic categories of HC+N /
Семантические категории ЧК+N**

HC theory	Economic aspects	HC accumulation
<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC analysis ◆ HC analytics ◆ HC concept ◆ HC definitions ◆ HC explanation ◆ HC field ◆ HC quality, 2 ◆ HC research postulates ◆ HC research, 2 ◆ HC theorists ◆ HC theory, 16 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC disparity (rural-urban) ◆ HC distribution ◆ HC migration ◆ HC response to globalization ◆ HC scarcity, 2 ◆ HC sector, 3 ◆ HC sectoral productivities ◆ HC stocks, 6 ◆ HC technology ◆ HC transition ◆ HC-intensive industries, 2 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC accumulation, 77 ◆ HC augmentation ◆ HC building ◆ HC consequences of violence ◆ HC development, 2 ◆ HC enhancement ◆ HC formation, 23 ◆ HC gaps ◆ HC growth, 3 ◆ HC improvement ◆ HC transmission
Monetary aspects	HC measurement	Organizational issues
<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC acquisition, 3 ◆ HC cost ◆ HC depreciation ◆ HC endowments, 10 ◆ HC externalities ◆ HC investment decisions, 3 ◆ HC investment risk ◆ HC investment, 58 ◆ HC losses, 2 ◆ HC premium ◆ HC rates ◆ HC returns, 2 ◆ HC risks ◆ HC subsidy, 2 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC accounting ◆ HC approach, 11 ◆ HC background ◆ HC complementarities ◆ HC disclosures, 2 ◆ HC evaluation ◆ HC heterogeneity ◆ HC indicators, 2 ◆ HC inequality, 2 ◆ HC items (in financial statements) ◆ HC measurement, 6 ◆ HC quality differences ◆ HC valuation, 2 ◆ HC value measurement 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ HC allocation ◆ HC assets ◆ HC depletion, 2 ◆ HC differences ◆ HC employment mode ◆ HC flows ◆ HC good ◆ HC information ◆ HC intangibles ◆ HC management practices ◆ HC policies, 4 ◆ HC production technology ◆ HC production, 5 ◆ HC resources, 3 ◆ HC-intensive firms

The semantic field embraces the following semantic categories: HC theory, HC accumulation, HC measurement, monetary issues, organizational and economic issues (Table 4). Interestingly, it includes monetary aspects — not present in dictionary definitions.

3.2. (Adj.+)*N+Prep.+HC*

One of the most frequent collocations in this category is *the role of HC* (39 occ.). Let us consider the semantics of these syntagmatic relations.

Conceptual aspects of HC reflect the boundaries of the term, including the structure of the notion, origins, forms, types, levels, parameters, cognitive constituents, and others. The accumulation of HC implies its sources, development, accumulation, transmission, transferability, and stock, among others. Monetary features are exposed by such aspects as acquisition, assessment, estimation, value drivers, measurement, cost, investment, endowments, return, obsolescence and depreciation. At the organizational level, HC acquires specific features, such as concentration, specification, qualitative indicators, performance, proportion, inimitability, etc. (Table 5).

Table 5 / Таблица 5

**Semantic categories of *N+Prep.+HC* /
Семантические категории *N+Prep.+ЧК***

HC theory	HC accumulation	Monetary aspects	Organizational level
<ul style="list-style-type: none"> ◆ cognitive aspects of HC ◆ composition of HC ◆ concept of HC ◆ differences in HC ◆ economy with HC, 2 ◆ emergence of HC ◆ evolution of HC ◆ forms of HC, 6 ◆ higher levels of HC ◆ level of HC, 4 ◆ literature on HC, 2 ◆ main dimensions of HC ◆ research on HC, 2 ◆ types of HC ◆ uniqueness of HC ◆ variables of HC 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ accumulation of HC, 3 ◆ accumulation rates of HC ◆ development of HC, 3 ◆ formation of HC, 2 ◆ growth of HC ◆ intergenerational transmission of HC, 2 ◆ negative proxies of HC ◆ new proxies for HC ◆ portability of HC ◆ production of HC ◆ transmission of HC ◆ sources of HC ◆ transferability HC ◆ transmission of HC, 8 ◆ woman's stock of HC 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ acquisition of HC, 2 ◆ assessment of HC ◆ cost of HC ◆ depreciation of HC ◆ estimation of HC ◆ gender disparities in HC ◆ investment in HC ◆ measurement of HC 2 ◆ measures of HC, 2 ◆ obsolescence of HC ◆ return to HC, 2 ◆ risk and return of HC ◆ value drivers of HC ◆ value of HC, 2 ◆ workers' remittances on HC 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ competition for HC, 2 ◆ competitive advantage of HC ◆ concentration of HC, 2 ◆ contribution of HC, 2 ◆ description of HC, 3 ◆ effect of HC, 25 ◆ output of HC ◆ inclusion of HC ◆ influence of HC, 2 ◆ inimitability of HC ◆ performance of HC ◆ proportion of HC ◆ indicators of HC ◆ role of HC, 39 ◆ specification of HC ◆ substitutability of HC

3.3. *Adj.+HC*

The most frequently used collocation is *specific HC* (25 occ.).

Semantic categories include specificity, origin, relation to company, amount, professionalism, age, national origin, and a few individual word collocations:

Specificity: *specific*, 25; *differential*; *general*, 3; *firm-specific*, 3; *occupation-specific*; *industry-specific*; *research-specific*; *country-specific*; *sector-specific*; *colleague-specific*.

Origin: *maternal*; *parental*; *low parental*; *personal*; *endogenous*; *educational*; *inherited*; *dynastic*; *individual level*, 2; *individual*; *collective*; *child*.

Company: *entrepreneurial*; *organizational*, 2; *managerial*; *strategic*; *unit-level*; *hierarchical*; *upper-echelon executive*.

Amount: *higher; high; abundant; more; less; scarce.*

Professionalism: *high-skilled; skilled; experience-based; advanced; highly trained.*

Age: *age-structured; modern, 5; existing.*

National origin: *local; foreign; origin-country.*

Miscellaneous: *heterogeneous; risky; rival; valuable; language; inalienable; the latent variable.*

3.4. N's+HC

The scope of its semantics comprises three large areas:

People: *children's, 3; parents'; descendants'; individuals', 3; women's, 2.*

Company: *organization's; firm's; manager's; executives'; directors'; founders'; inventors'.*

Nation: *Russia's; nation's; immigrants'; academic's.*

3.5. V+HC

The verbal structure with the term HC clearly shows logical sequence of activities, performed at the organizational level: HC accumulation, analysis, management and gaining monetary profit (Table 6).

Table 6 / Таблица 6

**Semantic categories of V+HC /
Семантические категории V+ЧК**

HC accumulation	HC analysis	HC management	Monetary aspects
<ul style="list-style-type: none"> ◆ accumulate HC, 2 ◆ acquire HC, 4 ◆ develop HC, 3 ◆ enhance HC, 2 ◆ form HC ◆ improve HC, 2 ◆ increase HC ◆ invest in HC, 5 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ examine HC ◆ classify the HC of a company ◆ analyze HC ◆ explore HC ◆ focus on HC ◆ investigate HC ◆ study HC 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ identify HC ◆ manage HC ◆ motivate HC ◆ protect HC ◆ reduce HC, 3 ◆ retain HC ◆ specify HC ◆ utilize HC 	<ul style="list-style-type: none"> ◆ assess HC ◆ evaluate HC ◆ isolate HC (from expenses) ◆ measure HC, 4 ◆ obtain HC ◆ transform HC ◆ value HC

3.6. HC+V

The vast semantic areas include ‘people’, ‘company’ and ‘economy’. The verbs in the right context are *increase, augment, influence, affect, impacts, play a role, contribute to, facilitate, stimulate, interact with, respond to, dampen, result in*. Though three times less frequent, they partly coincide with those in the left context (Table 6). The objects in the sequence HC+V+O include performance, investments, growth, income, and some others:

People: HC investments *increase* lifetime income; HC *plays* an important role in performance of individual-level HC; HC *increases* the risk of overbidding; HC *affects* laid-off workers' occupation choices; HC *increases* the opportunity cost of crime from foregone work and expected costs associated with incarceration.

Company: HC *influences* the firm's decisions; HC *stimulates* investment in physical capital; HC *augments* labor productivity and also *facilitates* the transition to skilled employment; HC *impacts* organizational performance; HC *result in* superior performance; HC *interacts with* incentives; firms' HC *influences* investments in occupational health and safety.

Economy: HC contributes to rise in economic growth; the different levels of HC affect countries differently; HC responds to global opportunities; HC dampens responses of young workers to transitory tax changes.

3.7. HC+Prep.+N

Three areas are covered:

People: the HC of black soldiers, 2; the HC of natives; the HC of children, 3.

Company: HC in service organizations; HC of family firms; HC for hiring and promotions.

Economy: HC in the new economy; (the effects of) HC on developmental potential; HC in various industries.

Conclusion

To summarize, the English economic term HC can be referred to the category of abstract nouns on the basis of its dictionary definitions and the semantic field presented in research articles. Despite the fact that HC contains the word *capital*, its meaning is scarcely similar to *capital* — mainly a financial term. HC is closer to the term *resources* due to the abstract components of its semantic meaning. Additionally, the term HC is much wider than HR — the latter are only attributed to the activities performed by personnel departments in organizations.

The analysis of the semantic field of HC in scientific discourse revealed a wider understanding of the term than that presented in dictionary definitions. That is explained by the fact that research articles on economy and management contain results of practical studies and attempts to identify, measure, estimate, evaluate, determine the cost and, finally, derive profit from HC in business practice. In research articles, HC is analyzed at three major levels: personal, organizational and national (Fig. 1.).

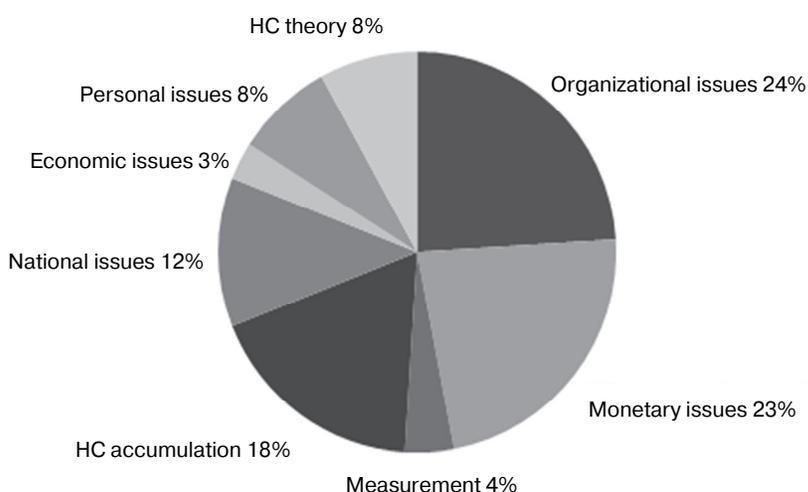

Fig. 1. The semantic field of HC in scientific discourse /
Рис. 1. Семантическое поле ЧК в научном дискурсе

The importance of HC becomes clear as a result of studying contextual definitions and the related phenomena. The semantic field of the term shows that it affects individuals' health, family formation, education, career, income. At the organizational level, HC influences almost all functional areas of business activity. Most crucially, effective approaches to HC contribute to higher productivity, return on investments, business performance, and, ultimately, competitiveness. Similarly, the levels of economy and nation are equally dependent on HC accumulation. Additionally, HC affects social collaboration, norms, hierarchy, gender disparities and other issues.

Noteworthy, in contrast to dictionary definitions, contextual interpretations refer to *monetary aspects* of the term HC and attempts to measure and incorporate it into financial statements. Moreover, *HC accumulation, formation, development, enhancement and improvement* as a result of *education, training and intergenerational transmission* could also widen the dictionary definitions.

Syntagmatic relation types differ in frequency: the most numerous are HC+N and N+Prep.+HC. Twice as numerous are Adj.+HC. The type of valency where HC acts as an object: V+HC is more common than HC+V, where it functions as a subject.

The attributes specifying HC denote a range of characteristics: professional skills, the origin of HC, age, specificity, relation to organizational structure, the amount, even language, and others.

The most frequent lexical collocations are as follows: *HC accumulation, HC investments, HC formation, HC theory, HC approach, HC endowments, HC measurement, the role of HC, and specific HC*.

As the conducted research shows, the term HC is rapidly developing, partly due to the emergence of new technologies, and requires further research.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 1.08.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 1.08.2019

References

1. Halliday M.A.K., Martin J.R. (1993). *Writing science: literacy and discursive power*. Pittsburgh.
2. Kobozeva I.M. (2000). *Linguistic semantics*. Moscow. (In Russ.)
3. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*, Ph.D. diss. Bonn.
4. Shchur G.S. (2009). *The theory of field in linguistics*. 3rd ed. Moscow. (In Russ.)
5. Admoni V.G. (1964). *Fundamentals of grammar theory*. Moscow. (In Russ.)
6. Bondarko A.V. (1999). *Fundamentals of functional grammar*. Saint-Petersburg. (In Russ.)
7. Abramov V.P., Abramova G.A. (2017). Structural and Functional Approaches to Semantic Fields Analysis. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (1), 9—25. (In Russ.)
8. Ufimtseva A.A. (1986). *Lexical meaning*. Moscow. (In Russ.)
9. Kobozeva I.M. (2016). Lexical items in a grammar: functions, categorization, constraints. *Russian Language Abroad*, 3, 51—55. (In Russ.)
10. Shvedova N.Y. (2005). *The Russian language*. Moscow. (In Russ.)
11. Katsnel'son S.D. (1948). About grammatical category. *Bulletin of Leningrad State University*, 2, 114—134. (In Russ.)
12. Ten' er, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow. (In Russ.)

13. Denisenko V.N. (2011). Semantic field: Syntagmatics and paradigmatics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 18—24. (In Russ.)
14. Averina A.V. (2019). Valency of modal words and particles in German. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 43—52. (In Russ.)
15. Filyasova Yu.A. (2019). Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 187—196.
16. Kasimova G.K. (2013). Comparative analysis of semantic structure of cognate derivatives. *RUDN Journal of Linguistics*, 4, 93—101. (In Russ.)
17. Mukhachyova I.V. (2019). Semantic valencies of the verb *rasstegnut'* (to unbutton) and ineffability of semantic valencies. *Rhema. Rema*, 1, 48—64. (In Russ.)
18. Paymakova E.A. (2010). Some semantic aspects of the English antonymous adjectives (a study of HEAVY and LIGHT). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 21—27. (In Russ.)
19. Rice S., Newman J. (2018). A Corpus Investigation of English Cognition Verbs and their Effect on the Incipient Epistemization Physical Activity Verbs. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 560—580.
20. Trufanova I.V. (2017). Lexicographic portrait of a pronoun other. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 509—518. (In Russ.)
21. Yudina N.V. (2014). Terminology of kinship relations in the Russian language discourse of the 21st century. *The Scientific Opinion*, 9, 13—23. (In Russ.)
22. Kelly G.J. (2014). Discourse practices in science learning and teaching. *Handbook of research on science education, vol. II*. New York. P. 321—336.
23. McComas W.F. (2014). Scientific Discourse (Rhetoric of Science). *The Language of Science Education*. Rotterdam.
24. Filyasova Yu.A. (2015). Continuous and end-of-module assessment system modelling for second language communicative competence evaluation. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 4, 220—223. (In Russ.)
25. Kostin A.V. (2018). From informational to digital society. *Human capital in the format of digital economy: Conference proceedings*. 16 Febr. 2018. Moscow. P. 72—80. (In Russ.)

Journals / Журналы

26. Economics Letters. URL: <https://www.journals.elsevier.com/economics-letters> (accessed: 7.04.2019).
27. The Economics of Education Review. URL: <https://www.journals.elsevier.com/economics-of-education-review> (accessed: 10.04.2019).
28. Economic Modelling. URL: <https://www.journals.elsevier.com/economic-modelling> (accessed: 12.04.2019).
29. The Journal of Human Capital. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/toc/jhc> (accessed: 15.04.2019).
30. The Journal of Intellectual Capital. URL: <https://www.emeraldinsight.com/loi/jic> (accessed: 18.04.2019).
31. Labour Economics. URL: <https://www.journals.elsevier.com/labour-economics> (accessed: 20.04.2019).
32. Journal of Management. URL: <https://journals.sagepub.com/home/jom> (accessed: 24.04.2019).
33. Review of Development Economics. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14679361> (accessed: 25.04.2019).
34. The Journal of Human Resources. URL: <http://jhr.uwpress.org/> (accessed: 28.04.2019)
35. The Journal of Comparative Economics. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-comparative-economics> (accessed: 1.05.2019).

36. The Journal of Monetary Economics. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-monetary-economics> (accessed: 3.05.2019).
37. Strategic Management Journal. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/10970266> (accessed: 5.05.2019).
38. International Economic Review. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14682354> (accessed: 7.05.2019).
39. Journal of Economic Surveys. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14676419> (accessed: 10.05.2019).
40. The Human Resource Management Journal. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/17488583> (accessed: 12.05.2019).
41. Global Business Review. URL: <https://journals.sagepub.com/home/gbr> (accessed: 14.05.2019).
42. The Human Resource Management Review. URL: <https://www.journals.elsevier.com/human-resource-management-review> (accessed: 15.05.2019).
43. The Journal of Finance. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/15406261> (accessed: 16.05.2019).

Dictionaries / Словари

44. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 18.05.2019).
45. ENCYCLOPEDIA BRITANNICA. URL: <https://www.britannica.com/> (accessed: 19.05.2019).
46. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 21.05.2019).
47. The Business Dictionary. URL: <http://www.businessdictionary.com/> (accessed: 24.05.2019).

Научная статья

УДК 811.111'373:81'276.6:33

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-700-713

Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе

Ю.А. Филясова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский проспект, 44А, г. Санкт-Петербург, Россия, 190103

Аннотация. В настоящее время человеческий капитал (ЧК) приобретает особое значение в ответ на развитие цифровой экономики. Семантический анализ ЧК имеет теоретическую ценность для лингвистического описания экономического термина и практическую значимость для преподавания делового английского языка студентам экономических и управленческих направлений подготовки. Целями исследования были проанализировать словарные дефиниции, сопоставить их с контекстными определениями и выявить синтагматические отношения и лексическую сочетаемость термина ЧК в научном дискурсе. Материалом послужили 340 названий научных статей и их аннотаций из 18 журналов по экономике и менеджменту. Методы исследования включали сплошную выборку, анализ контекстных отношений, семантическую классификацию и компонентный анализ. В результате анализа дефиниций было выявлено, что ЧК имеет абстрактные компоненты значения и частично совпадает с термином *ресурсы*, но не с термином *капитал*, имеющим монетарную природу. Контекстные определения раскрывают больше аспектов значения термина ЧК. Монетарные отношения и факторы производства сближают его с *капиталом*. Большое внимание в научном дискурсе уделяется формированию и измерению ЧК. Экономические термины, контекстуально связанные с ЧК, охватывают широкое разнообразие явлений почти из всех функциональных областей

бизнеса. Они указывают на важность ЧК для устойчивого развития, увеличения прибыли и конкурентоспособности. Семантическая классификация словосочетаний показывает, что ЧК рассматривается на личностном, организационном и национальном уровнях. Наиболее частотные синтагматические последовательности включают *НС+N*, *N+Prep.+НС* и *Adj.+НС*. Объектная валентная связь термина ЧК: *V+НС* — более распространенная, чем субъектная: *НС+V*. Наиболее употребительными словосочетаниями оказались *НС accumulation*, *НС investments* и *the role of НС*.

Ключевые слова: деловой английский язык, научный дискурс, анализ дефиниций, компонентный анализ, лексическая сочетаемость, синтагматические отношения, валентность, языковая картина мира

Библиографический список

1. Халлидей М.А.К., Мартин Дж.Р. Письменная наука: грамотность и сила дискурса. Питтсбург, 1993.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
3. Трип Ж. Исследование словарного состава немецкого языка в смысловом поле понимания: Дисс. ... д.ф.н. Бонн, 1931.
4. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 2009.
5. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М., 1964.
6. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. СПб., 2001.
7. Абрамов В.П., Абрамова Г.А. Структурный и функциональный подходы к анализу семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. no 1. С. 9—25.
8. Уфимцева А.А. Лексическое значение. М., 1986.
9. Кобозева И.М. Лексика в грамматике — функции, категоризация, ограничения // Русский язык за рубежом. 2016. no 3. С. 51—55.
10. Шведова Н.Ю. Русский язык. М., 2005.
11. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского государственного университета. 1948. no 2. С. 114—134.
12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
13. Денисенко В.Н. Синтагматика и парадигматика семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. no 2. С. 18—24.
14. Аверина А.В. Валентность модальных слов и частиц в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. no 2. С. 43—52.
15. Филисова Ю.А. Effectiveness vs. efficiency: анализ валентности и сочетаемости в техническом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 187—196.
16. Касимова Г.К. Сопоставительный анализ семантической структуры однокоренных дериватов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. no 4. С. 93—101.
17. Мухачёва И.В. Семантические валентности глагола расстегнуть и явление невыразимости валентностей // Rhema. Рема. 2019. no 1. С. 48—64.
18. Паймакова Е.А. Некоторые семантические особенности английских прилагательных антонимов (на материале прилагательных heavy—light) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2010. no 1. С. 21—27.
19. Райс С., Ньюман Дж. Корпусное исследование английских глаголов, обозначающих мыслительную деятельность, и их влияние на глаголы физической активности с элементами эпистемизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. no 3. С. 560—580.

20. Труфанова И.В. Лексикографический портрет местоимения иной // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. по 3. С. 509—518.
21. Юдина Н.В. Терминология родственных отношений в русскоязычном дискурсе XXI века // Научное мнение. 2014. по 8. С. 13—23.
22. Келли Дж.Дж. Практика применения дискурса в изучении и обучении наукам // Пособие по исследованию научной практики. Т. II. Нью-Йорк, 2014. С. 321—336.
23. Мак-Комас В.Ф. Научный дискурс (риторика науки) // Научно-популярный язык. Роттердам, 2014.
24. Филясова Ю.А. Моделирование системы непрерывного и тематического контроля уровня развития иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. по 4. С. 210—223.
25. Костин А.В. От информационного общества к цифровому // Человеческий капитал в формате цифровой экономики: междунар. науч. конф. 16 февр. 2018 г. М. С. 72—80.

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Россия); *научные интересы*: лингвистика, фонетика, деловой английский язык, медиадискурс, технический перевод, педагогика; *e-mail*: phill.yield@gmail.com; SPIN-код: 9503-8000, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

Information about the author:

Yulia A. Filyasova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Translation Studies, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Russia); *scientific interests*: linguistics, phonetics, business English, media discourse, technical translation, pedagogy; *e-mail*: phill.yield@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

Для цитирования:

Филясова Ю.А. Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 3. С. 700—713. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-700-713.

For citation:

Filyasova, Yu.A. (2019). The English Economic Term ‘Human Capital’ and Its Semantic Field in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 700—713. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-700-713.

УДК 811.111'373.7

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721

Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями)

Т.Б. Пасечник, И.Г. Савельева

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Россия, 140411

В настоящей статье предметом исследования являются частично или полностью переосмысленные английские фразеологизмы со значением «эмоция», имеющие в своей структуре цветовой компонент. Объектом рассмотрения являются особенности эмотивного компонента идиом, входящих в эту группу.

В работе предпринимается попытка показать, что цветообозначения, соотносимые с понятиями «теплый» и «холодный», определяют семантику всей устойчивой группы, образно передающей эмоции человека. Рассмотрение вопросов, связанных с употреблением цветových компонентов в идиоме, неизбежно предполагает обращение к самому важному компоненту фразеологичности — идиоматичности, которая основывается на переинтерпретации выражения и непрозрачности его значения. В статье анализируются примеры не только фразеологизмов, исторически восходящих к свободным словосочетаниям, но и выражения, которые в буквальном значении в языке не употребляются. Изучаемая группа идиом с цветовым компонентом преимущественно представлена выражениями с непрозрачной семантической структурой. На примере цветообозначений демонстрируются процессы, когда переинтерпретация может относиться не только к целому выражению, но и к его компонентам. В этом случае цветовой компонент в идиоме приобретает новую семантику, более не обозначая цвет в буквальном смысле слова, и, таким образом, вносит в семантическую структуру идиом со значением «эмоции» новый смысл.

Важно отметить, что в фокус исследования попадают немногочисленные базовые цветообозначения; огромное число слов со значением цветových оттенков не передают в английском языке эмоциональных значений. Но в других языках, возможно, мы сможем найти их в структуре устойчивых выражений, что объясняется своеобразием мировосприятия разными народами. Язык как чуткий индикатор фиксирует все сходства и различия.

Изучаемая проблема актуальна, так как обусловлена возрастающим в современной лингвистике интересом к исследованию механизмов вторичной номинации в разных языках и выявлению на материале фразеологизмов специфических особенностей вербального мышления и восприятия действительности языковыми коллективами. Лингвисты, в особенности типологи и этимологи, исследовали десятки языков и выявили ряд универсальных черт в системе цветообозначения. Однако наряду с универсалиями в ее развитии обнаруживаются и существенные национально-культурные особенности. Анализ подобного рода привносит дополнительную дифференциацию в осмысление лингвоцветового фрагмента языковой картины мира и расширяет знания об особенностях соотношения языка и мышления.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая единица, фразеологическое значение, внутренняя форма, цветообозначение, прозрачность значения, непрозрачность значения, переосмысление (переинтерпретация)

© Пасечник Т.Б., Савельева И.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Цвет является важнейшей из составляющих процесса зрительного восприятия. Визуальная перцепция лежит в основе получения опыта и знаний о физическом мире. В своих работах А. Вежбицкая [1. С. 230—235], Р.М. Фрумкина [2. С. 35], А.А. Леонтьев [3. С. 196] сформулировали основные функции цвета: изобразительная функция, эстетическая, экспрессивная, функция стимуляции психических процессов, функция коммуникации, сигнальная функция, защитная функция, аттрактивная функция (функция привлечения внимания), идентификационная.

Цвет — это явление, которое напрямую зависит от воспринимающего субъекта. В то же время цвет — это объективное явление, физическое свойство предметов, независимое и одновременно зависимое от смотрящего. В своем исследовании Р.М. Фрумкина предлагает психолингвистический подход к изучению отношений «имен цвета» и «мира цвета», который по ее выражению, является «порождением нашего глаза и мозга». Она исследует, как «мир цвета» отражается и структурируется в языке [4. С. 25]. В нашем исследовании мы исходим из того, что «языковой знак — это вторичный материальный (звуковой или графический) объект особого рода, звуко-слуховая или графико-оптическая оболочка которого неразрывно связана с определенным идеальным содержанием (значением)» [5. С. 25].

В своей повседневной жизни человек, можно сказать, выступает как универсальный измерительный прибор, способный с определенной точностью оценивать массу характеристик окружающих предметов. При этом чаще всего ему не нужны специальные приборы: линейки, термометры или что-то подобное. Оценки о состоянии предметов или явлений делаются умозрительно. Например: «Сегодня довольно тепло». В данном случае человек прибегает к понятию «тепло—холодно» исходя из физических ощущений. Однако часто, используя эти слова, человек судит об абстрактных вещах. Не подлежит сомнению, что говорящий всегда имеет вполне определенное представление о том, какие цвета являются теплыми, а какие холодными. Исследователи отмечают, что «по мере накопления опыта у человека возникают устойчивые ассоциативные цепочки, например: красное — огонь — горячо или голубой — вода — прохлада» [6. С. 81]. Интересно, что цветообозначения также помогают человеку судить о «температуре» той или иной эмоции. И это нашло свое отражение в языке. Попробуем пронаблюдать, как существующая в нашем сознании дихотомия «теплый цвет» — «холодный цвет» исторически закрепились в идиомах английского языка, описывающих природу эмоций.

Стоит обратить внимание на то, что это языковое явление универсально. Подобные примеры «разноцветных» эмоций мы найдем в разных языках. Лингвисты, в особенности типологи и этимологи, исследовали десятки языков и выявили ряд универсальных черт в системе цветообозначения. Однако наряду с универсалиями в ее развитии обнаруживаются и существенные национально-культурные особенности. Тесная связь фразеологических компонентов языка и культуры страны, говорящей на данном языке, давно обратила на себя внимание и рассмат-

ривалась в работах таких ученых (и не только лингвистов, но и психологов, культурологов, литературоведов), как В.Н. Телия [7, 8], Л.Н. Миронова [9, 10], А.М. Тимофеева [11]. Междисциплинарный подход к исследованию взаимосвязи культуры и языка и многостороннее рассмотрение отдельных языковых явлений (в частности устойчивых выражений) осуществляется в рамках ряда современных лингвокультурологических исследований [12, 13]. Фразеологи отмечают, что цветовые компоненты в устойчивом выражении, соединяясь, утрачивают свою первоначальную семантику и образуют новую, которая может выдержать проверку временем и надолго бережно сохраняться в языке, являя собой своеобразное хранилище метафорического переосмысления эмоций и состояний.

Рассматривая вопросы, связанные с употреблением цветовых компонентов в идиоме, мы неизбежно обратимся к самому важному компоненту фразеологичности — идиоматичности. По своему функциональному компоненту идиоматичность представляет собой некую «осложненность» способа выражения содержания. Однако эта «осложненность» не означает непосредственно усложнение языковых форм как таковых, а является скорее «концентрированным» выражением, и способно в сжатом виде и наиболее эффективно передать трудно поддающиеся описанию глубокие переживания.

Явление идиоматичности устойчивого выражения

Большинство определений идиоматичности в современной фразеологии основываются на переинтерпретации выражения и непрозрачности его значения: «Переинтерпретация — это взгляд на идиоматическое выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность — с точки зрения его понимания [14]». Примером переинтерпретации может быть идиома *to be like a red rag to a bull* (в значении «быть источником раздражения»). Данная идиома возникла в результате переосмысления словосочетания, относящегося к корриде. Обратим внимание на цветообозначение *red* (красный). Именно красный цвет вызывает крайнюю степень раздражения, возбуждения и входит в структуру неслучайно. Данное устойчивое выражение исторически восходит к свободному словосочетанию.

О непрозрачности значения можно говорить, анализируя семантическую структуру выражения в *once in a blue moon*, которое в буквальном значении отсутствует, поскольку слово *moon* в прямом значении в условиях объективной реальности не сочетается с прилагательным *blue*. К этому виду переинтерпретаций относятся также выражения *between the devil and the deep blue sea* (в значении «в безвыходном положении»), *blue blood* (в значении «аристократическое происхождение»).

Переинтерпретация может относиться не только к целому выражению, но и к его компонентам. Рассмотрим примеры, когда цветообозначение в идиоме переосмысливается, более не обозначая цвет в буквальном смысле слова, и вносит в семантическую структуру новые оттенки значений.

Особенности эмотивного компонента английских идиом с цветообозначением

Изначально, синий/голубой цвет в английском языке — это символы неба, моря, высоты и глубины [15]. Позднее возникает связь голубого и синего с меланхолией, возможно, относящаяся к вечерним грустным песням африканских рабов в Северной Америке (*'blues'*). *To be in the blue* — грустить, быть в подавленном состоянии. Действительно, негритянская Америка подарила миру самое печальное направление в музыке — blues; блюз — «грусть доброго человека». За этим стоит не столько культурно-историческая традиция, сколько общечеловеческая психология. Как описано в научной литературе, «по своему физиологическому воздействию синий — это самый угнетающий цвет, он понижает кровяное давление, снижает пульс, успокаивает, иногда чрезмерно» [6. С. 45].

В современном английском языке красный цвет необычайно эмоционально нагружен. Он связан с активным мужским началом, энергией жизни, войны, агрессии, опасности, импульса, эмоций, страсти. Это цвет силы, мести, крови [16]. Физиологи и психологи говорят, что гнев, агрессивные чувства вызывают наибольший прилив крови, повышение температуры. Вот почему люди говорят об этой эмоции как об огне и ассоциируют красный цвет, цвет пламени с «горячей» эмоцией. Примером идиомы, в которой компонент «красный» вводит мощную, отрицательную эмоцию в семантику, может быть фразеологизм *to see red* (в значении «прийти в ярость, рассвирепеть; быть ослепленным яростью»).

As white as a ghost (as a sheet, as ashes, as death) употребляются в английском языке в значении «бледный как полотно, смертельно бледный». Исследования физиологии человека показывают, что «гнев и страх являются полярными: наибольший прилив крови и соответственное повышение температуры вызывает гнев, а отток крови, побледнение и низкую температуру — страх» [6. С. 89]. Холодный цветовой компонент *white* усиливает значение страха или ужаса в данных фразеологизмах.

Черный цвет ассоциируется у многих народов с тьмой, грехом, с чем-то трагическим, безрадостным, горестным, даже траурным. В английском языке мы находим следующие идиомы, подтверждающие, что это цветообозначение в устойчивой группе закрепляет «холодные», негативные эмоции с разными оттенками значений. Рассмотрим примеры:

Black as night (as sin, thunder or a thunder cloud) — мрачнее тучи, туча-тучей. Так говорят о подавленном, удрученном человеке.

As black as hades (as ink or as night) — безрадостный, беспросветный. Эта идиома употребляется, когда говорят о человеке в отчаянии, которому все видится в мрачных тонах.

Серый цвет в английском языке — цвет праха, он символизирует бесцветность и неопределенность, служит символом смерти и траура. Зачастую *gray* напрямую связан с цветом волос и свидетельствует о пожилом возрасте человека или сильном эмоциональном потрясении — *gray from grief* (в значении «седой от горя»), *gray beard* (в значении «пожилой человек, старик») [16].

Заключение

Как бы то ни было, подобные рассуждения все же носят умозрительный характер. Важно отметить, что в фокус исследования попадают немногочисленные базовые цветообозначения [17, 18]. Огромное число слов со значением цветовых оттенков не передают в английском языке эмоциональных значений. Но в других языках, возможно, мы сможем найти их в структуре устойчивых выражений, что объясняется своеобразием мировосприятия разными народами. Язык как чуткий индикатор фиксирует все сходства и различия.

«Эмотивность — это эмоциональность в языковом преломлении, т.е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми и речевыми средствами, чувств, настроений, переживаний человека» [19. С. 178]. Анализ цветообозначений в устойчивых фразах способен послужить опорой в процессе интерпретации разнообразных стилистических приемов и средств выразительности, эксплуатирующих эмотивный компонент цветовой образности. В рамках изучения английского языка как иностранного подробное рассмотрение таких фразеологических единиц позволяет более предметно вникнуть в иноязычную культуру, познавая многообразие способов передать посредством языка эмоциональную оценку происходящего.

История статьи:

Дата поступления: 1.06.2019

Дата приема в печать: 15.08.2019

Article history:

Received: 1.06.2019

Accepted: 5.08.2019

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
2. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984.
3. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
4. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005.
6. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: ЮНИТИ, 1996.
8. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.
9. *Миронова Л.Н.* Цветоведение. Минск: Вестник, 2005.
10. *Миронова Л.Н.* Семантика цвета в эволюции психики человека. Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993.
11. *Тимофеева А.М.* Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиомов Н. Заболоцкого и Р. Фроста). Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.
12. Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. Лингвокультурологические исследования. М.: Ленанд, 2016.
13. *Савельев С.В., Савельева И.Г.* Этнокультурный «другой» в современной британской прозе: переосмысление стереотипов // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3 (52). С. 83—88.
14. Фразеология // Кругосвет: электрон. энциклопедия. М., 2007. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles> (Дата обращения: 12.10.2019).

15. *Crystal D.* Dictionary, Guide, Community and More: электрон, справ. London, 2007. Режим доступа: [http:// www.AHWords.com](http://www.AHWords.com). (Дата обращения: 12.10.2019).
16. *The Dictionary of Phrase and Fable. Classic Edition giving the Derivation, Source, or Origin of Common Phrases, Allusions and Words that have a Tale to Tell: dictionary / by the rev. E. Cobham Brewer.* New York Avenel Printing, 1978.
17. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006.
18. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. Centenary edition. Fifth impression (corrected).* Cassell, London, 1977.
19. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

Research article

УДК 811.111'373.7

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721

What is the Colour of the Feeling (A Case Study of English Idioms with Colour Components)

Tatyana B. Pasechnik, Inna G. Savelieva

State University of Humanities and Social Studies
30, Zelenaya Str., Kolomna, Russia, 140411

Abstract. The present article explores English phraseological units with the meaning of emotion that have been fully or partially rethought and have a colour component. The emotive component of the idioms mentioned, is, thus, the object of the present study.

In this paper we endeavor to show that the colour nominations which correlated to the concepts of 'warmth' and 'coldness' define the semantics of the whole idiom which is used for figurative naming human emotions. Looking at the use of colour components in an idiom, we cannot, but consider the key element of an idiom, i.e. idiomaticity, which we understand as the reinterpretation of an expression and the murkiness of its meaning. The article contains the analysis of both idioms which can be traced to free collocations and expressions which are not used in their literal meaning. The group of idioms in question primarily comprises the expressions of murky semantic structure. The examples of colour names exemplify the situation, when reinterpretation can apply not just to a single expression, but also to its components. In this case the colour component of the idiom acquires new semantics, i.e. It no longer means the colour in its literal sense, thus adding the meaning of 'emotion' to the semantic structure of the idiom, giving it a new meaning.

It is worth pointing out that the number of colour nominations that can be viewed from this perspective is limited. At the same time a huge number of words denoting colours and shades have now emotive meanings whatsoever. However, if we look at other languages, we might find such examples, which in turn can be explained by the fact that people of different cultures perceive the world differently. Language is very good at capturing similarities and differences.

The questions raised in the article are of utmost importance as they resonate with the current trends in linguistics, namely with the theory of secondary nomination in various languages and the issues of ideas' verbalization in phraseological units. Typological and etymological studies of dozens of languages have revealed a set of universal mechanisms in the system of color naming. However, along with universal mechanisms, there are language and culture specific ones. The analysis of such kind gives us a better understanding of this part of the worldview in different cultures.

Key words: phraseological unit, language unit, phraseological meaning, internal form, colour nomination, transparency of meaning, murkiness of meaning, rethinking (reinterpretation)

References

1. Wierzbicka, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkie slovari publ. (In Russ.).
2. Frumkina, P.M. (1984). *Colour, meaning, similarity*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
3. Leont'ev, A.A. (2003). *Basics of Psycholinguistics*. Moscow: Smysl publ; St. Petersburg: Lan' publ. (In Russ.).
4. Frumkina, R.M. (2001). *Psycholinguistics*. Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Akademija Publ. (In Russ.).
5. Alefirenko, N.F. (2005). *The Ambiguous Cases of Semantics*. Moscow: Gnozis publ. (In Russ.).
6. Vasilevich, A.P., Kuznecova, S.N. & Mishhenko, S.S. (2008) *Colour and its Names in the Russian Language*. Moscow: LKI publ. (In Russ.).
7. Teliya, V.N. (1996). *Russian Phraseology: Semantics, Pragmatics, Language and Culture Aspects*. Moscow: Unity publ. (In Russ.).
8. Teliya, V.N. (1981). *Variations of Meaning in Language: Validity of Meanings*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
9. Mironova, L.N. (2005). *Colour Studies*. Minsk: Vestnik publ. (In Russ.).
10. Mironova, L.N. (1993). *The Semantics of Colour in the Process of a Person's Changing Psychological State. Colour Aspect in Psychology*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
11. Timofeeva, A.M. (2003). *Comparative Study of Colour Component of Worldview (Case study of idiolects of N. Zabolotskiy and R. Frost)*. Ural State University. (In Russ.).
12. Language and Culture Studies: Theory vs. Empiricism. (2016). Moscow: Lenand publ. (In Russ.).
13. Saveliev, S.V. & Savelieva, I.G. (2016). Ethnical and Cultural “Other” in Contemporary British Fiction: Going Beyond the Stereotype, *International Research Journal*, 10—3 (52), 83—88. (In Russ.)
14. Phraseology In *Krugosvet Encyclopedia* (2007). Moscow. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles> (accessed: 12.10.2019).
15. Crystal, D. (2007) *Dictionary, Guide, Community and More*. London. URL: <http://www.AHWords.com> (accessed: 12.10.2019).
16. The Dictionary of Phrase and Fable. Classic Edition giving the Derivation, Source, or Origin of Common Phrases, Allusions and Words that have a Tale to Tell: dictionary Rev. by Cobham Brewer, E. (1978). New York: Avenel Printing.
17. Kunin, A.V. (2006). *English-Russian Phraseological Dictionary*. Moscow: Russkij jazyk Media publ.
18. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. Centenary edition. Fifth impression (corrected). (1977). London: Cassell.
19. Kunin, A.V. (1996). *The English Language Phraseology*. Dubna: Feniks publ. (In Russ.).

Для цитирования:

Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 3. С. 714—721. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-714-721.

For citation:

Pasechnik, T.B. & Savelieva, I.G. (2019). What is the Colour of the Feeling (A Case Study of English Idioms with Colour Components). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (3), 714—721. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-714-721.

Сведения об авторах:

Пасечник Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета; научные интересы: русская и английская фразеология, лексикология и стилистика английского языка, методика преподавания английского языка; e-mail: ptb.65@mail.ru

Савельева Инна Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: методика преподавания английского языка, лексикология и стилистика английского языка, английская художественная литература; *e-mail*: savelieva.inna@gmail.com.

Information about the authors:

Tatiana B. Pasechnik, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German and Roman Languages and Language Teaching Theory, State University of Humanities and Social Studies; *research interests*: Russian and English phraseology, English lexicology and stylistics, theory and practice of teaching English as a second language; *e-mail*: ptb.65@mail.ru.

Inna G. Savelieva, PhD in Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department, State University of Humanities and Social Studies; *research interests*: and practice of teaching English as a second language, English lexicology and stylistics, English literature history and interpretation; *e-mail*: savelieva.inna@gmail.com